1913
1

199733.
05(57) : 9(57)
С-34
Иркутская Центральная Библиотека
Сводный каталог

Сибирскій Архивъ

Журналъ исторіи, археологіи, географіи и этнографіи Сибири, Средней Азіи и Дальняго Востока.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ II.

№ 1

Январь. 1913 годъ.

199733
3

ИРКУТСКЪ.
Ирк. Эл.-тип. Т-ва «М. П. Окуневъ и К°.
1912.

v06

Молитва сибиряка*)

Благослови, Господи, мои страданья
И дай утѣху мнѣ и сладость упованья!
Дай мнѣ силу воли и терпѣнье,
Дай зрѣть моихъ ошибокъ исправленье!
Сподобь меня вкусить плодовъ пріятныхъ
Отъ моихъ стремленій и трудовъ, съ честію согласныхъ.
Пошли мнѣ духъ трудолюбія и чести,
Духъ покоя и мира совѣсти душевной!
Да бѣжитъ меня духъ коварный лести
Съ его соблазнами и участью плачевной!
Да буду я однимъ изъ вѣрныхъ родины моей сыновъ.—
Однимъ изъ тѣхъ поборниковъ скромныхъ любви и добра,
Что приносятъ пользу краю, что имя носятъ славное бойцовъ
За честь родной страны; за все, чѣмъ жизнь ея красна.

Аборигенъ.

*) Изъ бумагъ покойнаго о. А. Іонина.

Къ пребыванію Ѳ. М. Достоевскаго въ г. Семипалатинскѣ.

(По поводу 30-лѣтія со дня смерти писателя 1881—1911 г. г.)

«Съ Богомъ! Новая жизнь, воскресеніе изъ мертвыхъ... Экая славная минута!»

Такими словами Ѳ. М. Достоевскій привѣтствовалъ свой выходъ изъ Омской каторги, послѣ четырехлѣтняго въ ней пребыванія. Какая же новая жизнь ожидала Ѳ. М—ча на волѣ? – Солдатская служба дореформеннаго казарменнаго режима – вотъ та новая жизнь, которую предстояло начать Достоевскому по выходѣ изъ тюрьмы. Обстановка казармы временъ Достоевскаго, конечно, не могла сулить писателю отрадныхъ перспективъ, но по сравненію съ каторгой, описанной въ «Запискахъ изъ мертваго дома», солдатская жизнь являлась для Ѳ. М—ча настоящимъ воскресеніемъ изъ мертвыхъ. Солдатскіе годы Достоевскому пришлось провести въ г. Семипалатинскѣ, гдѣ онъ и началъ военную службу, будучи зачисленъ 2 марта 1854 г. рядовымъ въ № 7 сибирскій линейный баталіонъ. Какъ же провелъ въ Семипалатинскѣ свою службу великій писатель? Сохранились-ли объ его пребываніи въ этомъ городѣ какія-либо свѣдѣнія? Нѣкоторый отвѣтъ на эти вопросы даютъ воспоминанія современниковъ Достоевскаго по Семипалатинску, частію старожиловъ города, мѣстныхъ аборигеновъ, частію сослуживцевъ Достоевскаго по баталіону и представителей служилой интеллигенціи въ Семипалатинскѣ, съ которыми Ѳ. М. входилъ въ соприкосновеніе. Бѣглыя замѣтки о Достоевскомъ были напечатаны разными лицами въ нѣкоторыхъ журналахъ и газетахъ. Конечно, весь этотъ матеріалъ далеко не исчерпываетъ вопросъ о томъ, какъ жилъ писатель въ Семипалатинскѣ, и не рисуетъ передъ нами полной картины внутренняго міра, картину душевныхъ переживаній Ѳ. М—ча.

Тѣмъ не менѣе опубликованныя помянутыя сообщенія есть почти единственный, относящійся къ пребыванію Ѳ. М—ча въ Семипалатинскѣ матеріалъ, который даетъ нѣкоторую возможность составить хотя слабое представленіе о жизни писателя въ нашемъ городѣ. Сохранились слѣдующія воспоминанія о Достоевскомъ въ Семипалатинскѣ: Каца, сослуживца Достоевскаго по ротѣ, штабъ-трубача 7 баталіона Сидорова, Пальшина, вдовы Мамонтовой (до замужества Мельчаковой), Ситиной и барона Врангеля. Краткія воспомина-

нія Каца, Сидорова и Мамонтовой опубликованы А. В. Скандинымъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1903 годъ (Т. XCI). Эти воспоминанія дополнены Скандинымъ матеріаломъ, почерпнутымъ имъ изъ архива Семипалатинскаго военнаго штаба, и. о. начальника котораго Скандинъ состоялъ передъ упраздненіемъ штаба. Въ № 80 «Сибири» за 1887 г. Яковлевымъ напечатаны свѣдѣнія Пальшина. Воспоминанія Ситиной помѣщены въ январьской книжкѣ «Истор. Вѣстн.» за 1885 г. И, наконецъ, совсѣмъ въ недавнее время, опубликованы воспоминанія барона Врангеля («Н. В.» —1910 г.) Если ко всему этому матеріалу мы присоединимъ переписку Достоевскаго изъ Семипалатинска съ братьями и друзьями, и другой, добытый нами въ архивахъ и путемъ разспросовъ матеріалъ, то возможность представленія картины жизни Ѳ. М—ча въ Семипалатинскѣ до нѣкоторой степени облегчится.

Въ жизни Ѳ. М. Достоевскаго въ Семипалатинскѣ можно отмѣтить три періода: первый періодъ, когда Ѳ. М. состоялъ рядовымъ (съ 2 марта 1854 г.), второй періодъ—время служенія Достоевскаго въ унтеръ-офицерскомъ званіи (съ 15 января 1856 г.), и наконецъ, третій періодъ—періодъ офицерской службы (съ 1 окт. 1856 г.) Самымъ тяжелымъ временемъ для Достоевскаго были первые два года солдатской службы. Суровыя условія казарменной службы, не менѣе суровая дисциплина, слабое здоровье, расшатанное каторгой, привившей Достоевскому эпилепсію, жестоко потомъ мучившую писателя—все это серьезно озабочивало Достоевскаго. Въ письмѣ къ брату Михаилу Михайловичу (отъ 30 іюля 1854 г.) Ѳ. М. пишетъ, что «солдатство не шутка, что солдатская жизнь со всѣми обязанностями солдата не совсѣмъ-то легкая для человѣка съ такимъ здоровьемъ и съ такимъ полнымъ ничего незнаніемъ въ подобныхъ занятіяхъ,» какъ онъ. Уставалъ отъ службы первое время Ѳ. М. сильно. О степени его фрунтовыхъ занятій свидѣтельствуетъ тотъ срокъ, что уже черезъ четыре мѣсяца послѣ зачисленія въ баталіонъ принималъ участіе въ смотрахъ и парадахъ, «и зналъ свое дѣло—какъ самъ говорилъ—не хуже другихъ». Но какъ ни тяжела была солдатская лямка, все-же она не могла сравниться съ кошмарными годами каторги, когда Достоевскій считалъ себя заживо погребеннымъ. «Что за ужасное было это время,—пишетъ Ѳ. М. младшему брату Андрею Мих. про каторгу (6 ноября 1854 г.),—не въ силахъ я разсказать тебѣ, другъ мой. Это было страданіе

невыразимое, безконечное. Если бы я написалъ къ тебѣ сто листовъ, то и тогда ты не имѣлъ-бы понятія о тогдашней жизни моей». Служба всецѣло поглотила Достоевскаго. Постоянныя маршировки, смотры, парады отнимали у него много времени и силъ. Личное *я* таяло въ шеренгѣ. Солдатскую службу Достоевскій несъ старательно. Онъ неопустительно исполнялъ всѣ требованія дисциплины. Въ лицѣ даже унтеръ офицеровъ рядовой Достоевскій прежде всего видѣлъ начальство, къ которому относился почтительно. Къ солдатамъ Ѳ. М. былъ внимателенъ и помогалъ имъ, чѣмъ могъ. Обстановка казармы не давала Достоевскому должнаго спокойствія. Баталіонъ, гдѣ служилъ Достоевскій, былъ неспокойный. Въ баталіонѣ много было такъ называемыхъ «навищиковъ»,—безшабашныхъ людей, нанявшихся за другихъ отбывать солдатчину, а также крѣпостныхъ, сданныхъ въ солдаты помѣщиками. Постоянно были на лицо элементы броженія и недовольства. Дисциплина внѣдрялась суровыми мѣрами. Скандинъ рисуетъ обстановку дореформенной казармы мрачными красками. [1] Личныя непріятности въ казармѣ Ѳ. М. переносилъ терпѣливо. По обязанностямъ службы Достоевскій несъ караулъ: у порохового погреба, денежной кладовой казначейства, продовольственнаго магазина, арестантской камеры госпиталя, у гауптвахты и тюрьмы. Чаще всего Ѳ. М—ча отправляли къ гауптвахтѣ. Въ карауле Достоевскій всегда былъ исправенъ, отбывая положенные часы въ полной аммуниціи и не позволяя себѣ никакихъ послабленій даже и тогда, когда это разрѣшалось уставомъ. Въ казармѣ Ѳ. М. жилъ уединенно. Это уединеніе послѣ «вынужденнаго, мучительнаго для каждаго каторжнаго *общаго* сожительства» 2) являлось для Ѳ. М—ча настоящей потребностью и доставляло ему иногда «величайшее наслажденіе» (письмо къ брату Мих. Мих. отъ 30 іюля 1854 г.). Сосѣдомъ Достоевскаго въ ротѣ былъ рядовой Кацъ, сданный въ службу изъ пермскихъ кантонистовъ 17-лѣтнимъ мальчикомъ и впослѣдствіи оставшійся на жительство въ Семипалатинскѣ. Кацъ спалъ на нарахъ рядомъ съ Достоевскимъ и въ силу своего сосѣдства, естественно, вошелъ съ Ѳ. М. въ нѣкоторое общеніе. Отъ Каца мы лично слышали, какъ Ѳ. М. жалѣлъ его молодость, по возможности оберегалъ отъ разныхъ оскорбленій и оказывалъ ему мелкія услуги. Зная портняжеское мастерство, Кацъ работой скопилъ немножко деньженокъ и купилъ самоваръ. Ѳ. М., по

1) Скандинъ, стр. 205.
2) «Записки изъ мертваго дома».

словамъ Каца, очень любилъ пить чай и подолгу сиживалъ за самоваромъ. Достоевскій не могъ ѣсть ротную баланду и чай являлся необходимымъ добавленіемъ къ его скромному столу. Самоваръ нерѣдко наставлялъ самъ Ѳ. М. Бывало, проснется утромъ Кацъ съ твердымъ намѣреніемъ приготовить самоваръ и вычистить свою аммуницію и Ѳ. М—ча; смотритъ: самоваръ уже кипитъ на столѣ, молоко куплено и аммуниція вычищена. Кацъ конфузливо подсаживается къ столу...

«Всей душой я чувствовалъ—говорилъ намъ Кацъ (о томъ-же и Скандинъ), что вѣчно угрюмый и хмурый рядовой Достоевскій—безконечно добрый, удивительно сердечный человѣкъ, котораго, нельзя было не полюбить». И юное сердце мальчика въ мундирѣ Каца невольно тянулось къ Ѳ. М., какъ цвѣтокъ тянется къ солнцу. Въ казармѣ не видѣли Достоевскаго смѣющимся. На лицѣ Ѳ. М—ча всегда лежала печать скорби и затаенной грусти. Кацъ оставилъ описаніе внѣшности Достоевскаго. «Какъ теперь вижу передъ собой Ѳедора Михайловича, средняго роста, съ плоской грудью; лицо съ бритыми впалыми щеками казалось болѣзненнымъ и очень старило его. Глаза сѣрые. Взглядъ серьезный, угрюмый. Въ казармѣ никто изъ насъ, солдатъ, никогда не видѣлъ на его лицѣ полной улыбки. Голосъ у него былъ мягкій, тихій, пріятный. Говорилъ не торопясь, отчетливо. Былъ мало разговорчивъ. Изъ книгъ у него было только одно евангеліе, которое онъ берегъ и, видимо, имъ очень дорожилъ. Въ казармѣ никогда и ничего не писалъ. Изъ казармы рѣдко куда уходилъ, больше сидѣлъ, задумавшись, и особнякомъ». 1) Евангеліе про которое помнитъ Кацъ, Достоевскій получилъ въ подарокъ отъ женъ декабристовъ (Муравьевой, Анненковой съ дочерью и Фонъ-Визиной), посѣтившихъ Ѳ. М. въ Тобольской тюрьмѣ передъ распредѣленіемъ петрашевцевъ по разнымъ мѣстамъ. Пришлось Достоевскому принять участіе и въ такъ называемой «зеленой улицѣ»,—наказаніи шпицрутенами одного провинившагося солдата. По словамъ Каца, Достоевскій стоялъ въ строю блѣдный; лицо у него нервно подергивалось. Трясущимися руками нанесъ онъ очередной ударъ преступнику...

Черезъ два года службы—15 января 1856 г. Ѳ. М. былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Достоевскій вздохнулъ свободнѣе. Ему позволено было переселиться изъ казармы на частную квартиру. Отъ карауловъ его освободили и онъ обя-

1) Скандинъ, стр 203.

занъ былъ только являться въ казарму на ученье. Въ экстренныхъ случаяхъ за Достоевскимъ посылали изъ казармы, причемъ вѣстовыхъ Ѳ. М. всегда одѣлялъ деньгами. Послѣ производства въ унтеръ-офицеры, Достоевскій поселился въ домѣ Пальшина. Это была первая частная квартира Ѳ. М—ча, который снялъ двѣ комнаты со столомъ. 1) Квартира давала, конечно, больше уединенія, чѣмъ казарма, и, надо думать, что съ этого времени Достоевскій возобновилъ свои литературныя занятія.

Пальшинъ говоритъ, что Достоевскій много времени удѣлялъ чтенію и очень много что-то писалъ. По требованію баталіоннаго командира, подполковника Бѣлихова, Ѳ. М. посѣщалъ квартиру своего начальника, читая Бѣлихову вслухъ газеты и журналы. Нерѣдко Бѣликовъ оставлялъ Ѳ. М—ча обѣдать у себя и даже въ присутствіи гостей. Здѣсь Достоевскій завелъ знакомства. Кромѣ Бѣлихова, Достоевскій часто ходилъ къ командиру казачьей бригады Хоментовскому, горному ревизору Ковригину и осебенно часто къ смотрителю провіантскаго магазина Ордынскому. 2) Въ домѣ послѣдняго онъ оставался подолгу, работая здѣсь цѣлыми днями и даже по ночамъ. Ночью-же въ большинствѣ случаевъ у него приключались и припадки падучей. Перемѣна въ положеніи Достоевскаго благотворно отозвалась и на его душевномъ состояніи. Ѳ. М. сталъ разговорчивѣе. Иногда разсказывалъ про свою прежнюю жизнь, обстоятельства случившейся съ нимъ катастрофы и т. п. Съ Пальшиными Ѳ. М. былъ въ постоянномъ дружескомъ общеніи. Въ домъ Мельчакова Ѳ. М. больше года репетировалъ 12 лѣтнюю дочку послѣдняго (впослѣдствіи вдова Е. А. Мамонтова). Мамонтова разсказывала Скандину, что ученица она была малоспособная и капризная; особенно плохо справлялась съ ариѳметикой. Но Ѳ. М. былъ терпѣливъ. При мягкомъ и ласковомъ обращеніи съ

1) «Сибирь» № 80, 1887 г.

2) Карлъ Ордынскій былъ ссыльный полякъ. Происходилъ изъ шляхтичей Гродненской губ. По рѣшенію суда въ Бѣлостокѣ въ 1826 г. былъ водворенъ въ Устькаменогорскую каторжную тюрьму. По окончаніи тюремнаго заключенія, Ордынскій 30 апрѣля 1830 г. поступилъ въ Сибирскій линейный № 8 баталіонъ, стоявшій въ Копалѣ. Окончивъ военную службу, Ордынскій поселился въ г. Семипалатинскѣ. Здѣсь сначала имѣлъ частную службу у почетныхъ гражданъ Поповыхъ; затѣмъ ему было предоставлено право поступленія на государственную службу. Во время пребыванія Ѳ. М. Достоевскаго въ Семипалатинскѣ, Ордынскій состоялъ уже смотрителемъ Семипалатинскихъ провіантскихъ магазиновъ, дослужившись въ этомъ званіи до чина коллежскаго секретаря. Ордынскій получалъ полупенсіонъ, въ размѣрѣ 42 р. 90 к. въ годъ. Имѣлъ собственный домъ и пашню, послѣдняя находилась въ 40 верстахъ отъ города. Манифестъ 26 августа 1856 г. далъ Ордынскому возможность вернуться на родину. (Арх. свѣд.).

ученицей, Достоевскій, однако, былъ настойчивъ въ своихъ требованіяхъ и всегда добивался желательныхъ результатовъ, одѣляя иногда строптивую ученицу сластями. На урокахъ Ѳ. М. долго и сильно кашлялъ; видимо, грудь была уже не въ порядкѣ 1) 1-го октября 1856 г. Достоевскій получилъ чинъ прапорщика. Въ его судьбѣ приняли живое участіе принцъ Ольденбургскій и товарищъ Ѳ. М-ча по инженерному училищу, извѣстный защитникъ Севастополя, генералъ Тотлебенъ. Оба эти лица настойчиво хлопотали объ облегченіи участи Достоевскаго, который усиленно ждалъ возвращенія въ Европейскую Россію и полученія разрѣшенія безпрепятственно печатать свои произведенія. Семипалатинская глушь не могла не дѣйствовать на писателя удручающе. Если и въ настоящее время Семипалатинскъ представляетъ изъ себя городъ съ слабымъ развитіемъ культурной жизни, то что сказать про Семипалатинскъ временъ Достоевскаго? По полученіи офицерскаго чина Ѳ. М. входитъ уже въ близкое соприкосновеніе съ офицерской средой. Умственный уровень этой среды былъ самый разнообразный. Встрѣчались даже офицеры изъ Севастопольскихъ героевъ солдатъ, произведенные въ прапорщики за боевыя отличія. Болѣе близокъ Достоевскій былъ съ Андреемъ Ивановичемъ Бахиревымъ. Послѣдній считался въ Семипалатинскѣ образованнымъ офицеромъ. Онъ выписывалъ лучшіе русскіе журналы, живо интересовался литературой и много читалъ. Одно время Достоевскій съ Бахиревымъ жили на одной квартирѣ. Бахиревъ въ должной мѣрѣ цѣнилъ нравственное значеніе личности Достоевскаго, съ котораго онъ даже пріобрѣлъ въ Варшавѣ, во время одного изъ своихъ отпусковъ въ Европейскую Россію, (когда Достоевскій былъ еще въ Семипалатинскѣ) прекрасный портретъ. Кромѣ офицеровъ, Достоевскій имѣлъ знакомство и съ нѣкоторыми городскими чиновниками, въ томъ числѣ съ чиновникомъ особыхъ порученій Исаевымъ. Исаевъ былъ неисправимый алкоголикъ, допившійся до бѣлой горячки. Перевезенный въ Кузнецкъ, томской губ., Исаевъ скоро тамъ умеръ. Марья Дмитріевна Исаева въ личной жизни Ѳ. М-ча сыграла большую роль. Достоевскій чувствовалъ къ ней глубокое сердечное влеченіе. Это чувство не осталось безъ отклика со стороны Марьи Дмитріевны.

Взявъ двухнедѣльный отпускъ, Ѳ. М. выѣхалъ въ Кузнецкъ и тамъ повѣнчался съ вдовой Исаевой 6 февраля

1) Скандинъ. стран. 210, 212.

1857 г. 1). Но еще раньше этого онъ отправилъ одному изъ своихъ семипалатинскихъ друзей, барону Врангелю, восторженное письмо, въ которомъ, между прочимъ, пишетъ: «Я до масленицы женюсь—вы знаете на комъ. Она сама сказала мнѣ: да. Я вамъ пишу *навърно*, что я женюсь»... (Письмо къ Врангелю отъ 21 декабря 1856 г.). Въ лицѣ Маріи Дмитріевны Ѳ. М. пріобрѣлъ любящаго друга, который ревниво охранялъ его покой. Но супругу Ѳ. М-ча серьезно озабочивала эпилепсія мужа. Жестокій приступъ падучей случился съ Ѳ. М. въ Барнаулѣ, когда Достоевскіе возвращались изъ Кузнецка послѣ вѣнчанья. Марья Дмитріевна, чѣмъ могла, старалась облегчить страданія своего мужа. Желая нѣсколько поправить свое здоровье, Достоевскій взялъ лѣтомъ 1857 г. двухмѣсячный отпускъ и поселился въ поселкѣ Озерномъ, въ 16 верстахъ отъ Семипалатинска. (См. ниже прош. Достоевскаго на имя командира баталіона Бѣлихова отъ 27 іюля 1857 г.). Отъ перваго брака у Исаевой осталось нѣсколько человѣкъ дѣтей. Ѳ. М. принялъ на себя заботу о дѣтяхъ своей жены. Благодаря стараніямъ Достоевскаго, старшій сынъ Исаева, Павелъ, былъ опредѣленъ въ Омскій кадетскій корпусъ.

Въ дѣлахъ Семипалатинскаго Областного Правленія сохранилось собственноручно—написанное Ѳ. М-мъ прошеніе на имя командира линейнаго № 7 баталіона, подполковника Бѣлихова, объ исходатайствованіи у Семипалатинской областной администраціи подорожной для Павла Исаева, объ опредѣленіи котораго въ кадетскій корпусъ Достоевскій усиленно хлопоталъ еще до женитьбы на вдовѣ Исаевой. Вотъ это прошеніе:

Господину командиру Сибирскаго линейнаго № 7 баталіона подполковнику Бѣлихову.

Вчерашняго числа, возвратясь изъ двухмѣсячнаго отпуска, даннаго мнѣ для излеченія застарѣлой падучей болѣзни, въ форпостѣ Озерномъ, я получилъ отъ семипалатинской городской полиціи извѣщеніе, что пасынокъ мой, девятилѣтній Исаевъ, принятъ въ Сибирскій кадетскій корпусъ. Дежурство корпуснаго штаба извѣстило семипалатинскую городскую полицію отъ 17 іюля 1857 г. за № 5207, что его высокопревосходительство, господинъ корпусный командиръ, изволилъ сдѣлать распоряженіе объ отпускѣ изъ тобольскаго

1) О пребываніи Ѳ. М Достоевскаго въ Кузнецкѣ напечатано въ «Сибирской Жизни» за 1904 г.

окружнаго казначейства подъ расписку г-жи Исаевой (нынѣ жены моей Достоевской) прогонныхъ денегъ и подорожной на доставленіе въ Сибирскій кадетскій корпусъ, къ 1-му августа сего года, сына ея, Исаева. Но такъ какъ жена моя, вступая со мной въ бракъ, переѣхала на жительство изъ г. Кузнецка, томской губерніи, въ г. Семипалатинскъ, то г. начальникъ корпуснаго штаба, увѣдомленный о семъ обстоятельствѣ, уже просилъ Тобольскую казенную палату о выдачѣ прогонныхъ денегъ и подорожной на доставленіе Павла Исаева въ г. Омскъ изъ Семипалатинскаго окружнаго казначейства, по требованію матери его г-жи Достоевской, бывшей въ первомъ бракѣ Исаевой.

Имѣя честь почтительнѣйше увѣдомить о семъ обстоятельствѣ ваше высокоблагородіе, нахожусь вынужденнымъ присовокупить, что Семипалатинское окружное казначейство, безъ указа Тобольской казенной палаты, не можетъ выдать слѣдуемыя Павлу Исаеву деньги. И потому почтительнѣйше прошу извѣстить о семъ обстоятельствѣ его превосходительство, господина семипалатинскаго военнаго губернатора. Какъ вотчимъ Павла Исаева, я обязанъ распорядиться о доставленіи его въ Сибирскій кадетскій корпусъ непремѣнно къ 1-му числу августа с. г., или, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ числахъ того-же мѣсяца. Имѣя довѣреннаго человѣка для препровожденія Павла Исаева, именно почтальона семипалатинскаго почтамта Лапухина, я, если уже не могу получить тотчасъ-же прогонныхъ денегъ, непремѣнно долженъ снабдить моего пасынка подорожной, чтобъ не было задержекъ въ дорогѣ. Имѣя честь почтительнѣйше изложить вашему высокоблагородію всѣ сіи обстоятельства, я осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше высокоблагородіе донести о семъ дѣлѣ его превосходительству, г. семипалатинскому военному губернатору, и исходатайствовать у его превосходительства подорожную по казенной надобности для доставленія въ Сибирскій кадетскій корпусъ Павла Исаева. Безъ нея я не могу распорядиться доставленіемъ его въ Омскъ въ первыхъ числахъ августа, и онъ, не явившись къ сроку, можетъ потерять право на поступленіе въ корпусъ».

Прошеніе—автографъ въ 1902 г. было извлечено изъ архива Семипал. Обл. Правл. и помѣщено въ музеѣ Семипалатинскаго Географическаго Подъотдѣла, гдѣ хранится и въ настоящее время. Прошеніе было напечатано въ № 8 «Семипал. области. Вѣдомостей» за 1898 г. и въ XCI. т. «Истор. Вѣстн.» за 1903-й годъ. Хотя прошеніе и пред-

ставляетъ типичный образецъ оффиціальной бумаги, поданной по начальству, однако и въ ней проглядываетъ чуткая и отзывчивая къ чужой нуждѣ душа писателя. Ѳ. М. вообще не могъ спокойно проходить мимо чужого горя. Бѣдняки постоянно получали отъ него помощь. Несмотря на свое стѣснительное матеріальное положеніе, потребовавшее послѣ женитьбы увеличенія расходовъ, Ѳ. М. тѣмъ не менѣе входилъ въ тяжелое положеніе другихъ и даже одно время принялъ на себя содержаніе бѣднаго татарскаго семейства съ старикомъ слѣпцомъ; Марья Дмитріевна аккуратно доставляла этой семьѣ разную провизію. Отзывчивость Ѳ. М—ча отмѣчена З. А. Сытиной (дочерью офицера Гейбовича, ротнаго командира Достоевскаго): «у Ѳедора Михайловича было не мало знакомыхъ изъ разныхъ слоевъ общества, и ко всѣмъ онъ былъ внимателенъ и ласковъ. Самый бѣдный человѣкъ, не имѣющій никакого общественнаго положенія, приходилъ къ Достоевскому, какъ къ другу, высказывалъ ему свою нужду, свою печаль и уходилъ отъ него обласканный. Вообще для насъ, сибиряковъ, Достоевскій—личность въ высшей степени честная, свѣтлая; такимъ я его помню, такъ я о немъ слышала отъ моего отца и матери, и, навѣрно, такимъ-же его помнятъ всѣ, знавшіе его въ Сибири». 1)

Въ Семипалатинскѣ Достоевскій имѣлъ много знакомыхъ. Были у него и друзья. Таковъ напр. баронъ Врангель, служившій нѣкоторое время въ Семипалатинскѣ. Въ письмѣ къ Аполлону Майкову отъ 18 января 1856 г. Ѳ. М. отзывается о своемъ другѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Письмо это доставитъ Е. А. Врангель, человѣкъ очень молодой, съ прекрасными качествами души и сердца, пріѣхавшій въ Сибирь прямо изъ Лицея съ великодушной мечтой узнать край, быть полезнымъ и т. д. Онъ служилъ въ Семипалатинскѣ; мы съ нимъ сошлись, и я полюбилъ его очень». Дружескія чувства связывали Ѳ. М—ча также съ семействомъ офицера Гейбовича, которому Достоевскій писалъ даже изъ Твери (отъ 23 окт. 1859 г. 2). Облегченіе участи Ѳ. М—ча, выразившееся въ производствѣ его въ офицеры, благотворно повліяло на душу писателя. Въ характерѣ его стало замѣчаться больше ровности, временами онъ былъ дѣтски-благодушенъ; часто его видѣли смѣющимся. Мамонтова помнила

1) «Истор. Вѣсти.» за 1885 г., январьская книжка; замѣтка о Достоевскомъ Сытиной.

2) Письмо это напечатано въ «Ист. Вѣсти.» за 1885 г. въ январьской книжкѣ.

его даже весело танцевавшимъ въ домѣ городского судьи Пѣшехонова, отличавшагося на весь городъ хлѣбосольствомъ Но Ѳ. М. не выносилъ пьяныхъ безобразниковъ.

«Кто пьетъ до безобразія, тотъ не уважаетъ человѣческаго достоинства ни въ себѣ, ни въ другихъ»,—говорилъ Достоевскій. 1) Что касается матеріальнаго положенія Ѳ. М—ча, то оно было не изъ блестящихъ. Достоевскій часто испытывалъ нужду въ деньгахъ, хотя жилъ и скромно. Маленькаго офицерскаго жалованья не хватало и поневолѣ приходилось обращаться къ займамъ. Въ счетъ будущихъ литературныхъ работъ Достоевскій получилъ напр. съ Каткова 500 р; получалъ иногда помощь отъ брата Мих. Мих., имѣвшаго не особенно устойчивую въ матеріальномъ отношеніи папиросную фабрику и т. п. Въ Семипалатинскѣ Ѳ М—ву пришлось обзаводиться всѣмъ, начиная съ бѣлья. (Письмо изъ Семипал. отъ 25 янв. 1857 г.) По пріѣздѣ изъ Кузнецка, Достоевскіе поселились въ небольшомъ двухъэтажномъ домикѣ Ленухиныхъ, по Крѣпостной улицѣ. Домикъ этотъ цѣлъ и теперь. Обстановка квартиры была самая простая, но «милая и уютная». 2) Семейная атмосфера создавала благопріятныя условія для бодрой работы писателя. Ѳ. М. въ домѣ Ленухиныхъ много писалъ, особенно по ночамъ. Скандинъ передаетъ любопытный фактъ: спустя нѣсколько лѣтъ по отъѣздѣ Достоевскихъ изъ Семипалатинска, въ домѣ Ленухиныхъ стали снимать старые обои. Стѣны дома оказались оклеенными листами неписанной бумаги съ бисернымъ почеркомъ Достоевскаго. Выяснилось, что хозяйка дома, Ленухина, утилизировала рукописные листы Достоевскаго, оклеивая ими стѣны дома, обвертывая крынки съ молокомъ и т. п. 3). Кто знаетъ, можетъ быть, въ числѣ этихъ листовъ, неизвѣстно какъ попавшихъ Ленухиной, были и неопубликованные въ печати? Итакъ, въ Семипалатинскѣ Ѳ. М. усиленно работалъ, просиживая за литературными занятіями иногда цѣлыя ночи напролетъ. Что-же написалъ Достоевскій въ Семипалатинскѣ? Прежде всего, почти безошибочно можно предположить, что въ Семипалатинскѣ, подъ живымъ впечатлѣніемъ пройденной каторги, Ѳ. М. выносилъ въ сердцѣ своемъ знаменитыя «Записки изъ Мертваго дома». Затѣмъ, разбираясь съ разными данными, окружавшими жизнь Достоевскаго, можно установить, что въ Семипалатинскѣ Ѳ. М. написалъ: «Село Степанчиково» (на-

1) Скандинъ стр. 212.
2) Ситина. „И. В." 1885 г. янв.
3) Скандинъ, стран. 223.

печатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ») и «Дядюшкинъ сонъ» (появился въ «Русскомъ словѣ»). Извѣстно, съ какимъ сочувствіемъ были приняты эти произведенія Достоевскаго русскимъ образованнымъ обществомъ, оцѣнившимъ талантъ Достоевскаго. Издатель «Русскаго Слова» Кушелевъ перевелъ въ распоряженіе Ѳ. М—ча тысячу руб., отозвавшись съ большой похвалой объ его произведеніи. Не мало Ѳ. М. отправилъ изъ Семипалатинска писемъ къ братьямъ и друзьямъ. Почти тотчасъ-же по прибытіи въ Семипалатинскъ, Достоевскій началъ переписку съ братьями. Трудно съ точностью установить, съ какого момента Ѳ. М. вернулся въ Семипалатинскѣ къ литературнымъ занятіямъ; но можно думать, что Достоевскій возобновилъ свои занятія съ 1856 г., когда ему было разрѣшено переселиться на частную квартиру, дававшую желательное для него уединеніе и больше удобствъ для занятій, чѣмъ казарма. Литературныя произведенія, написанныя Достоевскимъ въ Семипалатинскѣ, появились въ печати въ 1858 г. Въ этомъ-же году Достоевскому возвратили дворянское званіе, а затѣмъ, согласно Высочайшему приказу, состоявшемуся 18 марта 1859 г., Ѳ. М. былъ уволенъ по болѣзни въ отставку, съ производствомъ въ подпоручики. (Прик. по отдѣльн. Сиб. корп. отъ 29 апрѣля 1859 г. за № 46). По выходѣ изъ службы Ѳ. М. получилъ 30 іюля 1859 г. отъ начальства проходной билетъ на выѣздъ въ указанное ему для жительства мѣсто—г. Тверь, хотя Достоевскій въ своемъ прошеніи объ отставкѣ и просилъ разрѣшенія поселиться въ Москвѣ.

Въ томъ-же 1859 г. Ѳ. М. покинулъ Семипалатинскъ, проживъ въ немъ такимъ образомъ болѣе пяти лѣтъ

Прошли послѣ этого годы. Талантъ Достоевскаго проявился во всей своей силѣ въ цѣломъ рядѣ выдающихся произведеній, снискавшихъ Ѳ. М—чу всемірную извѣстность. Въ 1880 г. въ Москвѣ на пушкинскихъ празднествахъ Достоевскій произнесъ свою знаменитую рѣчь, вызвавшую у публики огромный энтузіазмъ. Это была, кажется, уже лебединая пѣснь Ѳ. М—ча. Въ слѣдующемъ году Достоевскаго не стало. Смерть и грандіозныя похороны писателя въ Петербургѣ явились событіемъ большой общественной важности. На отпѣваніи присутствовали представители высшаго столичнаго духовенства. Ко гробу писателя явилось 67 депутацій съ вѣнками. 15 хоровъ пѣвчихъ проводили останки Ѳ. М—ча до мѣста вѣчнаго его упокоенія. Общество спѣшило поклониться не только праху писателя, но и «всему

страданію человѣческому», олицетвореніемъ котораго явился Достоевскій... Прошло 30 лѣтъ со дня смерти Ѳ. М—ча. Русское общество и печать (въ томъ числѣ и Сибирская) тепло вспомнили память того, сердце котораго «было защемлено щипцами людской муки». Вспомнили про Ѳ. М. Достоевскаго и въ Семипалатинскѣ. Семипалатинскій Географическій Подъотдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, преклоняясь передъ свѣтлою памятью великаго писателя, вошелъ въ Семипалатинскую Городскую Думу съ слѣдующимъ ходатайствомъ:

«*28 января, сею 1911 года*, исполнилось тридцать лѣтъ со дня смерти великаго русскаго писателя Ѳеодора Михайловича Достоевскаго. Вся мыслящая и образованная Россія такъ или иначе отмѣтила тридцатилѣтіе смерти этого великана мысли и духа. Русское общество отнеслось къ памяти писателя-подвижника съ чувствомъ благоговѣйной любви и неколебимаго уваженія, несмотря на то, что на произведеніяхъ Достоевскаго лежитъ уже тридцатилѣтній слой исторіи. Память Ѳ. М. Достоевскаго для жителей Семипалатинска тѣмъ болѣе должна быть дорога, что Ѳ. М. нѣкогда прожилъ въ нашемъ городѣ свыше пяти лѣтъ (1854—1859 г. г.). Въ Семипалатинскѣ еще уцѣлѣлъ одинъ изъ домовъ, гдѣ жилъ Ѳ. М. Достоевскій—это бывшій домъ Лепухиныхъ, нынѣ Незговорова, находящійся на Крѣпостной улицѣ. Только этотъ домъ и говоритъ намъ теперь о памяти дорогого покойника, нѣкогда невольнаго жителя Семипалатинска. Семипалатинскій Географическій Подъотдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, желая хотя въ слабой степени почтить память великаго писателя, защитника «униженныхъ и оскорбленныхъ», имѣетъ честь войти въ Семипалатинскую Городскую Думу съ ходатайствомъ.—не признаютъ-ли г.г. представители города возможнымъ прибить къ дому Незговорова (бывшаго Лепухина) мраморную или иную приличную доску съ надписью на ней, что въ этомъ домѣ жилъ Ѳ. М. Достоевскій и назвать одну изъ улицъ, на перекресткѣ которыхъ стоитъ домъ Незговорова, улицей Достоевскаго. Конечно, помянутый способъ почтенія памяти великаго писателя есть очень скромный способъ напомнить о томъ, кто такъ глубоко, до послѣдняго предѣла, раскрылъ и освѣтилъ человѣческую душу, въ своей раздвоенности то стремящейся къ идеалу высшей справедливости, истины и красоты, стремящейся въ высь чистѣйшаго сіянія, то ниспадающей въ бездну порока и зла. Но Семипалатинскій Географическій Подъотдѣлъ, въ лицѣ своего органа—распоряди-

тельнаго комитета былъ-бы вполнѣ удовлетворенъ, если-бы г. г. гласные Семипалатинской Городской Думы могли почтить память Ѳ. М. Достоевскаго, кромѣ помянутаго выше способа, какимъ-нибо и инымъ еще способомъ, отвѣчающимъ достоинству великаго писателя».

Дума, разсмотрѣвъ ходатайство Подъотдѣлы, постановила: прибить къ дому Незговорова мраморную доску съ надписью, что въ этомъ домѣ жилъ Ѳ. М. Достоевскій и переименовать Крѣпостную улицу въ улицу имени Достоевскаго. 1).

Оканчивая настоящую замѣтку, считаю необходимымъ добавить, что она имѣетъ характеръ лишь *краткой* исторической *справки* о пребываніи Ѳ. М. Достоевскаго въ Семипалатинскѣ.

Возстановляя въ памяти читателя настоящей замѣтки годы пребыванія великаго писателя въ Семипалатинскѣ, авторъ этихъ строкъ желалъ тѣмъ самымъ лишь напомнить лишній разъ о томъ, кто, по справедливости, признанъ геніемъ человѣческаго страданія, кто оставилъ намъ въ наслѣдство свой завѣтъ: «Страданіе и боль всегда обязательны для широкаго сознанія и глубокаго сердца». Б. Г. Г-въ.

1911 г.

Г. Семипалитинскъ.

---

1) Въ улицу имени Достоевскаго переименова Крѣпостная улица. Мраморная доска уже пріобрѣтена гласнымъ Гор. Думы и членомъ Подъотдѣла И. М. Ложкинымъ на собственныя средства. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1912 г. ожидалось прибитіе доски къ дому Незговорова.

Алданскій край, Якутской области.

Алданскій край считается захолустнымъ краемъ, затерявшимся въ непроходимыхъ лѣсахъ, наполненныхъ разнымъ звѣремъ и птицей. Но теперь онъ уже не имѣетъ того сурового, дикаго вида, какимъ былъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда алданскіе тунгусы не были подвластны русскимъ. Тогда было не то. Лѣса были мрачны и непроходимы; дорогъ среди нихъ не было, да и некому было прокладать ихъ: огромныя лиственницы и сосны горделиво высились въ воздухѣ, являясь истинными стражами великанами могучаго Алданскаго лѣса; между ними бѣлѣлись березы, виднѣлась черемуха и рябина, желтыми пятнами выступала осина. Глухо, темно, сыро было въ этомъ лѣсу, раскинувшемся на необозримое пространство. Деревья росли и валились сами собой отъ старости, образуя иногда цѣлые мосты по землѣ, еще болѣе усиливавшіе непроходимость лѣса. Сквозь громадныя груды валежнаго лѣса пробивались новыя деревья, медленно разрастались и тянулись въ вышину и на мѣста свалившихся великановъ древеснаго царства являлись новые великаны, становясь все гуще и темнѣе. Человѣкъ могъ пробираться сквозь эту дебрь только съ топоромъ въ рукахъ, да и то по сухимъ борамъ, по едва замѣтнымъ тропинкамъ; тунгусы ходили на охоту, собираясь небольшими партіями. Тропинки эти служили для охотниковъ какъ бы компасами, тунгусы знали, куда ведутъ эти тропинки, какія мѣста захватываютъ и какіе звѣри и птицы обитаютъ по сторонамъ ихъ. Но существовали въ алданскихъ лѣсахъ и такія обширныя болота, топи и зыбуны, что ни одинъ, самый смѣлый охотникъ не рѣшался проходить черезъ нихъ. Такія мѣста называли тунгусы неудобными мѣстами, населенными злыми духами.

И раздолье же было въ этихъ мѣстахъ разнымъ дикимъ звѣрямъ и животнымъ! Тутъ было всего много: медвѣдей, сохатыхъ, лисицъ, куницъ, соболей, оленей, бѣлокъ, бурундуковъ, зайцевъ и волковъ, а изъ птицъ—тетерева, куропатки, рябчики, глухари; на рѣкахъ и озерахъ водились гуси и утки, прилетавшіе въ весеннее время и улетавшіе съ наступленіемъ поздней осени. Лѣса были нетронутые, дѣвственные. Тунгусы бродили въ нихъ, но ихъ было такъ мало въ сравненіи съ необъятнымъ пространствомъ лѣсовъ, что находилось много такихъ мѣстъ, куда еще не ступала нога человѣка. Охотники отыскивали звѣря безъ труда, но горе имъ, если они ранили могучаго медвѣдя. Ревъ его потрясалъ своды лѣса, глаза наливались кровью, стремительнымъ дви-

женіемъ бросался онъ на оплошавшихъ охотниковъ, ломалъ ихъ самодѣльное оружіе, подминалъ ихъ самихъ и съ глухимъ ворчаніемъ рвалъ окровавленные трупы, торжествуя свою побѣду. Подобныя несчастья случались нерѣдко, но это не останавливало тунгусовъ, потому что въ охотѣ заключалась вся ихъ жизнь. Безъ охоты они не могли существовать. Убивая медвѣдей, оленей, лисицъ, соболей и проч., тунгусы снимали съ нихъ шкуры и приготовляли ихъ къ продажѣ или для уплаты ясака, а мясо употребляли въ пищу. Во время необычайной охоты звѣроловы собирались большими артелями въ Якутскъ. Тамъ они продавали шкуры, покупали хлѣбъ, чай, топоры, ножи, желѣзные наконечники для рогатинъ и проч. и возвращались обратно. Но все таки хлѣба они употребляли мало, въ виду его трудной доставки и питались преимущественно мясомъ заловленныхъ звѣрей, птицъ и рыбой. Всего этого было у нихъ много дома и запасалось въ большомъ количествѣ. Но иногда выпадали такіе года, что звѣри куда то исчезали изъ лѣсовъ, т. е. уходили въ такія мѣста, откуда ихъ нельзя было достать; водяныя птицы не прилетали весной, а лѣсныя тетерева, рябчики, куропатки также исчезали, подобно звѣрямъ, а рыба стояла на глубинѣ рѣкъ и озеръ и не ловилась; среди тунгусовъ распространялся голодъ. Старые запасы выходили скоро, новыхъ достать было неоткуда. Начиналась голодная жизнь, которая поддерживалась только тѣмъ, что тунгусы ѣли древесную кору, чтобы обмануть голодъ.

По берегамъ небольшихъ рѣчекъ, поросшихъ густымъ непроходимымъ лѣсомъ, стояли тунгусскія селенія, расположившіяся у самой воды. У воды тунгусы селились потому, что рѣки служили имъ единственнымъ удобнымъ путемъ сообщенія съ другими селеніями. У каждаго семейства была лодка, сдѣланная изъ цѣльнаго дерева. Въ лодкѣ тунгусъ ѣздилъ быстро и ловко, несмотря на ея вертлявость. Вода не пугала его, потому что онъ былъ искуснымъ пловцомъ съ дѣтства и легко могъ проплыть нѣсколько десятковъ верстъ на водѣ. Рыболовство требовало большой ловкости и сноровки, а такъ какъ всѣ тунгусы занимались этимъ промысломъ, то и вполнѣ освоились съ водой, чувствуя себя на ней такъ же хорошо, какъ и въ лѣсу.

Несмотря на обиліе лѣса, жилыя помѣщенія тунгусовъ отличались мизерностью и тѣснотой. Состоя изъ одного сруба, избушка тунгуса не имѣла ни пола, ни оконъ, ни дверей. Вмѣсто пола была голая земля, только около стѣнъ прикрыта звѣриными шкурами; вмѣсто оконъ—маленькія

БИБЛИОТЕКА

...щины, затянутыя оленьими пузырями, а вмѣсто дверей — оленья шкура, прикрывающая верхнее отверстіе. Въ углу стояла неуклюжая «каменка» — подобіе печи, сложенная изъ большихъ камней. Трубы, конечно, не имѣлось. Эту «каменку» топили нѣсколько разъ въ день, если дѣло было зимой — и тогда все живое должно было выбраться изъ избушки, потому что дымъ наполнялъ ее до земли. Послѣ топки избушку закрывали наглухо и въ ней становилось такъ жарко, что обитатели ея должны были снимать съ себя одежду. Но скоро все тепло улетучивалось и дѣлалось холодно, въ виду чего топка повторялась, обитатели опять выгонялись дымомъ на улицу. И такъ нѣсколько разъ въ день. Одинъ тунгусъ способенъ былъ перенести такую жизнь.

Ничѣмъ нестѣсняемые въ своихъ лѣсахъ, тунгусы тѣмъ не менѣе ставили свои избушки вплотную одна къ другой и выбирали мѣсто для селеній около самаго рѣчного берега, такъ что почти ежегодно случались такія «неожиданности», что то или другое селеніе сносилось водою при весеннемъ половодьѣ, а въ сухое время года свирѣпствовали пожары, уничтожавшіе цѣлыя селенія, а вмѣстѣ съ ними и лѣса. Но и это не вразумляло тунгусовъ. Они упорно продолжали возстановлять свои жилища на старыхъ пепелищахъ и, конечно, терпѣли новыя бѣдствія. Но бѣдствія шли своимъ чередомъ.

Въ 1860 году, какъ извѣстно, нѣсколько сотенъ алданскихъ тунгусовъ было перерѣзано „хайлаками“, поэтому немудрено, что тунгусы мужчины ходятъ постоянно вооруженными.

Тунгусское сказаніе повѣствуетъ, что на вершинѣ горы Алдана погребенъ тунгусскій пророкъ, убитый въ борьбѣ съ «хайлаками». Дѣйствительно, на горѣ находится окруженная камнями и кустарникомъ могила или яма сажени въ три длиной, которую зорко стерегутъ тунгусы.

Когда то, въ былое время, въ алданскомъ краю жили юкагиры, которыхъ теперь тунгусы оттѣснили далеко на сѣверъ. Въ алданскомъ краю находятся богатѣйшія золотыя розсыпи.

Въ настоящее время алданскіе тунгусы вымираютъ съ каждымъ годомъ, и возможно, что черезъ какихъ-нибудь 10 — 20 лѣтъ отъ этихъ племенъ не останется слѣда.

Вымираніе ихъ началось вслѣдъ за окончательнымъ покореніемъ якутской области, когда русскіе начали систематически спаивать тунгусовъ, пріобрѣтая у нихъ за безцѣнокъ

оленей и пушнину. Водка для крѣпости настаивалась на табакѣ, мохоркѣ, а бумажныя деньги, уплачиваемыя тунгусамъ, нерѣдко оказывались фальшивыми, и за «сбытъ» ихъ тунгусы гнили въ тюрьмѣ.

Въ началѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія лѣса тунгусовъ были золотымъ дномъ для этихъ цивилизаторовъ, изъ которыхъ впослѣдствіи вышли милліонеры Якутска. Спаиваніе и мирный грабежъ тунгусовъ продолжаются и въ настоящее время, но не въ прежнихъ, конечно, размѣрахъ, къ тому же большая часть тунгусовъ разорилась окончательно.

По пріѣздѣ на Алданъ, 20 сентября 1875 года, я узналъ, что въ одной юртѣ будетъ камланье надъ больной дѣвочкой, и что для сего приглашенъ издалека знаменитый камъ. Вхожу въ эту юрту. Народу множество. У дверей лежалъ камъ съ пріятной физіономіей. Три тунгуса, по его указанію, продолжали дѣлать изъ глины маленькія фигурки 12 оленей, 12 медвѣдей и 12 бурундуковъ, около бубна приготовляли, изъ пшеничной муки фигуры 12 дикихъ козъ, 12 лисицъ и 12 соболей. Надъ постелью больной висѣлъ бубенъ, камская одежда, нѣсколько кусковъ дабы и холста.

Изъявивъ сожалѣніе къ положенію больной, я спросилъ о значеніи приготовляемыхъ фигуръ. Мнѣ отвѣтили: во время камланья камъ совершаетъ путешествіе къ Танарѣ, но дорогой ему духи будутъ дѣлать задержки. Чтобы духи не задерживали кама, для этого онъ долженъ будетъ подарить духовъ. А такъ какъ этихъ задержекъ будетъ много, то для подарковъ и приготовляются различныя фигуры въ достаточномъ количествѣ. Изъ задержателей, кому что понравится, то и подаритъ ему камъ.

Въ 9 часовъ вечера было уже совершенно темно. Раздались звуки бубна—началось камланье. Камъ камлалъ во всемъ своемъ нарядѣ. На головѣ его была шапка изъ шкуры филина съ перьями, на плечахъ—халатъ со множествомъ пришитыхъ къ нему ремней, аршина по два длины, на подобіе висящихъ змѣй и хвостами достигающихъ до земли. На халатѣ, на спинѣ, привѣшено 8 колокольчиковъ, изъ коихъ средній будетъ съ дужной колоколецъ большого формата, а отъ него въ обѣ стороны колокольчики идутъ все меньше и меньше. Подъ мышкою привѣшено по два колокольчика, на рукавахъ—по два бубенчика. Камъ сначала сидѣлъ и билъ колотушкой въ бубенъ, потомъ всталъ, не переставая камлать. Страшный видъ кама, грохотъ бубна, звонъ колокольчиковъ и бубенчиковъ, развѣвающіеся отъ

движенія ремни на халатѣ и перья на головѣ и какой-то, словно замогильный, голосъ кама могутъ произвести потрясающее дѣйствіе на тунгуса.

Покамлавши въ юртѣ, камъ вышелъ на улицу и сталъ камлать около жертвеннаго оленя, подлѣ котораго поставлены были на сошкахъ фигуры оленей, медвѣдей и проч. Когда камъ выходилъ на улицу, никто съ нимъ вмѣстѣ не выходилъ изъ юрты. На улицѣ камъ камлалъ не больше $^1/_4$ часа, потомъ съ камланьемъ вошелъ въ юрту и камлать пересталъ. Ему подали трубку и чашку вина. Камъ смѣется, пьетъ вино и кропитъ имъ бубенъ. Выпивши чашки три вина и накурившись вдоволь табаку, камъ принялся продолжать камланье. Покамлавши немного въ юртѣ, онъ, не переставая колотить въ бубенъ, опять вышелъ на улицу къ жертвеннику. Минуть не болѣе 10 камъ продолжалъ камлать около жертвеннаго оленя, затѣмъ, не переставая бить въ бубенъ, вошелъ въ юрту. Отдавъ бубенъ близъ сидящему тунгусу, камъ сѣлъ. Хозяинъ подошелъ тотчасъ къ каму, подавая ему раскуренную трубку, спросилъ:

— Капсе? (Т. е. что слышно?).

— А вотъ что,— отвѣтилъ камъ, - мнѣ духи говорятъ: вотъ этотъ человѣкъ приноситъ намъ жертву, а зачѣмъ же у одного оленя (т. е. фигурки) рогъ сломанъ? Что же, онъ смѣется что ли надъ нами? Поди, посмотри, хозяинъ, можетъ, духи меня обманываютъ, шутятъ надо мною, или можетъ вы меня искушаете и нарочно сдѣлали оленя съ однимъ рогомъ?

Пошли, посмотрѣли. У одной фигурки, дѣйствительно, рогъ былъ сломанъ. Фигурку исправили, пришли въ юрту и сказали, что камъ правду сказалъ. Каму подали вино и трубку. Подобные фокусы камланія продѣлываются для того, чтобы поднять предъ невѣжественной толпой свой падающій авторитетъ.

Видя успѣхъ своей продѣлки, камъ сталъ хвалиться, что онъ теперь самый сильный камъ на Алданѣ, что ему стоитъ только захотѣть, и онъ съѣстъ человѣка, т. е. человѣкъ умретъ отъ одного его камланья.

Камъ опять принялся за свое прерванное камланье. На этотъ разъ камлалъ онъ болѣе часу. И какихъ штукъ онъ тутъ не выдѣлывалъ! Прыгалъ, плясалъ, свисталъ, приседалъ, падалъ на землю и тутъ же вскакивалъ, не переставая камлать; плакалъ, вертѣлся такъ, что халатъ на немъ раздувался

и искры отъ костра летѣли во всѣ стороны, а потъ съ него катился градомъ. Во все это время камъ что то причиталъ, приложившись лбомъ къ бубну. Въ бубенъ онъ билъ то тихо, то громко. Въ патетическія минуты камланья бубенъ его издавалъ звуки, похожіе на дыханіе сильно уставшей лошади. Въ это время камъ съ закрытыми глазами пѣлъ что то жалобное. Очень жаль, что ничего нельзя было разобрать, что причитаетъ и поетъ камъ. Видно только, что рѣчь его стихотворная. Я спрашивалъ у многихъ, что поетъ и причитаетъ камъ и всегда получалъ отвѣтъ: «а кто его знаетъ— разобрать нельзя». Такъ шло камланье съ перерывами, вѣроятно, для отдыха кама часовъ до 2 ночи. Затѣмъ, тунгусы, кто гдѣ сидѣлъ, повалились спать.

А больная дѣвочка, разметавшись на оленьей постели, тяжко дышетъ. Хрипло стонетъ, то затихнетъ, то вдругъ сразу начнетъ стонать, точно въ неудержимомъ порывѣ отчаянія и боли.

Утромъ отецъ больной дѣвочки досталъ самый острый ножъ и отправился съ нимъ въ лѣсъ и тамъ закололъ самаго жирнаго оленя. Камъ же набралъ полную чашку свѣжей, еще дымящейся оленьей крови.

На полянѣ передъ юртой собрались всѣ—отъ стараго до малаго.

Камъ, весь обвѣшанный лоскутками сукна разноцвѣтнаго, въ пятомъ бусами нагрудникѣ, сидитъ на корточкахъ среди остальныхъ тунгусовъ и медленно бьетъ въ бубенъ, ударитъ разъ—и скажетъ нѣсколько словъ, ударитъ еще разъ—выкрикнетъ нѣсколько другихъ.

Не глядитъ онъ на людей, въ огонь глаза его устремлены. Чѣмъ дальше—все быстрѣе бьетъ онъ въ бубенъ и громче поетъ священныя пѣсни. И вотъ онъ подымается на ноги, встряхиваетъ бубномъ надъ головами присутствующихъ на камланьѣ, въ тактъ напѣва притопываетъ ногами. Воетъ, стонетъ, смѣется, смѣется звонкимъ и злымъ смѣхомъ его бубенъ.

Горятъ у тунгусовъ глаза. Слѣдятъ они за каждымъ движеніемъ кама. Качаютъ головами согласно, мѣрно въ ритмъ съ его движеніемъ.

Принесли больную дѣвочку, положили предъ камомъ и костромъ. Въ быстромъ вихрѣ движенія ходитъ камъ вокругъ дитяти, гремитъ бубномъ, поетъ. Дикую, громкую пѣсню поетъ. Гонитъ прочь злого духа, прочь въ чужіе края, къ чужимъ, враждебнымъ людямъ.

Кропитъ больную красной оленьей кровью. Кропитъ голову, грудь и животъ. И поетъ—поетъ въ быстромъ вихрѣ камскаго танца своего.

Все видѣнное мною здѣсь произвело на меня удручающее впечатлѣніе. Здѣсь видишь людей другой расы: одежда на нихъ первобытная, языкъ, непохожій ни на одинъ изъ европейскихъ языковъ, жилище, домашняя обстановка, самая пища—все другое: голыя дѣти, полудикіе жители,—словомъ, все особенное. А тутъ еще—кровавыя жертвы. Такъ и думаешь, что живешь въ вѣкъ сплошного язычества.

Первое впечатлѣніе, полученное мною отъ присутствованія ихъ на камланьѣ тунгусовъ, было тяжелое. Я замѣтилъ, что многіе изъ нихъ были лишены или одного, или даже обоихъ глазъ; у нѣкоторыхъ былъ совершенно *трупный цвѣтъ лица*. Я былъ пораженъ такимъ явленіемъ и долго недоумѣвалъ, отчего все это могло произойти. На мой вопросъ объ этомъ алданскій миссіонеръ Поповъ отвѣчалъ, что, вѣроятно, все это зависитъ отъ того, что тунгусы ѣдятъ рыбу и мясо въ сыромъ видѣ, не употребляя при этомъ ни хлѣба, ни соли. Но такое объясненіе отца миссіонера показалось мнѣ не весьма удовлетворительнымъ, особенно въ виду того, что и якуты питаются подобнымъ же образомъ, а между тѣмъ всѣ они очень здоровы и крѣпки. Впослѣдствіи я уже узналъ, что причиною такого печальнаго явленія между тунгусами былъ сифилисъ, привитый къ нимъ заѣзжими русскими торговцами. Дѣйствія этой ужасной болѣзни, не сдерживаемой никакими средствами (врачей и даже фельдшеровъ нѣтъ во всемъ алданскомъ краѣ), имѣло результатомъ своимъ то, что почти все населеніе Алдана стало вырождаться. Процентъ умирающихъ, какъ показываетъ статистика, несравненно больше, нежели процентъ рождающихся. То-же самое я замѣтилъ и въ Олекминскѣ; тамъ и здѣсь очень много слѣпыхъ или съ выгнившими вѣками, покрытыхъ струпьями и проч. Врачей нигдѣ нѣтъ, а миссіонеры врачевать не умѣютъ, хотя и нельзя сказать, чтобы тунгусы не дѣлали попытокъ къ врачеванію себя. Такъ, напримѣръ, я узналъ, что алданскіе тунгусы, по собственному почину, собрали между собою около 3000 рублей и, передавая ихъ миссіонеру Попову, просили его устроить для нихъ больничку; миссіонеръ Поповъ отнесъ эти деньги, какъ объяснилъ мнѣ тунгусскій староста, земскому засѣдателю и отдалъ ихъ безъ расписки; земскій засѣдатель умеръ, или былъ

смѣщенъ — не помню точно, но только деньги такъ и не получили своего назначенія, а тунгусы попрежнему гніютъ и умираютъ.

Петръ Козьминъ.

Во Владивостокѣ въ началѣ Русско-Японской войны.

(Впечатлѣнія обывателя)

I.

Буря разразилась нежданно.

Никто въ началѣ января 1904 года во Владивостокѣ и не предполагалъ, что такъ скоро начнется война Россіи съ Японіей.

Правда, давно ужъ здѣсь поговаривали, что дипломатическія отношенія наши съ Японіей натянуты, что на Дальнемъ Востокѣ пахнетъ порохомъ, но мало кто придавалъ серьезное значеніе всѣмъ этимъ слухамъ, начавшимъ циркулировать во Владивостокѣ еще съ середины лѣта 1903 года.

Кто жилъ на Дальнемъ Востокѣ, тотъ знаетъ, что разговоры мѣстныхъ жителей всецѣло заняты или воспоминаніями о минувшихъ войнахъ (боксерскомъ возстаніи, русско-японской), или измышленіями о какой-то будущей войнѣ, которая должна быть не съ Японіей, а съ Китаемъ и при томъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Вотъ то же самое было и передъ русско-японской войной.

Владивостокъ находился такъ близко отъ центра театра войны, что невольно каждый въ Россіи могъ бы думать, что здѣсь передъ войной чувствовалась и натянутость дипломатическихъ отношеній между Россіей и Японіей и близость ихъ разрыва.

Однако, какъ я уже сказалъ, ничего этого здѣсь никто не чувствовалъ. И потому владивостокцы были очень удивлены, когда въ одинъ прекрасный день (за два дня до нападенія японцевъ на нашу эскадру въ Портъ-Артурѣ) всѣ жившіе во Владивостокѣ японцы стали быстро собираться, расплачиваться со своими хозяевами и уѣзжать въ Японію.

Помню, стоялъ прекрасный, ясный зимній день.

Выйдя на улицу, я замѣтилъ здѣсь такую толкотню, которой никогда раньше здѣсь не было. Извозчики, кауди [1]) всѣ были переполнены вещами японцевъ. Цѣлыя толпы японцевъ со своимъ посильно сложеннымъ скарбомъ спѣшили на пристань.

[1]) Кауль—кореецъ посыльщикъ.

На пристани стояла невообразимая давка.

Кругомъ выспились горы наваленныхъ разныхъ вещей отъѣзжающихъ.

Билетовъ никто изъ японцевъ не покупалъ, такъ какъ на два только что пришедшіе изъ Японіи парохода принимали отъѣзжающихъ безплатно.

У меня было нѣсколько хорошихъ знакомыхъ японцевъ.

Нѣкоторые изъ нихъ были когда-то даже моими учениками.

На пристани, куда вздумалъ я отправиться, чтобы посмотрѣть на отъѣздъ японцевъ, я встрѣтилъ и своихъ знакомыхъ.

Отношенія русскихъ и японцевъ еще были безъ перемѣнъ—дружественныя.

Всѣхъ русскихъ, конечно, сильно интересовало столь поспѣшное бѣгство японцевъ изъ Владивостока.

Потому нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что я обратился къ одному изъ своихъ знакомыхъ, прося его объяснить мнѣ, почему такъ неожиданно состоялся его отъѣздъ. Я зналъ, что у моего знакомаго были во Владивостокѣ неотложныя дѣла, которыя, благодаря его столь скорому отъѣзду изъ Владивостока, могли разстроиться.

— По правдѣ сказать,—отвѣчалъ мнѣ мой знакомый японецъ,— я и самъ не знаю почему. Говорятъ, что дипломатическія сношенія между Россіей и Японіей будутъ на дняхъ прерваны. Мы и сами хорошо во всемъ не освѣдомлены. Вчера ночью владивостокское японское консульство получило лаконическую телеграмму отъ своего правительства изъ Токіо. Въ ней только сказано, что положеніе слишкомъ серьезно и затѣмъ было приказаніе консульству—объявить всѣмъ проживающимъ во Владивостокѣ японцамъ, чтобы они немедленно выѣхали въ Японію. Проѣздъ изъ Владивостока до Японіи наше правительство взяло на свой счетъ. Вотъ я и ѣду, когда долженъ по своимъ дѣламъ еще нѣсколько мѣсяцевъ прожить во Владивостокѣ.. Я лично увѣренъ, что всѣ возникшія недоразумѣнія между Японіей и Россіей скоро окончатся и я, отдохнувъ немного на родинѣ, смогу недѣльки черезъ двѣ—три возвратиться во Владивостокъ.

Съ доводами моего знакомаго японца былъ солидаренъ не только я, но даже многіе мои знакомые русскіе.

Всѣмъ казалось, что недоразумѣнія будутъ скоро улажены и войны не будетъ.

Никто во Владивостокѣ тогда не сомнѣвался, что Японія немного вспылитъ, но затѣмъ пойдетъ на уступки и миръ на Дальнемъ Востокѣ будетъ не нарушенъ.

Почти то же думали и многіе японцы.

У моей знакомой владивостокской уроженки Н. В., владѣющей по Ф-ой улицѣ нѣсколькими домами, японцами содержалась «японская гостиница».

Надо замѣтить, что японцы самые аккуратные плательщики.

Аккуратно вносили моей знакомой впередъ плату за квартиру и содержаніе «японской гостиницы».

Покидали Владивостокъ японцы неожиданно, никто не могъ предвидѣть отъѣзда и потому, когда понадобилось содержателямъ японской гостиницы ѣхать въ Японію, оказалось, что они передали моей знакомой 30 руб. впередъ.

Деньги моя знакомая хранила въ банкѣ.

Японцы о своемъ отъѣздѣ сообщили поздно, когда банкъ былъ уже закрытъ, у знакомыхъ В. взаймы просить не хотѣла, а потому, когда къ ней пришла симпатичная, веселая хозяйка японской гостиницы, то В. подробно объяснила ей, что денегъ сейчасъ у нея нѣтъ и что только завтра утромъ она сможетъ ихъ получить въ банкѣ и возвратить пришедшей.

— Да что вы такъ о нихъ безпокоитесь,—отвѣтила японка.—Богъ дастъ скоро всѣ нелады нашего правительства съ вашимъ прекратятся и я снова буду снимать вашъ домъ.... Пусть деньги останутся у васъ, думаю, что недолго пробуду въ Японіи, а затѣмъ снова встрѣчусь съ вами....

Японка очень сердечно разсталась съ своей знакомой и покинула Владивостокъ на пароходѣ, отошедшемъ ночью.

На слѣдующій день японцевъ во Владивостокѣ уже не было.

Выѣхалъ ночью изъ Владивостока и японскій консулъ.

Японское консульство, магазины, фотографіи, прачешныя и другія ремесленныя заведенія, даже японскіе «веселые» дома, были закрыты,

Двери же и окна домовъ японцевъ заколочены.

Но недолго владивостокцамъ пришлось ждать разгадки бѣгства японцевъ изъ Владивостока.

Черезъ день телеграфъ принесъ ошеломляющее извѣстіе о ночномъ нападеніи японцевъ на нашу эскадру въ Портъ-Артурѣ и объ объявленіи войны между Россіей и Японіей.

II

Извѣстіе о неожиданномъ нападеніи ночью японцевъ на Портъ-Артурскую эскадру и о томъ, что изъ ея строя было выведено нѣсколько лучшихъ судовъ, подѣйствовало на всѣхъ владивостокцевъ слишкомъ подавляюще.

Всѣ были возмущены поступкомъ японцевъ

Но въ то же самое время ожидали чего-то еще болѣе ужаснаго.

Никто не зналъ и не могъ сказать, что ждетъ на завтра всѣхъ владивостокцевъ.

Казалось, все помогало японцамъ, даже погода сочувствовала имъ.

Когда они покидали Владивостокъ, стояла на рѣдкость прекрасная погода, но лишь только пришло телеграфное извѣстіе объ объявленіи войны, поднялся небывалый ураганъ, а затѣмъ пошелъ снѣгъ

На улицахъ Владивостока лежали такіе сугробы снѣга, что нельзя было пройти.

Но, несмотря на господствовавшую въ продолженіе нѣсколькихъ дней страшную непогоду, всѣ маломальски зажиточные владивостокцы стремились выѣхать изъ Владивостока.

Объявленіе войны вызвало такую панику у многихъ владивостокцевъ, что они не задумываясь бросали на произволъ судьбы свои дома, вещи и спѣшили на вокзалъ купить билеты.

Давка на вокзалѣ была невообразимая.

Билеты, конечно, разбирались съ боя.

Ждали на вокзалѣ своей очереди купить билетъ по сутками.

Перекупали билеты за бѣшеныя деньги.

Отходящіе изъ Владивостока поѣзда не могли вмѣстить всѣхъ желающихъ покинуть крѣпость, по улицамъ которой уже красовались Высочайшій манифестъ, извѣщеніе коменданта крѣпости объ объявленіи Владивостока на военномъ

положеніи, о возможномъ бомбардированіи его японцами и о приглашеніи лицъ, неимѣющихъ особенной надобности жить въ крѣпости, заблаговременно выѣхать изъ нея.

III

На другой день послѣ объявленія войны стоящія во Владивостокѣ военныя суда: крейсера: «Рюрикъ», «Россія», «Громобой», «Богатырь» и транспортъ «Лена» были перекрашены въ сѣрый боевой цвѣтъ.

Черезъ день ледоколъ «Надежный» проломалъ ледъ въ бухтѣ Золотой Рогъ и вся эскадра передъ вечеромъ торжественно вышла въ открытое море.

Куда и зачѣмъ она отправилась никому не было извѣстно.

Провожали же эскадру большія толпы любопытныхъ, собравшихся на берегу и на Адмиральской пристани.

Возмущеніе дѣйствіями японцевъ у всѣхъ царило по-прежнему, всѣмъ казалось, что наши владивостокскіе морскіе красавцы отправились сейчасъ наказать вѣроломнаго врага.

Какъ стало потомъ извѣстно, наша эскадра подъ командой Рейценштейна, по выходѣ изъ Владивостока, на своемъ пути встрѣтила два японскихъ транспортныхъ судна и одно изъ нихъ ей удалось потопить.

Не находя больше ничего подозрительнаго, эскадра скоро возвратилась обратно въ бухту Золотой Рогъ и стала противъ Адмиральской пристани.

Послѣ этого почти ежедневно наши суда уходили и затѣмъ вскорѣ возвращались обратно цѣлыми и невредимыми.

Паника, царившая въ первые дни по объявленіи войны, начала понемногу исчезать.

Владивостокъ хотя и опустѣлъ сильно, но все же жизнь въ немъ не замерла и клокотала.

Новостей мѣстныхъ почти не было, всѣ жили лишь извѣстіями, приносимыми сюда телеграфомъ, о порт-артурскихъ сраженіяхъ.

Такъ жили всѣ до двадцатыхъ чиселъ февраля 1904 года.

Къ этому времени уже была сорганизована мѣстная дружина изъ добровольцевъ.

Въ нее поступали всѣ, кто только пожелалъ.

Очень характерно, что въ дружину записалось очень много живущихъ въ то время во Владивостокѣ иностранцевъ.

Починъ въ этомъ, если не ошибаюсь, былъ сдѣланъ управляющимъ одной изъ самыхъ крупнѣйшихъ иностранныхъ фирмъ Т. Д. Кунстъ и Альберсъ Даттаномъ.

Съ его разрѣшенія въ дружину записалось чуть-ли не половина всѣхъ служащихъ нѣмцевъ, какъ банкирской конторы Торговаго Дома Кунстъ и Альберсъ, такъ и приказчиковъ магазина.

Всѣмъ, кто записывался въ дружину, выдавалась форменная фуражка и винтовка.

Завѣдывать дружиной былъ назначенъ мѣстный владивостокскій старожилъ и предсѣдатель вольно-пожарнаго общества полковникъ въ отставкѣ Высоцкій.

Почти ежедневно дружинники собирались на площади или базарѣ и здѣсь происходило ученье.

Прошло ужъ двѣ недѣли со дня объявленія войны.

Теперь разговоры всѣхъ были сосредоточены лишь на атакахъ японцевъ Портъ-Артура.

Владивостокъ постепенно сталъ наполняться новыми лицами.

Сюда ежедневно приходили и войска.

Провизія и продукты сразу повысились въ цѣнѣ, но квартиръ было такъ много свободныхъ, и онѣ такъ сильно пали въ цѣнѣ, что можно было снять огромный домъ, который раньше ходилъ за 125—150 руб. въ мѣсяцъ, за какихъ-нибудь 5 – 6 рублей.

IV

Утромъ 22 февраля на флагъ-мачтѣ батареи на Тигровой горѣ взвился красный флажокъ.

Это нежданное появленіе флажка обозначало, что гдѣ-то вблизи Владивостока появились японскія суда.

Кажется, за день до этого во Владивостокѣ ходили слухи, что наканунѣ, 20 февраля, японскія суда подходили къ острову Аскольду, отстоящему отъ Владивостока на 10 миль и тщательно его осматривали.

Но на островѣ Аскольдѣ тогда ничего не было, если не считать только оленей въ питомникѣ Янковскаго.

Послѣ осмотра Аскольда японская эскадра ушла, затѣмъ владивостокская эскадра выходила въ открытое море, но нигдѣ вблизи крѣпости присутствія японцевъ обнаружено ею не было.

Но на другой день (22 февраля), когда владивостокская эскадра стояла въ Золотомъ Рогѣ, съ сторожевыхъ пунктовъ пришло извѣстіе, что на горизонтѣ показался дымокъ японской эскадры.

Часамъ къ 8 утра японскую эскадру, состоящую изъ 7 судовъ, можно было ясно видѣть съ Тигровой батареи и Орлиной горы.

Извѣстіе о появленіи вблизи Владивостока японцевъ быстро разнеслось по городу и стало всѣмъ извѣстно.

На улицахъ снова давка, толкотня.

Но теперь всѣ владивостокцы стремились ужъ не на вокзалъ, а на Орлиную гору, господствующую какъ надъ Владивостокомъ, такъ и надъ всей окружающей мѣстностью.

Улицы были запружены живой массой, носившейся стремящейся на возвышенность.

И сразу верхъ горы почернѣлъ отъ народа.

Здѣсь собрались многія тысячи народа, жадно наблюдая, куда держитъ свои курсъ японская эскадра.

Нечего и говорить, что и я самъ съ большимъ любопытствомъ и, пожалуй, не съ меньшей тревогой и страхомъ взобрался на самую верхушку Орлиной горы, что было сдѣлать, благодаря собравшейся тамъ огромной толпѣ, не легко и сталъ въ подзорную трубу наблюдать за движеніями японцевъ.

На горизонтѣ ясно было видно 7 японскихъ военныхъ судовъ въ сѣромъ боевомъ цвѣтѣ.

Они, выстроившись въ одну прямую линію, красиво шествовали одинъ за другимъ.

Тихо скользила по глади океана японская эскадра. Теперь она уже была къ югу отъ острова Аскольда, держа свой курсъ въ Уссурійскій заливъ.

У всѣхъ присутствующихъ здѣсь, на Орлиной горѣ, вырвался вздохъ облегченія.

Уссурійскій заливъ, въ который сейчасъ уже вошла японская эскадра, отстоитъ отъ самаго Владивостока почти на 8 верстъ, потому, естественно, врагъ нанести намъ особеннаго вреда не могли. Войди же они въ Амурскій заливъ, на берегу котораго расположенъ весь Семеновскій покосъ и многіе другіе кварталы города, японцы своей бомбардировкой сильно бы разрушили Владивостокъ и принесли бы большія бѣдствія многимъ жителямъ крѣпости.

Медленно подвигалась впередъ эскадра.

Только часамъ къ тремъ—четыремъ дня она дошла до глубины Уссурійскаго залива.

Съ Орлиной горы теперь, даже невооруженнымъ глазомъ, ясно были видны мельчайшія движенія японской эскадры.

Вотъ эскадра останавливается, затѣмъ выстраивается въ линію параллельную городу и начинаетъ приближаться къ берегу.

На одномъ изъ судовъ взвиваются флаги и сейчасъ же изъ башенъ всѣхъ судовъ начинаетъ блистать бѣлый дымокъ, а затѣмъ глухо доносятся выстрѣлы.

Это начинается бомбардировка Владивостока.

Но суда стоятъ слишкомъ далеко отъ берега, а еще дальше отъ Владивостока.

—Далеко хочешь, японка, протянуть ты свои руки!—острятъ кто то здѣсь на горѣ.

Кругомъ видны улыбающіяся лица.

Однако дымокъ все чаще и чаще взвивается изъ башенъ и скоро почти совсѣмъ окуталъ японскія суда.

Въ продолженіе почти цѣлаго часа стрѣляли японцы.

Одинъ изъ ихъ снарядовъ попалъ въ Матросскую слободку, но что онъ тамъ сдѣлалъ съ горы разобрать было трудно. другой снарядъ упалъ въ воду недалеко отъ одного изъ нашихъ крейсеровъ, стоящихъ на якорѣ въ бухтѣ Золотой Рогъ.

— Почему же японцамъ не отвѣчаютъ наши батареи?—недоумѣвали многіе изъ присутствующихъ здѣсь на горѣ.

А японцы безъ единаго выстрѣла съ нашей стороны, настрѣлявшись вдоволь, затѣмъ той же самой дорогой, по которой пришли, вышли изъ Уссурійскаго залива.

И лишь только они покинули Уссурійскій заливъ, какъ тотчасъ же наши суда подняли на флагъ—мачтѣ боевые флаги и медленно стали выходить изъ Золотого Рога.

— Ну, вотъ вскорѣ посмотримъ мы и на бой!—говорили на горѣ.

Но боя увидѣть намъ было не суждено. Японская эскадра скоро скрылась изъ глазъ, а наша возвратилась обратно въ бухту.

Орлиная гора сразу опустѣла.

На слѣдующій день всѣмъ стало извѣстно, что японцы своей вчерашней бомбардировкой Владивостоку почти никакого вреда не нанесли.

Былъ только разрушенъ одинъ домъ въ Матросской слободкѣ. Но разрушенный домъ былъ старъ, небольшихъ размѣровъ и не представлялъ изъ себя никакой цѣнности.

Нечего и говорить, что бомбардировка вызвала во Владивостокѣ темы для разговоровъ на цѣлыя недѣли. И во всѣхъ этихъ разговорахъ можно было уловить недовольство на то, что Уссурійскій заливъ до сихъ поръ не былъ минированъ и что потому японцы безпрепятственно появились въ немъ и произвели бомбандировку крѣпости.

Однако съ появленіемъ въ Уссурійскомъ заливѣ японской эскадры владивостокцы снова всполошились, многіе повыѣхали изъ крѣпости, а оставшіеся въ ней со страхомъ стали ждать новаго прихода японской эскадры.

V.

Однако больше японскія суда къ Владивостоку не подходили. Жизнь скоро вошла въ свою обычную колею.

Владивостокскій обыватель теперь жилъ извѣстіями, приносимыми телеграфомъ изъ Портъ-Артура и съ сухопутнаго театра войны.

Тянулась однообразная жизнь, у всѣхъ уже въ достаточной степени притупились нервы и всѣ къ войнѣ успѣли уже привыкнуть.

Владивостокская эскадра бездѣйствовала. Только временами наши миноносцы налетали другъ на друга, взрывались отъ своихъ же минъ, сталкивались съ другими судами и гибли.

Потопленіе эскадрой адмирала Эссена нѣсколькихъ японскихъ судовъ въ Гензанѣ не вызвало такихъ сильныхъ толковъ, какіе вызвала посадка крейсера «Богатырь» на камни у мыса Брюса въ Амурскомъ заливѣ.

Владивостокскій обыватель на это «событіе» реагировалъ очень сильно.

Въ честь посадившихъ «Богатырь» на камни была даже сложена однимъ изъ мѣстныхъ поэтовъ пѣсенка, которая быстро стала общеизвѣстна, вскорѣ же затѣмъ была кѣмъ то исполнена на эту же тему и злая карикатура.

VI.

Возвращеніе въ началѣ іюня изъ своего набѣга владивостокской эскадры, въ которомъ ей удалось потопить

японскія суда «Идзумимару», «Хитацимару», «Садомару» и захватить нѣсколько англійскихъ судовъ съ контрабандой, всколохнуло жизнь владивостокца.

Потопивъ японскія суда, наша эскадра сняла съ нихъ какъ команду, такъ и часть шедшихъ на театръ войны японскихъ солдатъ и офицеровъ.

Это были первые, если, конечно, только не считать шпіоновъ, во время войны японскіе «гости» во Владивостокѣ.

Вѣсть о томъ, что на только что пришедшей эскадрѣ находятся плѣнные японцы, и что они вечеромъ будутъ отправлены въ Россію съ особымъ поѣздомъ, заинтересовала всѣхъ и привлекла массу народа на Адмиральскую пристань.

Часа въ четыре дня по обѣимъ сторонамъ пристани стояло по ряду солдатъ. Скоро сюда же прибыла и вся высшая администрація крѣпости и затѣмъ началась перевозка на шлюпкахъ плѣнныхъ японцевъ съ крейсеровъ на пристань.

Чудная солнечная погода благопріятствовала свозкѣ японцевъ на берегъ.

Крейсера стояли недалеко отъ пристани.

Вотъ отъ одного изъ нихъ отвалила шлюпка. На кормѣ этой шлюпки возлѣ рулевого виднѣется стоящая фигура морского офицера, на носу и кормѣ сидятъ матросы съ ружьями, а посрединѣ лодки плѣнные японцы. За первой показалась вторая шлюпка, третья, четвертая...

Первой къ пристани пристаетъ шлюпка съ плѣнными японскими офицерами. Молчаливо они повинуются всѣмъ приказаніямъ сопровождающихъ ихъ русскихъ офицеровъ. Выходятъ изъ шлюпки на пристань и опять таки молчаливо становятся въ рядъ. Ни одинъ мускулъ на ихъ лицахъ не дрогнетъ.

Какъ то равнодушно ждутъ они, что будетъ далѣе. Одинъ изъ присутствующихъ здѣсь на пристани русскій офицеръ предлагаетъ имъ папиросъ. Они молча отказываются.

Затѣмъ началась высадка на пристань японскихъ солдатъ и народныхъ командъ съ потопленныхъ нашей эскадрой японскихъ судовъ.

Когда всѣ плѣнные были на пристани, русскіе провѣрили ихъ численный составъ, послѣ чего плѣнные офицеры были отправлены на вокзалъ на извозчикахъ, а плѣнные нижніе чины и рабочіе были приконвоированы туда солдатами.

Для плѣнныхъ японцевъ былъ приготовленъ особый поѣздъ.

VII

Владивостокская эскадра рѣдѣла съ каждымъ днемъ.

Погибло нѣсколько миноносцевъ, налетѣлъ на камни «Богатырь», убѣжалъ въ Америку транспортъ «Лена», а вскорѣ погибъ и крейсеръ «Рюрикъ».

Когда послѣ извѣстнаго боя съ японцами возвратились наши владивостокскія суда съ пробоинами и съ сильно поврежденными трубами, мачтами, башнями, безъ «Рюрика». у всѣхъ на душѣ стало какъ-то грустно, тоскливо.

Сейчасъ же по приходѣ эскадры во Владивостокъ на Свѣтланской улицѣ показались на носилкахъ раненые матросы. Ихъ было немало, многіе изъ нихъ сильно страдали и кричали отъ боли.

Раненыхъ размѣстили въ зданіи на углу Китайской и Свѣтланской улицъ, въ томъ самомъ, гдѣ до войны помѣщалось японское консульство.

VIII.

Паденіе Портъ-Артура рѣшало участь Владивостока.

Помню, извѣстіе о сдачѣ Артура было во Владивостокѣ получено вечеромъ. Многіе прямо не вѣрили ему.

Печальная новость быстро распространилась по всему городу и была у всѣхъ на устахъ. Мнѣ самому ее повѣдалъ на Свѣтланской улицѣ какой-то незнакомый господинъ. Узнавъ о ней, я не успѣлъ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ ко мнѣ подошелъ солдатикъ.

— Баринъ,—проговорилъ онъ,—а развѣ вѣрно, что Артуръ сдали?

— Вѣрно, братецъ!

— Жалко, баринъ!—И солдатикъ здѣсь же тихо заплакалъ.

— Навѣрно у тебя были тамъ родные, близкіе или знакомые?—полюбопытствовалъ я.

— Нѣтъ, никого тамъ не было. Жалко Артуръ потому, что много наши за него своихъ жизней положили, а японцы все же осилили насъ и взяли его...

И солдатикъ былъ правъ. Было какъ-то обидно, что послѣ столь долгихъ усилій крѣпость была сдана и что японцы теперь ужъ больше не будутъ надрываться, чтобы взять ее и свободно теперь могутъ приняться за осаду Владивостока.

Это понимали всѣ и потому владивостокцевъ снова охватила паника.

На улицахъ Владивостока опять были расклеены извѣщенія отъ коменданта крѣпости о возможной въ самомъ недалекомъ будущемъ блокадѣ японцами Владивостока.

Ежедневно въ крѣпость приходили новыя и новыя войска.

Общественная жизнь въ крѣпости замерла. Всѣ, кто только могъ, уѣзжали отсюда. Мѣстная мужская гимназія переводилась въ г. Перчинскъ, Восточный Институтъ — въ г. Верхнеудинскъ.

Какъ разъ въ это же самое время, по стеченію обстоятельствъ, и мнѣ пришлось покинуть Владивостокъ.

Петръ Чечинъ.

АБРАШКА.

(Изъ жизни).

I.

Въ Забайкальской области такъ много говорили въ свое время о преславутомъ разбойникѣ Абрашкѣ, что я былъ очень доволенъ, когда мнѣ представилась возможность посѣтить ту часть Яблоноваго хребта, гдѣ наводилъ страхъ на населеніе этотъ феноменальный разбойникъ.

Тутъ я не только узналъ нѣкоторые эпизоды изъ его жизни, но даже столкнулся лицомъ къ лицу съ самимъ Абрашкой.

На пути я остановился у одного изъ торгующихъ, моего хорошаго знакомаго. Здѣсь мнѣ еще разъ, и довольно подробно, пришлось услышать отъ словоохотливаго хозяина объ Абрашкѣ, котораго онъ рисовалъ великодушнымъ героемъ, сумѣвшимъ взять «подъ свое начало» всѣхъ скрывающихся отъ «бдительнаго взора» бездомныхъ бродягъ и заставить ихъ дѣлиться всякой «добычей», какая выпадетъ на ихъ долю.

— Абрашка родомъ черкесъ. Имя это онъ получилъ на каторгѣ, откуда благополучно бѣжалъ и, составивъ себѣ извѣстность множествомъ крупныхъ преступленій, живетъ теперь среди своихъ приверженцевъ, изъ которыхъ есть и такіе, которые помнятъ Абрашку свободнымъ и богатымъ княземъ на родномъ Кавказѣ, которые знаютъ его настоящее имя, теперь почти забытое и замѣненное популярнымъ «Абрашкой». Нѣкоторые изъ этихъ приверженцевъ пользуются правомъ безнаказанно появляться въ ближайшемъ городѣ или селѣ, чтобы добыть для своего «патрона» необходимые жизненные продукты и разныя вещи, при чемъ тщательно скрываютъ какъ мѣстопахожденіе Абрашки, такъ и свое знакомство съ нимъ.

— А власти развѣ не знаютъ о томъ, что Абрашка живетъ здѣсь?—спросилъ я своего собесѣдника.

— Какъ не знать—знаютъ и всячески стараются накрыть его, да вся бѣда въ томъ, что не таковъ Абрашка, чтобы такъ легко дался. Былъ, правда, одинъ такой случай, когда многіе уже подумали: «ну, пропалъ, братъ Абрашка!». Да не тутъ-то было... Абрашка бѣжалъ самымъ невѣроятнымъ образомъ.

Было это, видите, запрошлаго лѣта; зашелъ Абрашка въ баракъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, гдѣ у него нашелся товарищъ—черкесъ, съ которымъ онъ когда-то отбывалъ каторгу. Ну, разумѣется, вспомнили прежнее житье-бытье, разговорились и Абрашка остался «чаевать». Черезъ нѣсколько времени является въ баракъ жандармъ, видѣвшій Абрашку еще заключеннымъ въ тюрьмѣ. Смотритъ жандармъ—и глазамъ своимъ не вѣритъ; «вотъ, думаетъ, подвигъ то сдѣлаю, когда этакого красавчика по начальству представлю и награду, которая за его голову назначена, получу». Абрашка, понятно, сидитъ и вниманія на жандарма не обращаетъ, какъ будто бы дѣло его не касается.

— Да это ты, Абрашка?—обращается, наконецъ, жандармъ къ непрошенному гостю.

— Я,—отвѣчаетъ Абрашка.

— Какъ же ты сюда попалъ?

— Да вотъ зашелъ къ товарищу—земляку чайку попить да жареной баранины поѣсть...

— Но, вѣдь, я тебя сейчасъ арестую и въ городъ, въ острогъ отправлю...

— Къ вашимъ услугамъ,—отвѣчаетъ невозмутимо Абрашка.

Понятно, сейчасъ же заковали «гостя» въ ножные кандалы, снарядили конвой изъ двухъ конныхъ казаковъ и отправили въ городъ, а жандармъ сзади ѣдетъ и смотритъ «въ оба», чтобы Абрашка не выкинулъ какого—нибудь фокуса, да не бѣжалъ.

Идетъ Абрашка совершенно спокойно, словно вполнѣ смирился со своимъ положеніемъ, только иногда наклоняется да подкандальники поправляетъ.

Конвой скоро успокоился за опасность побѣга.—Дорога тѣмъ временемъ подошла къ рѣкѣ и тянулась по берегу. Абрашка началъ прибавлять шагу и пошелъ такъ быстро, какъ только могли позволить ему кандалы.

Конвой также припустилъ лошадей и держался рядомъ съ Абрашкой.

Вдругъ Абрашка нагнулся, моментально сбросилъ съ ногъ кандалы и маршъ прямо въ рѣку. Казаки не успѣли сразу осадить лошадей и очутились впереди, а когда опомнились—было уже поздно: Абрашка былъ на другомъ берегу и, съ громкимъ, дикимъ смѣхомъ поклонившись преслѣдователямъ, быстро исчезъ въ тайгѣ.

— Нѣсколько пущенныхъ вслѣдъ бѣглецу пуль не попали по назначенію.

Съ тѣхъ поръ больше никто не видѣлъ Абрашку, хотя думаютъ, что онъ недалеко отсюда, такъ какъ на дняхъ опять видѣли одного изъ его посланцевъ у насъ.

— Слѣдовательно, мой дальнѣйшій путь не безопасенъ? — спросилъ я, обезпокоенный послѣднимъ извѣстіемъ.

— Нѣтъ, вы то можете быть совершенно спокойны,— сказалъ мой собесѣдникъ,—я вамъ дамъ хорошаго проводника; у насъ есть одинъ черкесъ, какъ всѣ думаютъ, Абрашкинъ другъ. Если вы поѣдете съ нимъ, то за безопасность вашу я ручаюсь.

Кромѣ того, нужно замѣтить, что Абрашка зря не нападаетъ: ему нужна богатая добыча, а вашъ проводникъ сообщитъ ему о томъ, кто вы и съ чѣмъ ѣдете.

Я поблагодарилъ любезнаго хозяина и выѣхалъ съ рекомендованнымъ мнѣ проводникомъ.

II.

Былъ теплый іюльскій день.

Мы выѣхали на полузаросшую травой дорогу, вьющуюся между высокими хребтами и скалами, мѣстами круто опускающуюся въ небольшую падь, чтобы снова взбираться на крутой откосъ большого хребта.

Густой сосновый лѣсъ тянулся на протяженіи всего нашего пути, бросая густую тѣнь на дорогу и защищая насъ отъ солнечныхъ лучей. Дышалось легко и свободно при видѣ богатой лѣтней картины, которыми такъ изобилуетъ Забайкалье.

Впечатлѣнія, производимыя дорожными видами, мѣнялись одно за другимъ, сливаясь затѣмъ въ одно общее, живое, отрадное чувство, которымъ невольно хотѣлось съ кѣмъ-нибудь подѣлиться Я нѣсколько разъ пытался заговорить съ моимъ проводникомъ, но, къ сожалѣнію, онъ не находилъ нужнымъ отвѣчать на мои вопросы, а заунывно тянулъ какую-то нѣсенку на своемъ родномъ языкѣ.

Обезкураженный невнимательностью своего спутника, я отдался созерцанію окружающихъ меня предметовъ, которые ползли одинъ за другимъ мнѣ навстрѣчу, по мѣрѣ быстраго бѣга нашей сытой лошадки, управляемой согнувшимся черкесомъ съ большими, быстрыми глазами, бѣлки которыхъ постоянно ворочались по сторонамъ.

Каждый разъ, когда я смотрѣлъ на фигуру черкеса, мнѣ невольно вспоминался Абрашка, котораго я, конечно, никогда не видѣлъ, и рисовалъ себѣ поэтому громаднымъ чудовищемъ, съ еще болѣе страшными глазами, чѣмъ у моего спутника.

Время подходило къ обѣду.

Мы проѣхали около сорока верстъ; чувствовалась потребность къ привалу и я заявилъ объ этомъ моему ямщику.

Вскорѣ мы свернули въ сторону отъ дороги и, пробираясь между деревьевъ по узкой проселочной дорожкѣ, подъѣхали къ небольшому домику, окруженному густымъ сосникомъ.

Мой спутникъ выпрыгнулъ изъ брички и, указавъ мнѣ на домикъ, проговорилъ:

— Отдыхать будемъ; чай пить!..

Я вошелъ въ домикъ. Небольшая комната поразила меня неожиданной обстановкой: полъ былъ выстланъ хорошимъ ковромъ, у стѣнъ стояли вѣнскіе стулья, по стѣнамъ, на большихъ оленьихъ рогахъ, висѣли въ серебряныхъ оправахъ ножны кинжаловъ и ножей, ружья, пороховницы; на окнахъ висѣли тюлевыя шторы; два небольшихъ столика были покрыты скатертями. Все было чисто, замѣчалось присутствіе женской руки.

Въ этой комнатѣ никого не было. Въ ожиданіи спутника, выпрягавшаго лошадь, я помѣстился у стола, стараясь разгадать эту загадочную обстановку въ дикой мѣстности.

Мои мысли были прерваны приходомъ проводника, который появился въ сопровожденіи молодой и красивой женщины, одѣтой просто, но съ нѣкоторой претензіей на изящество.

Хозяйка привѣтливо кивнула мнѣ головой и снова скрылась за дверью дома. Вскорѣ она принесла кипящій самоваръ и чайный приборъ, а за ними появились: печенье, вина и закуски. Все это такъ не походило на ту глушь и дикую мѣстность, гдѣ я находился, что я положительно не зналъ, чѣмъ объяснить окружающую меня обстановку. Я былъ удивленъ и въ то же время какая-то непонятная робость останавливала меня отъ вопроса: «у кого я очутился незваннымъ гостемъ?»

III.

Мой завтракъ подходилъ уже къ концу, какъ вдругъ послышался топотъ лошади и стукъ экипажа, и вскорѣ на порогѣ домика появился мужчина средняго роста, плотно сложенный, съ краснымъ, восточнаго типа, лицомъ и большими черными глазами. На немъ была кавказская черкеска, увѣшанная на груди серебряными патронами и опоясанная такимъ же поясомъ, на которомъ былъ подвѣшенъ въ красивыхъ ножнахъ кинжалъ.

Незнакомецъ какъ то развязно, съ улыбкой, сдѣлалъ общій поклонъ и, снявъ папаху, помѣстился за столомъ, что-то разсказывая довольно бойко моему спутнику. Всѣ его движенія были непринужденны, но красивы, какъ и его національный костюмъ, блиставшій своими украшеніями. Оба говорили на своемъ родномъ нарѣчіи, но мой спутникъ говорилъ мало и односложно, нѣсколько съ подобострастнымъ видомъ.

Незнакомецъ часто взглядывалъ на меня, но разговора не начиналъ; зато хозяйка заботилась о томъ, чтобы я былъ внимателенъ относительно чая, вина и закуски.

Она довольно чисто говорила по русски, но ея типъ выдавалъ въ ней восточное происхожденіе.

Такъ прошло еще съ полчаса. Я кончилъ чай.

Мой спутникъ вышелъ изъ дома и началъ запрягать усѣвшую отдохнуть лошадь.

Незнакомецъ, выйдя слѣдомъ за моимъ проводникомъ, вывелъ изъ за дома свою красивую вороную лошадь, запряженную въ новую бричку, покрытую ковромъ, на которой лежала винтовка.

Потрепавъ лошадь по шеѣ, онъ быстро вскочилъ въ бричку и еще быстрѣе скрылся изъ виду.

Я остался, мучаясь любопытствомъ, которое невольно было вызвано окружающей меня обстановкой и таинственнымъ незнакомцемъ.

— Кто это,—думалъ я,—у кого же узнать? Въ это время вошла хозяйка за посудой. Я хотѣлъ было задать ей вопросъ о гостѣ, но слова о немъ не сходили съ языка, и я ограничился только тѣмъ, что предложилъ ей плату за чай и закуску.

— Благодарю васъ!.. Мы ни съ кого не беремъ—отвѣтила, улыбнувшись, хозяйка и вышла изъ комнаты.

Этотъ отвѣтъ еще больше обезкуражилъ меня.

— Я все-таки долженъ узнать, кто эти люди?!.—думалъ я, выходя во дворъ, гдѣ мой спутникъ возился около лошади Я хотѣлъ немедленно же задать ему категорическій вопросъ о хозяевахъ, но онъ, повидимому, догадавшись о моемъ намѣреніи, посмотрѣлъ на меня такимъ взглядомъ, что я счелъ за лучшее вовсе не заводить разговора на этотъ разъ.

Простившись съ радушной хозяйкой, мы тронулись дальше. Отдохнувшая лошадка быстро бѣжала по знакомой дорогѣ, мой спутникъ сидѣлъ, согнувшись, внимательно глядя вдаль.

На этотъ разъ я рѣшилъ добиться отъ него положительнаго отвѣта на мучившій меня вопросъ «у кого я былъ незваннымъ гостемъ?..»

— Скажи, пожалуйста, Ахметъ, кто это съ нами чай пилъ сейчасъ?

— Абрашка!..—сухо отвѣтилъ ямщикъ и, отвернувшись, снова затянулъ скучную пѣсню на родномъ языкѣ.

Сергѣй Заволокинъ.

Красноярскій пожаръ 1861 г.

(Воспоминанія и впечатлѣнія очевидца).

Съ 17 на 18-е апрѣля, въ пятницу на пасхальной недѣлѣ, часовъ въ 9 вечера, набатный колоколъ оповѣстилъ жителей города о начавшемся пожарѣ. Загорѣлся сѣновалъ во дворѣ домовладѣльца Евстигнея Иванова Потѣхина, во 2 части города, по Гимназическому пер., между Благовѣщенской и Большекачинской улицами. Причина пожара по записи въ хроникѣ происшествій по городу оказалась «отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ».

Въ день пожара была страшная буря, начавшаяся съ полдня и продолжавшаяся всю ночь, [1]) вслѣдствіе чего огнемъ сразу же охватило всю усадьбу Потѣхина, а потомъ пламя перекинуло на другую сторону переулка, гдѣ загорѣлись постройки мужской гимназіи и сосѣднія съ ней; почти одновременно съ этимъ вспыхнули строенія противъ гимназіи, по другую сторону Благовѣщенской улицы, и затѣмъ черезъ какихъ-нибудь полчаса времени пожаръ принялъ ужасающіе размѣры, горѣло въ разныхъ мѣстахъ.

Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что срывало съ домовъ крыши, отрывало ставни у оконъ, водосточныя трубы и все это съ шумомъ и грохотомъ падало на низъ, на улицы, гдѣ отъ этого не обходилось безъ человѣческихъ жертвъ. Большія горящія головни и масса искръ летѣли по воздуху и, падая, зажигали строенія тамъ, гдѣ совсѣмъ не ожидали. Такъ, напримѣръ, отъ пожара, бывшаго на Большой (Воскресенской) улицѣ и Покровск. пер., горѣвшую головню измѣнившимся теченіемъ вѣтра (на ю.-в.) перекинуло на Набережную улицу, близъ Степановскаго пер., гдѣ неожиданно загорѣлся домъ казака Путинцева.

Плохо оборудованная въ то время пожарная команда не въ силахъ была справиться съ огненной стихіей, да и врядъ-ли можно было что сдѣлать, такъ какъ, помимо сильной бури, къ большому несчастію жителей, послѣ ледохода всѣ берега Енисея были завалены льдомъ и достать воды было нельзя, берегъ же р. Качи неудобенъ для быстраго спуска

---

[1]) Направленіе вѣтра было отъ З. и С.-З. на В. и Ю. В.

пожарнаго обоза и, наконецъ, отсутствіе въ то время въ городѣ колодцевъ—все это при появившейся къ тому же паникѣ жителей способствовало быстрому распространенію огня и дѣлало борьбу съ нимъ невозможной.

Огонь съ такой быстротой переносился изъ одного конца города въ другой и такъ быстро пожиралъ строенія, что въ полночь горѣла уже вся вторая часть города, а отъ нѣкоторыхъ домовъ торчали уже одни обгорѣлые столбы.

Жители, пострадавшіе отъ пожара и охваченные паникой, разбѣгались кто куда могъ, взывали о помощи и, не видя ея, плакали, жалѣя о своемъ утраченномъ имуществѣ; многіе бѣгали и суетились, какъ помѣшанные. Были случаи сильнаго нервнаго потрясенія и даже умопомѣшательства. Тѣ изъ жителей, до которыхъ, хотя еще и не добрался всепожирающій огонь, но уже чувствовалось его приближеніе, забирали своихъ дѣтей, стариковъ, снимали иконы и, захвативъ кое-что изъ провизіи и имущества, спѣшили убраться въ безопасное мѣсто.

Такъ, одни спасались на берегу р. Енисея во лодкахъ, другіе уѣзжали въ верхнюю, не горѣвшую часть города, а нѣкоторые—на кладбищенскую гору, откуда со страхомъ взирали на пылающій городъ. Церкви, расположенныя въ болѣе безопасныхъ отъ пожара мѣстахъ, были переполнены народомъ.

А картина была потрясающая, «брюлловская», это тотъ же «Послѣдній день Помпеи»! Шумъ и вой вѣтра, звонъ набата, крики и стоны людей, грохотъ телѣгъ и экипажей, ржаніе лошадей, мычаніе коровъ, вой собакъ и проч. и пр. —все это смѣшалось въ одинъ общій хаосъ, надъ которымъ неслись тучи дыма и масса огня съ зловѣщими головнями и искрами, прорѣзывающими ночную тьму... Страшно было смотрѣть!..—Головни и обожженную бумагу, говорятъ, находили за 18—20 верстъ отъ города.

За ночь пожаръ сдѣлалъ свое дѣло и къ утру изъ половины города образовался пустырь; мѣстами оставшіеся волею судьбы нетронутыми пожаромъ дома стояли, какъ осиротѣлые; сгорѣвшія каменныя зданія (которыхъ было тогда не такъ много) стояли потемнѣвшими отъ дыма съ своими зіяющими черными окнами; большей же частью торчали обгорѣлые и дымившіеся столбы и тамъ, гдѣ вчера стояли большія зданія, сегодня была груда кирпичей, пепла и дымившихся углей. Бывшіе вчера владѣльцами имуществъ жители сегодня ходили по пустырямъ съ печальными и озабо-

ченными лицами и что-то искали на погорѣвшихъ мѣстахъ, но, кромѣ обгорѣвшихъ гвоздей и желѣза, врядъ-ли они что находили...

Въ эту страшную ночь на 18-е апрѣля пострадало отъ пожара 15 усадебныхъ кварталовъ города, при чемъ сгорѣли слѣдующія казенныя и общественныя зданія: Губернскій Совѣтъ, Губернское Правленіе, Контрольная Палата, Государственный Банкъ, Мужская и Женская Гимназіи, Губернскій Судъ, 2-я пожарная часть, Ремесленное Училище, Гостиный Дворъ.

Изъ церквей, которымъ сильно угрожало пожаромъ, была одна Покровская, находящаяся въ центрѣ города, но благодаря энергіи и заботливости, проявленной сторожемъ этой церкви Евграфомъ Терскимъ (отставной солдатъ), церковь отстояли, за что Евграфъ Терскій получилъ въ награду отъ церкви 25 р. и впослѣдствіи былъ награжденъ серебряной медалью. Тотъ кварталъ, гдѣ находится Благовѣщенская церковь и дома Кузнецовыхъ, остался въ цѣлости, также и старый (Воскресенскій) Соборъ уцѣлѣлъ по своей отдаленности отъ строеній, — Соборъ этотъ стоитъ на восточной окраинѣ города и раздѣляется отъ строеній послѣдняго старобазарною площадью.

Въ этотъ всеобщій пожаръ были удивительные и почти необъяснимые случаи сохранности деревянныхъ зданій отъ пожара. Такъ, напримѣръ, домъ Терехихъ, бывшій на углу Больничнаго (нынѣ Гимназическаго) пер. и Благовѣщенской улицы, остался въ цѣлости, кругомъ же его все сгорѣло, и наоборотъ, были странные и поразительные случаи вспышки домовъ тамъ, гдѣ и не ожидали. По словамъ очевидца, въ началѣ пожара, когда еще горѣла усадьба Потѣхина и напротивъ ея — зданія Гимназіи, вдругъ вспыхнула черезъ улицу каланча 2-ой пожарной команды, слѣдомъ за ней отъ упавшихъ искръ загорѣлся магазинъ Волкова на Большой улицѣ (нынѣ зданіе, гдѣ помѣщается почтово-телегр. конторa),—сначала только видишь, какъ упавшія искры „зайчиками“ бѣгаютъ по крышѣ, а черезъ минуту моментально крыша вспыхиваетъ.—Отъ этого же сгорѣлъ домъ казака Шутимцева на Береговой улицѣ. Даже на льду на Енисеѣ вывезенныя вещи погорѣли отъ искръ и головней.

Такіе случаи народъ приписывалъ Божьему наказанію.

Какъ всегда бываетъ во время паники, люди спасали большею частью не то, что надо: малоцѣнное имущество

спасается отъ пожара, а болѣе цѣнное остается. У золотопромышленника Прейна хранился большой ящикъ, нагруженный разными минералами, собранными въ тайгѣ на пріискахъ; люди, помогавшіе вытаскиваться, схватили этотъ ящикъ, думая, вѣроятно, что въ немъ лежатъ золотыя и серебряныя вещи и потащили, но хозяинъ, увидя это, велѣлъ имъ бросить его и вытаскивать то, что онъ считалъ болѣе цѣннымъ. Тащившіе ящикъ съ камнями бросили, отчего послѣдній разбился и коллекція минераловъ пропала.

Сплошь и рядомъ люди отъ растерянности и испуга ничего не могли вытащить или же бѣжали спасать своихъ родственниковъ и знакомыхъ, а у самихъ въ это ихъ отсутствіе все погорало. Такіе случаи были не единичные.

Въ началѣ послѣ пожара пустопорожнія мѣста города застраивались туго, жители боялись поджоговъ, такъ какъ распространялись слухи, что городъ будетъ весь сожженъ и не только городъ, но и селенія. Частію слухи эти оправдывались и въ этотъ пожарный годъ сгорѣло много селеній въ Красноярскомъ уѣздѣ. Многіе по этой причинѣ распродавали свои мѣста за безцѣнокъ, и только послѣ примѣрно пятилѣтняго промежутка времени городъ сталъ застраиваться, какъ слѣдуетъ, а спустя еще 5—6 лѣтъ, когда прошелъ черезъ Красноярскъ великій рельсовый путь, городъ замѣтно и быстро сталъ обогащаться все новыми и новыми зданіями и пошелъ быстрыми шагами впередъ не только во внѣшнемъ своемъ обличіи, но и въ культурномъ отношеніи. И закипѣла въ немъ жизнь!.. И теперь, т. е. спустя 31 годъ послѣ описаннаго происшествія, городъ сталъ неузнаваемъ.

Не сбывается ли русская народная поговорка: «люди послѣ пожара легче поправляются, нежели послѣ вора»...

П. М—въ.

Одинъ изъ столповъ Иркутска конца прошлаго столѣтія.

Иванъ Ивановичъ Ивановъ (собственно это не его фамилія) принадлежалъ къ числу видныхъ купцовъ Иркутска. Женатый на дочери милліонера, онъ имѣлъ большой домъ на главной улицѣ города, въ которомъ держалъ бакалейную торговлю. Торговля эта заслуживаетъ того, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ. Въ магазинѣ, хотя и былъ кассиръ, но денегъ, надо полагать, ему на размѣнъ не давалось, что явствуетъ изъ того, что, если навертывался покупатель на какія нибудь папиросы или спички и давалъ двугривенный, то мальчикъ тотчасъ же бѣжалъ въ сосѣднее помѣщеніе мѣнять этотъ двугривенный. А въ самомъ магазинѣ было такъ мало товара и такъ плохо посѣщался онъ публикой, что вызывалъ недоумѣніе, для чего онъ собственно существуетъ и когда, знакомый съ Иваномъ Ивановичемъ, я однажды задалъ ему такой вопросъ, то Иванъ Ивановичъ отвѣтилъ кратко: «мнѣ нужны—съ люди—съ». Ив Ив. къ каждому почти слову прибавлялъ «съ», и я совершенно понялъ его. Ну, что бы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ безъ лавочки? Тутъ по крайней мѣрѣ онъ занятъ: придетъ три, четыре раза въ магазинъ и поведетъ какую нибудь наставительную бесѣду со служащими или начнетъ кричать и ругать ихъ; смотришь, день то и прошелъ, а ужъ вечеромъ Ив. Ив. куда нибудь поѣдетъ въ театръ или въ собраніе, а безъ магазина какъ онъ проводилъ бы время?

Рѣдкій иркутянинъ не зналъ Ивана Ивановича, этого, съ позволенья сказать, порядочнаго чудака. Публика долго не могла забыть какъ онъ съѣлъ двадцати пяти рублевую бумажку. Дѣло, какъ передаютъ, было такъ. Стоя за кассой и взявъ съ покупательницы 25 руб., онъ продолжалъ съ ней разговоръ, бывшую же въ рукѣ кредитку онъ то свертывалъ, то мялъ и, взявъ, наконецъ, въ ротъ, изжевалъ ее. На вопросъ покупательницы, можно ли получить сдачу, Иванъ Ивановичъ сперва удивился: «какую—съ»? Но потомъ извинился, сказавъ, что съѣлъ ее. Иванъ Ивановичъ любилъ бывать въ гостяхъ, гдѣ велъ себя непринужденно и всегда потѣшалъ дамъ своими разсказами, часто нелишенными остроумія, но гдѣ бы онъ не былъ, непремѣнно проявлялъ какое нибудь чудачество.

Въ одномъ домѣ, гдѣ собрались на вечеръ преимущественно учителя губернской гимназіи, игралъ онъ въ карты; на томъ же вечерѣ и въ той же комнатѣ была жена директора гимназіи, которая въ компаніи учителей также играла въ карты. Раздражительная и нервная особа за неудачные ходы своихъ партнеровъ кричала на нихъ и даже оскорбляла, называя ихъ ходы глупыми, идіотскими...

— Что это за женщина—съ?—спрашиваетъ Иванъ Ивановичъ по обыкновенію громко своего партнера—учителя же гимназіи.

— Это Д.,—виолголоса отвѣчаетъ учитель.

— Д—съ,—выкрикиваетъ Ив. Ив.—Это жена—съ директора—съ. Никогда не повѣрю—съ. Не можетъ быть—съ, что бы воспитанная женщина—съ могла—съ такъ непристойно держать себя... А нельзя ли намъ повидать хозяюшку—съ, можетъ быть она насъ устроитъ гдѣ нибудь на кухнѣ—съ...

Выходя какъ то изъ гостей и требуя подать себѣ шубу, Иванъ Ивановичъ заявилъ, что поданная ему енотовая шуба не его.

— Помилуйте, Иванъ Ивановичъ, подобострастничалъ швейцаръ, развѣ мы не знаемъ вашей шубы, да у насъ такой и не бывало, все вѣдь дешевка да рвань.

— Что ты мнѣ, братецъ, разсказываешь, вотъ моя шуба! Онъ указалъ на енотовую же шубу, но старую и никакого сорта.

— Это, простите, учителя.

— Ну, вотъ поговори еще, давай ее сюда!

А, надѣвъ, заявилъ:

— Она самая—съ, какъ разъ въ пору—съ.

Конечно, швейцаръ не сталъ настаивать на своемъ и Иванъ Ивановичъ отправился домой въ чужой шубѣ. Учитель, на долю котораго выпала богатая шуба Ивана Ивановича, на утро зашелъ къ нему, чтобъ обмѣняться, но Иванъ Ивановичъ категорически заявилъ, что онъ возвратился въ своей шубѣ.

— Но потрудитесь взглянуть, въ какой шубѣ я пришелъ къ вамъ,—настаивалъ учитель.

— Нечего мнѣ смотрѣть—съ, я всегда, милостивый государь, пошу—съ свои собственныя шубы—съ.

Этимъ вопросъ и былъ исчерпанъ.

Ив. Ив. ходилъ всегда плавно, голову держалъ не только прямо, но даже нѣсколько назадъ, говорилъ громко, съ апломбомъ и не любилъ возраженій. Онъ очень любилъ играть

въ открытый винтъ, но не любилъ, чтобы ему перебивали игру. Если онъ напр. скажетъ пять «червей—съ», а другой партнеръ его объявитъ малый шлемъ въ червяхъ, то Иванъ Ивановичъ, скажетъ:

— Что—съ?—Большой въ червяхъ!

При такихъ заявкахъ, конечно, получались игры, которыя приводили въ изумленіе и восторгъ партнеровъ его и въ проигрышѣ оставался одинъ Иванъ Ивановичъ.

Разсказывали объ одной игрѣ въ офицерскомъ собраніи. *Сдѣлавъ аховую заявку, онъ послѣ прикупа сообразилъ*, должно быть, что вмѣсто назначеннаго большого шлема болѣе трехъ—четырехъ взятокъ не взять, онъ всталъ и нѣкоторое время похаживалъ около карточнаго стола, какъ бы размышляя, а затѣмъ, пройдя въ буфетъ, выпилъ рюмку водки и, не сказавъ ни слова своимъ партнерамъ и даже не поклонившись имъ, уѣхалъ домой. Когда партнеры узнали объ его исчезновеніи, то ликвидировали эту игру и подвели общій итогъ, а на утро послали къ нему знакомаго офицера за разъясненіемъ.

Ив. Ив. охотно уплатилъ свой проигрышъ, а на вопросъ, отчего онъ, не доигравъ и ничего не сказавъ, уѣхалъ, отвѣтилъ кратко: «животъ заболѣлъ—съ».

Появляясь на вечерахъ иногда съ дочерьми, уже невѣстами, онъ не измѣнялъ своему чудачеству Однажды, сидя за ужиномъ, онъ завелъ съ ними разговоръ о блохѣ.

— Папочка! Будемъ о чемъ нибудь другомъ говорить,— взмолились дочери,—со страхомъ смотря на многочисленную *публику*.

— Что—съ? Никогда—съ!—Блоха—съ имѣетъ также свои преимущества—съ,—выкрикивалъ онъ.

О чудачествахъ Ивана Иванов. можно было бы написать много, но я боюсь, что и такъ уже злоупотребляю терпѣніемъ *читателя, поэтому ограничусь нѣсколькими строками.*

Встрѣтивъ моего служащаго, Иванъ Ивановичъ попросилъ его передать мнѣ, что желаетъ увидѣться со мной. Я отправился.

— Что вамъ угодно—съ?—спросилъ онъ, впуская меня, не здороваясь и какъ бы совершенно не зная меня.

— Мнѣ сказалъ Х., что вы хотѣли меня видѣть.

— Неправда—съ. . Х. у васъ больной—съ, я давно это замѣчалъ—съ и его надо отправить къ Брянцеву—съ. Впрочемъ, милости просимъ, пожалуйте—съ.

Въ другой разъ, когда онъ самъ лично пригласилъ меня зайти къ нему поговорить о дѣлѣ и я явился, то Иванъ Ивановичъ тотчасъ же велѣлъ позвать сына. Мы молчали, пока не явился сынъ.

— Садитесь, пожалуйста,—сказалъ онъ сыну.

Тотъ сѣлъ и мы уже втроемъ молчали.

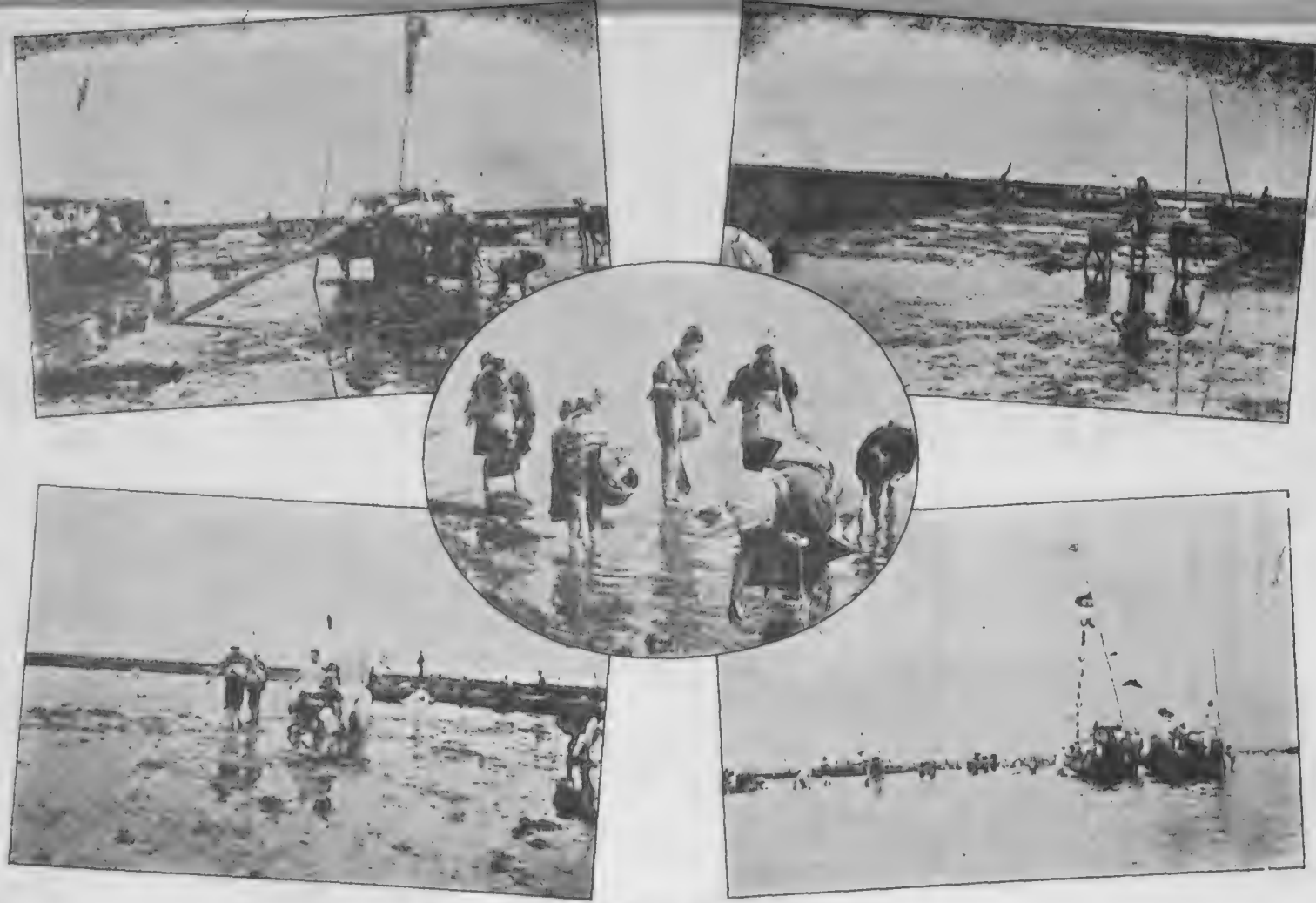
Съ проведеніемъ желѣзной дороги, съ введеніемъ судебныхъ установленій, вообще съ появленіемъ нѣкоторой культуры, условія жизни въ Иркутскѣ стали замѣтно измѣняться; на арену общественной дѣятельности появлялись новыя, болѣе свѣжія, болѣе культурныя лица, торговля оживилась и приняла болѣе устойчивый характеръ. Старые общественные дѣятели и купцы не могли примѣниться къ новому теченію, не могли бороться съ нимъ, ослабѣвали и сходили со сцены. Ушелъ и Ив. Иван. Запутавшись въ дѣлахъ, онъ покинулъ Иркутскъ и отправился за границу, и только нѣсколько лѣтъ назадъ возвратился оттуда больной и безъ всякихъ средствъ.*)

Похороненъ онъ, какъ говорятъ, на средства стараго своего знакомаго, бывшаго его служащаго.

П. Собокаревъ.

*) Лица, близкія къ Ив. Ив., передавали мнѣ, что на пароходѣ по атлантическому океану онъ ѣхалъ съ какой-то „дамой", которая будто бы „обставила" его на милліонъ рублей. Дѣйствительно, изъ-за границы Ив. Ив. получилъ съ золотыхъ пріисковъ Ивачинова и К-о 800 тыс. рублей да своихъ прихватилъ тысячъ около 400. Умеръ въ гостиницѣ „Метрополь"; въ карманѣ покойнаго найдено 3 рубля.

Редакторъ.



Устричный промыселъ въ Японіи. (См. *замѣтку*).

ЗАМѢТКИ.

УСТРИЧНЫЙ ПРОМЫСЕЛЪ ВЪ ЯПОНІИ. (Къ рисункамъ). У береговъ Японіи водятся масса сравнительно дорогихъ устрицъ, вывозимыхъ отсюда въ большомъ количествѣ, какъ въ Китай, такъ и къ намъ во Владивостокъ.

На нашихъ снимкахъ изображены прибрежные жители Японіи за сборомъ устрицъ во время наступившаго морского отлива.

(По фот. *П. Чечина*).

МРАМОРНЫЙ ДВОРЕЦЪ ВЪ ИРКУТСКѢ. Одинъ пріѣзжій столичный коммерсантъ въ бесѣдѣ съ И. С. Хаминовымъ высказалъ мысль, что Иркутскъ «зря» называется столицей Сибири, что это лишь большая деревня, въ которой нѣтъ сколько-нибудь хорошихъ и грандіозныхъ зданій.

— А бывшій Сибиряковскій дворецъ?—воскликнулъ Ив. Ст.

— Ну, это ужъ старье. За то, посмотрите, въ какихъ сараяхъ живутъ иркутскіе милліонеры, вотъ хотя бы къ примѣру взять васъ, Иванъ Степановичъ. Капиталу у васъ куры не клюютъ, а вѣдь вашъ дворецъ—какая то хибарка...

«Хибарка» пришлась не по «нутру» Хаминова.

Послѣ разговора съ коммерсантомъ онъ объѣзжаетъ иркутскихъ архитекторовъ и совѣтуется съ ними насчетъ постройки «столичнаго» дворца. Одинъ изъ архитекторовъ предложилъ ему построить дворецъ изъ байкальскаго мрамора и тогда, дескать, Иркутскъ перещеголяетъ Москву, въ которой нѣтъ мраморныхъ дворцовъ.

Это понравилось Хаминову.

Но архитектурнымъ соображеніямъ для дворца необходимо было занять часть городской земли. Тогда Хаминовъ обратился въ городское общественное управленіе съ ходатайствомъ объ уступкѣ ему необходимаго участка, при чемъ обѣщалъ, что послѣ своей смерти онъ этотъ дворецъ пожертвуетъ городу подъ картинную галлерею или подъ какое нибудь просвѣтительное учрежденіе.

Дума по какимъ то соображеніямъ отказала.

И городъ остался безъ мраморнаго дворца.

ПОГРОМИНСКІЯ И ТУРКИНСКІЯ ВОДЫ. Въ 1827 году иркутскій купецъ Андрей Бѣлоголовый велъ «журналъ», въ которомъ онъ записывалъ «занимательные для

него случаи для памяти». По своему времени это былъ довольно грамотный человѣкъ. Читать, писать, грамматикѣ и ариѳметикѣ онъ учился у свящ. Александра Мордовскаго, нѣмецкому языку—у нѣмца Осипа Интерсона и года 2 учился въ иркутской гимназіи.

Лѣтомъ 1818 года А. Бѣлоголовый побывалъ на Погромнинскихъ и Туркинскихъ водахъ, гдѣ прожилъ около $1^1/_2$ мѣсяцевъ.

Погромнинскія воды,—говоритъ онъ,—вкусъ имѣютъ «пряно-кисловатый; игра же походитъ на игру шампанскаго вина и чрезвычайно холодны. Ключъ пробиваетъ изъ кочки и почти всякій день перемѣняетъ мѣсто на пространствѣ въ окружности на 7 верстъ: вся эта мѣстность покрыта кочками».

«На горячихъ Туркинскихъ водахъ жили мѣсяцъ, ходили въ ванну. Воды сіи такъ горячи, что въ родникѣ можно варить куриныя яйца. Рыба же варится по протеченіи водъ сихъ на поверхности земли болѣе 200 саженъ. Запахъ сѣрный, вкусъ осолоноватый. Мѣстоположеніе болотистое и лѣсистое; устройство прекрасное».

* * *

АНГАРА 42 ДНЯ ПОДО ЛЬДОМЪ. Въ «журналѣ» А. Бѣлоголоваго есть нѣсколько указаній о времени замерзанія и вскрытія Ангары. Въ 1825 году она покрылась льдомъ 18 января, а вскрылась 2 марта; слѣдовательно, подо льдомъ была только 42 дня.

* * *

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ ВЪ КРАСНОЯРСКѢ ВЪ 1858 ГОДУ. 30 мая въ 1-мъ часу пополудни послышался подземный гулъ, а ровно въ часъ подъ самымъ городомъ раздались два удара. Первый былъ слабѣе и походилъ на отдаленные раскаты грома; второй же былъ довольно сильнымъ и рѣзкимъ и во многомъ напоминалъ звукъ ручныхъ жернововъ. Направленіе землетрясенія—съ с.-з. Все явленіе продолжалось на болѣе 3-хъ секундъ. Содроганіе земли было довольно ощутительно: растворялись окна и двери, висячіе предметы качались.

Говорятъ, что въ предыдущую ночь былъ слышенъ подземный гулъ.

Между жителями землетрясеніе не произвело переполоха, тѣмъ болѣе, что и ранѣе такія явленія бывали, напр. въ 1851 году.

Енисейская губернія, особенно южная ея часть, находится въ зонѣ землетрясеній, одно изъ которыхъ было довольно

сіяньемъ на Спасскомъ пріискѣ коммерціи совѣтника Мясникова въ 1850 или 1851 г.

* * *

СѢВЕРНОЕ СІЯНІЕ ВЪ ТОМСКѢ ВЪ 1859 ГОДУ. Оно было видимо въ ночь съ 9 на 10 апрѣля, т. е. въ такое время года, когда приходится его наблюдать въ подобныхъ широтахъ лишь въ видѣ исключенія.

Съ 10 час. веч. на с.-в показался легкій розовый цвѣтъ, который, несмотря на свѣтлую лунную ночь, постепенно перешелъ всѣ оттѣнки свои до краснаго и къ 11 часамъ походилъ на крупное зловѣщее зарево.

Скоро въ заревѣ сіянія образовались три блѣдно-пурпуровыхъ гиганскихъ столба, которые какъ будто спорили со свѣтомъ и переливали всевозможными оттѣнками; они то исчезали, то снова появлялись. Пространство между столбами было незначительное и заполнено было бѣлесоватымъ свѣтомъ.

Интересное явленіе привлекло на улицы массу народа, при чемъ суевѣры толковали, что «это — не къ добру».

Къ утру все исчезло.

* * *

ИРКУТСКІЯ ЭПИГРАММЫ.

(Продолженіе). [1])

Случайно на барахолкѣ мнѣ пришлось пріобрѣсти нѣсколько листовъ стихотвореній съ датами 1850 года.

Помѣщаю изъ нихъ тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ жизни Иркутска.

9. *Мое блаженство.*

* * *

Блаженъ не тотъ, кто вровень сталъ
Съ Наскевичемъ или съ Перовскимъ,
Иль пріискъ золота досталъ
Хребтомъ и потомъ Мясниковскимъ.

* * *

Тяжелъ Паскевича походъ
Отъ Эривани до Варшавы;
Перовскаго изсушатъ въ годъ
Одинъ врачебныя управы.

[1]) См. №№ 3, 5, 6 «Сиб. Арх.» за прошлый годъ.

А Мясниковы... что за мысль
Была у нихъ червонцы хапать?
Одинъ за нихъ утратилъ жизнь,
Другому привелось поплакать.

* *
*

Нѣтъ, не они, а тотъ блаженъ,
Кому судьба, хоть въ нелюдимкѣ,
Но зная, что все прахъ и тлѣнъ, —
Спитъ на Тюменцевской займкѣ.

* *
*

Не нуженъ тутъ и милліонъ—
Не по травѣ же съ нимъ валяться;
И безъ того тутъ сладокъ сонъ
И сны чудеснѣйшіе снятся.

* *
*

Однажды спалъ я тамъ одинъ
Подъ плескъ и говоръ Ушаковки,—
Вдругъ вижу я въ водѣ Ундинъ...
Поднявши ручки и головки.

* *
*

Онѣ пустились шалить
И брызгать—я не пробудился;
Онѣ къ себѣ меня манить —
И въ Ушаковку я свалился..

10. *Новыя эпиграммы.*

* *
*

Его нисколько не обяжемъ,
Когда ему въ привѣтѣ скажемъ,
Что онъ ученъ, что онъ уменъ,
Что предсѣдатель нынче онъ;
Но хоть въ какой-нибудь запискѣ,
А только одолжи ему: скажи,
Что съ Турчаниновымъ онъ, вѣрно, въ перепискѣ;
Что Фишеръ, вѣрно, будто радъ
Послать ему своихъ растеній дубликать;
Что Басинъ, вѣрно, нынче воетъ,
Что другъ его, хоть съ нимъ въ ладу,
Но въ Кузнецовскомъ онъ саду
Оранжереи лучше строитъ.

* *
*

Я зналъ, что онъ довольно силенъ
Архивы разбирать:
Что онъ способенъ и обиленъ
Подчасъ и рифмы подбирать;

Но умъ за разумъ мой зайдетъ:
Какой онъ въ мысляхъ исполинъ...
Представьте: въ фабрикѣ онъ вводитъ
На мѣсто масла—олеинъ!.

* * *

Хоть дружбы съ нимъ я не имѣю
(Гдѣ съ знаменитостью намъ дружбу и имѣть?
Конечно, ужъ—не смѣть!),
Но сердцемъ и душой любя его, жалѣю.
Какой несчастій длинный рядъ!.
Вообразите: въ эти лѣта
На шеѣ у него виситъ Елизавета
И вѣсятъ Анну, говорятъ.

Сообщилъ П. Мокіевскій.

* * *

ХОЛЕРА ВЪ СЕМИПАЛАТИНСКѢ. Лѣтомъ 1892 года Семипалатинскъ посѣтила холера. До этого времени семипалатинцы только слышали, что гдѣ-то гуляетъ холера и были совершенно за себя спокойны. Въ городѣ существовала твердая увѣренность, что холера въ Семипалатинскъ не придетъ. Въ подтвержденіе этого ссылались и на отдаленность города отъ очаговъ заразы и на сухой, здоровый климатъ края и т. п. Каковъ-же былъ ужасъ жителей, когда однажды по городу разнеслась вѣсть о томъ, что нежданная гостья появилась и начинаетъ косить народъ!

Для борьбы съ болѣзнью администрація мобилизовала всѣ медицинскія силы. Жители ознакомлялись съ мѣрами предосторожности. Но всѣ санитарныя мѣропріятія властей были очень недружелюбно встрѣчены преобладающей въ городѣ татарской частью населенія.

Среди татаръ пошли обычные вздорные толки о томъ, что доктора травятъ людей, что стоитъ только попасть въ руки санитаровъ, какъ они непремѣнно уморятъ и т. п. Регистрацію больныхъ среди татаръ вести было весьма трудно. Татары скрывали холерныхъ, хоронили умершихъ по ночамъ, отказывались принимать мѣры предосторожности. Благодаря этому, болѣзнь среди татарской части населенія приняла угрожающіе размѣры. Въ городѣ циркулировали тревожные слухи о готовящемся будто-бы возстаніи татаръ. Муллы не оказывали должнаго содѣйствія мѣропріятіямъ администраціи, направленнымъ къ борьбѣ съ холерой. Только одинъ довольно просвѣщенный мулла, Абдразаковъ, призывалъ татаръ съ каѳедры въ мечети бороться съ болѣзнью и обращаться за

помощью къ русскимъ врачамъ. Но эта проповѣдь благоразумія вызвала къ проповѣднику ненависть со стороны болѣе фанатизированныхъ круговъ татарскаго населенія. Мулла былъ приглашенъ пить пиво на Казачій островъ и тамъ убитъ, какъ предполагаютъ, татарами. Убійцъ, впрочемъ, не нашли.

Въ виду волненій среди татаръ, мѣстный баталіонъ былъ все время наготовѣ.

Къ содѣйствію военной силы, однако, не пришлось прибѣгнуть: губернаторъ принялъ предварительныя мѣры.

Губернаторомъ Семипалатинской области въ это время былъ гуманный и просвѣщенный А. Ф. Карповъ. Видя усиливающуюся тревогу въ городѣ, онъ вызвалъ къ себѣ татарскихъ муллъ и громовымъ голосомъ, чего съ нимъ никогда не бывало, заявилъ имъ, что если они не успокоятъ татарское населеніе, то въ 24 часа будутъ высланы изъ города. Перепуганные муллы, неожидавшіе отъ благодушнѣйшаго генерала такого сурового пріема, упали на колѣни и дали обѣщаніе принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ успокоенію татаръ. Ходилъ слухъ, что муллы сами даже противодѣйствовали санитарнымъ мѣропріятіямъ властей. Мѣра воздѣйствія, принятая губернаторомъ, дала положительные результаты: муллы дѣятельно стали уговаривать татаръ подчиниться требованіямъ власти въ борьбѣ съ болѣзнью и не скрывать умершихъ отъ холеры. Увѣщаніе муллъ подѣйствовало, и для власти, такимъ образомъ, явилась возможность имѣть относительно полную картину положенія дѣла среди татаръ. Съ холерой повели систематическую борьбу. Эпидемическія заболѣванія замѣтно стали падать, а затѣмъ и совсѣмъ прекратились.

Значительныя опустошенія среди киргизъ холера произвела въ Зарѣчной слободкѣ. Здѣсь много домовъ долгое время стояло заколоченными.

С. Б. Г.

* * *

ЧЕСТВОВАНІЕ ПАМЯТИ П. И. ЧАЙКОВСКАГО ВЪ ТОМСКѢ. 25 окт. 1893 г., какъ извѣстно, скончался отъ холеры извѣстный русскій композиторъ Петръ Ильичъ Чайковскій. Смерть его въ свое время глубоко опечалила русское общество. Когда въ Томскѣ было получено печальное извѣстіе о кончинѣ Чайковскаго, мѣстныя музыкальныя силы рѣшили въ сороковой день послѣ смерти композитора устроить въ Королевскомъ театрѣ музыкальный вечеръ изъ произведеній Чайковскаго съ чтеніемъ біографіи его. Помин-

ки собрали въ театръ всю музыкальную публику Томска. Много было учащихся. На сценѣ былъ выставленъ красиво декорированный и прекрасно написанный спеціально къ вечеру портретъ композитора. Въ ожиданіи начала публика переговаривалась, сообщая подробности трагической кончины Чайковскаго. Но вотъ на сцену вышелъ лекторъ сообщить біографію П. И. и обстоятельства его неожиданной кончины. Залъ сразу смолкъ. Стояла напряженная тишина. Каждое слово лектора отчетливо слышалось въ театрѣ. Развертывая передъ публикой картину за картиной изъ жизни Чайковскаго, лекторъ дошелъ до того момента, когда композиторъ сдѣлался жертвою ужасной болѣзни. «И не могла-же она (холера) вмѣсто этой, дорогой для Россіи, жизни взять кого-либо другого!»—патетически воскликнулъ лекторъ.

По театру пронесся гулъ голосовъ...

Ляпсусъ докладчика всколыхнулъ всѣхъ. Такъ бываетъ въ пчелиномъ ульѣ, когда притихнувшихъ пчелъ чѣмъ-либо серьезно обезпокоятъ. Чувство удивленія публики смѣшалось съ чувствомъ негодованія по адресу лектора, такъ неосторожно задѣвшаго этическое чувство общества. Вечеръ былъ испорченъ. Чувствовалась какая то неловкость. Начавшаяся послѣ того программа музыкальныхъ произведеній великаго композитора постепенно сгладила тяжелое чувство, нанѣсенное безтактностью лектора. Публика съ глубокимъ вниманіемъ прослушала концертную часть вечера, усиленно аплодируя, особенно при исполненіи невыразимыхъ по своей нѣжности и грусти струнныхъ квартетовъ и симфоній композитора

Расходились изъ театра тихо. Не было обычной сутолоки. Ляпсусъ лектора облетѣлъ весь городъ.

С. Б. Г.

* * *

СКОПЧЕСКАЯ ПѢСНЯ. Настоящая сектантская пѣсня записана лѣтъ 7 тому назадъ въ д. Селиваниху, расположенной на правомъ берегу Енисея, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже г. Туруханска, со словъ скопца 65—70 лѣтъ Тимофея Яковлевича (фамилію скопца записыватель не помнитъ) А. В. Ивановымъ и имъ любезно передана мнѣ.

О! призванныя всѣ души,
Сколь сердцами вы недужи,
Нѣту силы нашей мочи
Не выходимъ изъ полночи.
Плоть не терпитъ пустоты,
Духъ не видитъ свѣтлоты,

А душевный врагъ нанъ ходитъ,
Всегда острый лучъ наводитъ
И огненны свои стрѣлы
Хочетъ свалить крѣпки стѣны.
Вы, избранны мои други,
Не извольте прочь бѣжати,
Не могуть одни столбы
Своей крѣпости сдержати.
Вы зозрите въ высоту,
На пресвѣтлую звѣзду
И на матушку царицу,
Савоєхва отца дочь,
Потомъ, други, примѣчайте,
Что проходитъ темна ночь,
Наступаетъ свѣтлый день,
Тогда увидимъ лица Божьи,
А теперя одну тѣнь.
Слабый корень ихъ качаетъ,
Всѣхъ избранныхъ ихъ печалитъ,
Свои души и тѣла
Во крамешну заключаетъ
И на вѣки вѣковъ.
Чтобъ не рвали съ древъ цвѣтовъ,
Съ кунарису винограду
И зеленыхъ сладкихъ грушъ,—
Число это божьихъ душъ.
Виноградные сады,
Которые притеряѣли
Своей плоти чистоты,
Конхъ батюшка нанялъ,
Тѣ будутъ ѣхать на конях.
На нихъ ризы бѣлы льняны,
А на слабыхъ власы вянуть,
Не могуть онъ окомъ глянуть.
Повернувъ свое плечо,
Останутся не причемъ.
Стануть бурныя погоды
Вредить землю на три годы.
Или, други, еще болѣ
Спасительска будетъ воля.
На пресвѣтлые лучи
Не взойдутъ мрачны тучи.
Не успѣютъ вредный плевелъ
Въ себѣ они побѣдить,

За что батюшка родимый
Обѣщался наградить
Золотыми ихъ вѣнцами,
Назвать святыми отцами,
Какъ Илью и Моисея,
Собрать чисто свое сѣмя
Во прекрасный градъ Москву.
Александра Второй царь
Скоро увидитъ въ своемъ домѣ
Печаль горе и тоску.
Не успѣть себѣ исправить,
Доску вѣрную поставить:
Сколько жилъ онъ на землѣ
Во защитѣ, въ оборонѣ.
Самъ отецъ покровъ держалъ,
Никто его не обижалъ.
За то явному царю
Подается за все знать,
Хоть не могъ всѣмъ воли дать:
Во рукахъ его указно
Вѣрнымъ праведнымъ покровъ,
А царевичу поклонъ
За усердну его службу,
За искупительну вѣрну дружбу.
Не щадитъ онъ своей плоти.
Отецъ дорого заплотитъ:
На главу его корону.
Всѣмъ (и)зраилямъ на (о)борону,
Злату ризу на плеча.
Дастъ онъ вѣрнымъ всѣмъ причалъ,
Пересмотритъ всѣ печати,
А у кого нѣтъ печати,
Трудно будетъ отвѣчати.
Нельзя Богу примѣчати
Маргаридиымъ своимъ окомъ.
П(е)реберетъ онъ всѣхъ пророкомъ.
Правы ручки его въ крестъ
Поставитъ всѣхъ ихъ подъаресть
Царство его будетъ вѣчно,
Кто служитъ чистосердечно
И на вѣки вѣковъ.

Ив. Ал. Чекалинскій.

ИЗЪ АНЕКДОТОВЪ ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА. Въ отдѣлѣ хроники Иркутской газеты: «Сибирь» отъ 14 декабря 1912 года напечатана слѣдующая замѣтка:

„Комитетъ географическаго об-ва на засѣданіи 12-го декабря заслушалъ предложеніе профессора краковскаго университета В. Дыбовскаго, *бывшаго члена отдѣла.*[1]) Г. Дыбовскій предложилъ отдѣлу напечатать въ „Извѣстіяхъ" его труды: „Къ новымъ изслѣдованіямъ фауны Байкала". Кромѣ того, г. Дыбовскій запрашиваетъ отдѣлъ, достаточно ли снабженъ музей препаратами Байкальскихъ рыбъ. Въ случаѣ недостатка, г. Дыбовскій готовъ выслать свои коллекціи. Комитетъ предложеніе г. Дыбовскаго принялъ. Трудъ его постановлено напечатать въ „Извѣстіяхъ" въ переводѣ на русскій языкъ. Свѣдѣнія о коллекціяхъ постановлено выслать г. Дыбовскому.

На томъ же засѣданіи былъ поднятъ вопросъ объ избраніи В. Дыбовскаго почетнымъ членомъ отдѣла за его труды по изученію фауны Байкала. Вопросъ этотъ будетъ разсматриваться на ближайшемъ засѣданіи комитета»[2]).

Итакъ, распорядительный комитетъ географическаго общества собирается поднять въ скоромъ времени вопросъ объ избраніи почетнымъ членомъ отдѣла проф. д-ра Дыбовскаго.

Сдѣлаемъ теперь маленькую историческую экскурсію.

Заглянемъ въ п. 18 протокола № 10 засѣданія распорядительнаго комитета отъ 15 марта 1910 года. Здѣсь буквально говорится:

„*В. Ц. Дорогостайскій предложилъ выбрать д-ра Дыбовскаго въ число почетныхъ членовъ отдѣла, если онъ еще не избранъ. Постановлено: предложеніе В. Ц. Дорогостайскаго принять*".

Выходитъ, что нашъ распор. комитетъ хочетъ *вторично* избирать д-ра Дыбовскаго почетнымъ членомъ.

Это еще не все.

На засѣданіи 15 марта 1910 года присутствовали: въ качествѣ предсѣдателя И. П. Кармазинскій, правителя дѣлъ А. В. Львовъ и членовъ: П. А. Подгорбунскій и М. М. Холодковскій, т. е. такія лица, которыя входятъ въ составъ и нынѣшняго распор. комитета.

Чѣмъ не анекдотъ!....

* * *

О ЖУРНАЛѢ «РОССІЯ И ЯПОНІЯ». Послѣ русско-японской войны мнѣ случайно попало нѣсколько номеровъ

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Курсивъ нашъ.

выходившаго въ 1904—5 годахъ въ Японіи, если не ошибаюсь, въ городѣ Іокагамѣ журнала на русскомъ языкѣ *«Россія и Японія»*. Журналъ былъ большого формата (размѣръ «Солнце Россіи»), въ красивой обложкѣ, содержалъ массу иллюстрацій и печатался на роскошной бумагѣ.

Раздавался журналъ русскимъ въ Японіи совершенно безплатно. Въ своемъ послѣднемъ №, попавшемъ мнѣ въ руки, редакція, заявляя о прекращеніи изданія, между прочимъ, сообщила исторію возникновенія журнала. Изъ этого сообщенія мы видимъ, что въ 1904 году, когда въ Японію стали прибывать въ громадномъ количествѣ русскіе плѣнные, *кружокъ русскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ*, пользуясь тѣмъ, что плѣнные совершенно лишены были какой бы то ни было духовной пищи, постановилъ распространить между ними въ большомъ количествѣ *свою* литературу.

Главнымъ уполномоченнымъ для этого отъ кружка былъ назначенъ пріѣхавшій съ Гавайскихъ острововъ, нынѣ умершій, докторъ Руссель. Пріѣхавъ въ Японію, Руссель кромѣ того нашелъ необходимымъ приступить къ изданію своего органа на русскомъ языкѣ. Японское правительство дало на изданіе журнала Русселю разрѣшеніе; кружокъ отпустилъ нужныя средства и онъ сталъ издавать *«Россію и Японію»*.

Журналъ безпрепятственно въ громадномъ количествѣ распространялся среди плѣнныхъ. Прекратилъ свое существованіе журналъ «Россія и Японія» съ выѣздомъ изъ Японіи плѣнныхъ, что было въ октябрѣ или ноябрѣ 1905 года.

Морякъ.

Редакторъ-издатель **А. И. Линьковъ.**

Секретарь редакціи **Петръ Чечинъ.**

Книга 9

СИБИРСКІЕ МОТИВЫ

у Н. В. Федорова-Омулевскаго

ВЪ ОТНОШЕНІИ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНІЯ.

Мнѣ неоднократно приходилось—то тутъ, то тамъ—говорить о сибирскихъ поэтахъ, и—чуть ли не каждый разъ при этомъ останавливаться на скудости сибирскихъ мотивовъ въ ихъ поэзіи. Въ данномъ же случаѣ я пользуюсь возможностью осуществить давнишнее мое желаніе—побесѣдовать подробнѣе о сибирскихъ мотивахъ не новѣйшихъ сибирскихъ поэтовъ, а можно сказать—отца сибирской поэзіи, общепризваннаго и исторіей и современностью сибирскаго поэта, одного изъ тѣхъ столповъ сибирскаго патріотизма, къ которымъ неизмѣнно устремляются благоговѣйные взоры каждаго влюбленнаго въ свою суровую, но близкую, окраину сибиряка. Поговорить—о Федоровѣ-Омулевскомъ. Подойти къ его поэзіи—точнѣе, къ сибирскимъ ея мотивамъ—безъ всякой предвзятости, безъ умерщвляющей живое дѣло юбилейной шумихи, безъ банальныхъ фразъ и безъ ложнаго пафоса, а единственно—съ мѣркой эстетической. Послѣднія же, по моему пониманію, включаетъ въ себя—но неразрывно, но слѣянно—какъ моментъ художественно-формальный (по формѣ), такъ и жизненно идеальный (по содержанію).

Начать придется съ небольшой оговорки. Существуетъ взглядъ, проникающій и въ нашу окраинную печать (лѣтомъ, напр., текущаго года я столкнулся съ нимъ, скрыто-полемизирующимъ съ моими статьями о сибирскихъ поэтахъ въ «Сибирскомъ Журналѣ»—въ одной изъ иркутскихъ газетъ), будто никакой «сибирской» поэзіи нѣтъ и быть не можетъ. Что ея нѣтъ—это до извѣстной степени вѣрно; но что ея и быть не можетъ—это уже неправильно. Достаточно, кажется, ясно, что терминъ «сибирская поэзія» я употребляю чисто

—условно: не въ смыслѣ какого-то, помилуй Богъ, сепаратизма, хотя бы и художественнаго, а въ смыслѣ наличія въ поэзіи сибирскихъ мотивовъ, сибирскихъ настроеній, красокъ, сибирской природы, сибирскаго, если угодно, быта. И—только.

Небо якутскаго края и хозяйственныя отношенія въ якутскомъ жизненномъ укладѣ порождаютъ психику, отличную отъ психики средне-сибирскаго, положимъ, крестьянина. Поэзія Шевченки (не касаясь языка) родилась на Днѣпрѣ и вся полна украинскихъ мотивовъ—отъ безсчастной доли батрачки Катерины до волнующихъ легендъ о гайдамачинѣ. Поэзія Некрасова обвѣяна прелестью Волги. Въ маленькой книжечкѣ стиховъ Кольцова есть безкрайная донская степь; въ ней чувствуется и степное небо, и буколика не вѣдающей дифференціаціи общественной среды. Въ твореніяхъ того же Некрасова дышешь сырымъ, промозглымъ петербургскимъ воздухомъ, ибо туманный Петербургъ—вторая родина Некрасова. Упоминать ли о великомъ Пушкинѣ? Способность воспріятія оттѣнковъ специфическихъ у Пушкина поистинѣ поразительна: начиная съ «Евгенія Онѣгина» съ его чисторусскими, срединно-русскими тонами и настроеніями (я имѣю въ виду помѣщичью деревню), переходя къ поэмамъ кавказскимъ, даже бессарабскимъ съ ихъ истомой, и кончая какимъ-нибудь «Мѣднымъ всадникомъ», гдѣ ясно слышишь не только «тяжело-звонкое скаканье» по петербургской мостовой, но и какъ волны бьются о гранитный берегъ Невы, или поэмой «Полтава», гдѣ «дремоты превозмочь не хочетъ воздухъ»,—вездѣ и всюду, до чего бы ни коснулся слухъ великаго поэта, ни дошелъ бы взоръ его, вездѣ и всюду мы имѣемъ мѣстные или, допустимъ, областническіе (да не бойтесь же вы, наконецъ, этого слова!) тона и краски, мѣстные или областническіе мотивы и настроенія,—имѣемъ: специфическій колоритъ.

И вообще—не нужно бояться это сказать: чѣмъ выше тотъ или иной поэтъ, тѣмъ болѣе способенъ онъ чувствовать все специфическое, все особенное (наряду съ такой же способностью обобщенія): собраніе всего «особеннаго» въ русской жизни и природѣ и составитъ величайшую сокровищницу—русскую поэзію. Въ сокровищницѣ этой очень немного красокъ сибирскихъ, и то немногое, что въ ней все-таки есть, принесено не столько сибиряками, сколько побывавшими въ Сибири «чужестранцами»: В. Г. Короленко, В. Г. Тановъ, В. Свротшевскимъ, покойнымъ Н. Я. и другими. Поэзія же коренныхъ сибиряковъ (Федорова-Омулев-

скаго пока исключаю: о немъ рѣчь спеціальная, дальше)— она какая-то безликая: въ ней можно встрѣтить все, что угодно—и ортодоксальный реализмъ, и плохо переваренное декадентство; нѣтъ только главнаго: сибирскаго лица,—сибирской природы, красокъ, быта, настроеній, мотивовъ, словомъ— души сибирской. А безъ этого поэзія—tabula rasa.

Придетъ одинъ «сибирскій» поэтъ, и—дурно переложитъ «своими словами» Никитина; придетъ другой, и—обрѣтаясь въ явномъ конфликтѣ съ грамматикой, ухватится за самыя верхушки модернизма; третій повторитъ замызганный мотивъ изъ Надсона; четвертый броситъ двѣ-три банальныхъ, мертвыхъ фразы о величіи Байкала,—таково, въ общихъ чертахъ, творчество новѣйшихъ сибирскихъ поэтовъ. Много разговоровъ о своемъ, сибирскомъ; много «любви къ отечеству и народной гордости» (послѣднее, впрочемъ—не только въ поэзіи, но и въ общественной дѣятельности сибиряковъ), и—очень, очень немного подлиннаго творчества, серьезнаго исканія своего собственнаго коллективнаго «я», своихъ собственныхъ, не взятыхъ на прокатъ у метрополіи, а выношенныхъ въ собственной душѣ художественныхъ образовъ.

Причину такого грустнаго явленія, мнѣ думается, нужно видѣть не столько въ сравнительной духовной молодости Сибири, сколько въ той, довольно-таки неопредѣленной въ общемъ, стадіи общественнаго развитія, которую она переживаетъ. Отъ одного какого-то—патріархальнаго—берега Сибирь отстала, а къ другому—связанному съ городскимъ укладомъ—пристать не успѣла. Отсюда—и всѣ признаки культурнаго инферіоризма. Старыя духовныя цѣнности—въ видѣ пресловутаго «сибирскаго патріотизма» или не менѣе пресловутаго «демократизма» общесибирскаго, какъ-то самочинно, изначала существующихъ—уже не удовлетворяютъ,—хотя и продолжаютъ еще изрѣдка вдохновлять присяжныхъ златоустовъ той или иной общественной группы; новыхъ же цѣнностей еще не накоплено. Отсюда—тяготѣніе сибирской молодежи къ метрополіи, это центробѣжное по отношенію къ Сибири и центростремительное по отношенію къ столицамъ движеніе культурныхъ силъ, не находящихъ себѣ дома,—несмотря на фразы о Сибири, какъ «золотомъ днѣ» и «непочатомъ» для работы углѣ—достаточно надежнаго и бережнаго примѣненія.

Молодежь сибирская рвется въ столицы, къ «свѣту», къ «шири и простору»,—«въ Москву, въ Москву!» Но,—не

въ примѣръ Некрасову, разставшемуся со своей первой родиной обвѣяннымъ ея прелестью и пришедшему во вторую родину съ плохимъ или хорошимъ, но какимъ-то опредѣленнымъ и цѣльнымъ укладомъ,—она является туда, въ метрополію, съ печатью духовнаго нищенства на челѣ и, не имѣя ничего отстоявшагося «сибирскаго» въ душѣ, безсильна претворить въ ней и свою вторую родину. Положеніе получается довольно незавидное: какой-то заколдованный кругъ творческаго безсилія, выходъ изъ котораго можетъ быть только одинъ—немедленно разставшись съ утѣшающими конфетками въ видѣ несознанныхъ отрыжекъ перестоявшейся патріархальности (въ широкомъ, не казенномъ, смыслѣ), направить творчество окраины въ русло научнаго (по методу) познанія условій общественной жизни,—въ русло общественно-хозяйственнаго, культурнаго и всякаго иного самоопредѣленія.

Каждый шагъ въ послѣднемъ направленіи, всякій новый шагъ въ поискахъ тѣхъ формъ, въ которыя могла бы уложиться жизнь окраины, есть въ то же время и новый шагъ къ выявленію своего, окраиннаго, лика,—въ направленіи къ взыскуемымъ, въ концѣ концовъ, формамъ и сибирскаго художественнаго творчества. Стоитъ только утвердиться на этой точкѣ зрѣнія, какъ тотчасъ отпадетъ и основной источникъ пессимизма въ связи съ наличной слабостью сибирскаго мотива въ русской поэзіи, съ замѣтной скудостью накопленныхъ Сибирью духовныхъ богатствъ. Переходное время,—говоримъ мы,—и только. Нужно его поскорѣе изжить, нужно направить всѣ усилія къ тому, чтобы оно какъ можно скорѣе было изжито.

Нѣкоторую утѣшительную аналогію съ временной скудостью сибирскаго творчества представляетъ, на мой взглядъ, пресловутая же скудость пѣвеннаго творчества, обычно наблюдаемая при переходѣ, напр., вчерашней деревни въ сегодняшній фабричный поселокъ. Наступаетъ моментъ, когда стройная цѣльность красивой по-своему народной пѣсни перестаетъ удовлетворять выросшее при усложненной жизни молодое поколѣніе, и задушевную народную пѣсню вытѣсняетъ безобразная, но все же пытающаяся оформить какое-то новое, незамѣтно народившееся содержаніе, фабричная частушка. Мы знаемъ: отстоится это новое въ душѣ, и безобразную частушку, этотъ временный пауперизмъ духовный, смѣнятъ новые напѣвы, еще болѣе, нежели старинная пѣсня,

прекрасные и свѣтлые. То же самое—хочется думать—будетъ и съ сибирской поэзіей.

Остается посмотрѣть, насколько силенъ былъ сибирскій колоритъ у скончавшагося 29 лѣтъ тому назадъ отца сибирской поэзіи, и если силенъ, то—почему, и каково именно содержаніе сибирскихъ мотивовъ у Омулевскаго, каковы художественно-поэтическіе его образы, и—форма этихъ образовъ.

Нѣсколько словъ о формѣ поэтическихъ произведеній И. В. Федорова-Омулевскаго вообще. Старая эстетика,—эстетика узко-формальная, построенная на внѣшней красивости, симметрическомъ соотношеніи частей, такъ называемомъ «чувствѣ мѣры» и исключеніи изъ области эстетики всего «непоэтическаго», «невзрачнаго», «уродливаго» (le grotesque),—эстетика, признавшая «прекрасное» абсолютомъ,—такая эстетика безповоротно осудила поэзію Омулевскаго, объявивъ, что, какъ и въ творчествѣ Некрасова, «поэзія-то въ ней и не ночевала». Другая эстетика, нынѣ также изжитая,—эстетика анти-эстетизма, эстетика содержанія, но не формы по преимуществу, или, какъ тогда выражались, «разрушенная эстетика»,—обѣими руками уцѣпилась за поэзію Омулевскаго, облюбовавъ въ ней, главнымъ образомъ, мотивъ гражданскій.

Нынѣ обѣ эти точки зрѣнія, взаимно одна другую убивавшія, слава Богу, отошли въ область прошлаго. Новая эстетика, построенная на гармоніи и содержанія и формы, на понятіи объ относительности,—не нуждается ни въ осужденіи гражданскаго мотива, какъ и всякаго иного, ни въ признаніи грѣховнымъ пользованія улыбкой жизни, радостью поэзіи. Такая эстетика (новая, конечно, очень относительно) можетъ спокойно разсмотрѣть поэзію и Федорова-Омулевскаго, не становясь на точку зрѣнія «публицистизма», равнымъ образомъ и «эстетизма»,—одинаково, хотя и каждая по своему, тенденціозныя.

Понятіе о красотѣ,—говоритъ эта новая эстетика,—какъ и всякое другое понятіе, есть вещь относительная. Прекрасно то, что «заражаетъ», вызываетъ соотвѣтствующую эмоцію, что говоритъ хоть не уму, такъ сердцу. А «заражаетъ» только то, что искренно. Прекрасны «уродливые» періоды Толстого («что», «что», «что»), нагроможденные какъ будто предумышленно, ибо громоздкость ихъ въ полнѣйшемъ соот-

вѣтствіи съ громоздкостью бьющихся въ нихъ мысли и чувства. Прекрасна воздушная муза Сологуба, ибо идеально отражаетъ изящную стыдливость его души. Прекрасны такъ называемые «прозаизмы» Некрасова, ибо они согрѣты, «опоэтизированы» чувствомъ, ибо въ нихъ—нетерпѣливость горячаго сердца, бросающаго первыя попавшіяся слова, способныя зажечь печалью и гнѣвомъ. Прекрасно и въ Оедоровѣ-Омулевскомъ то, что продиктовано горячимъ чувствомъ и на чемъ печать гармоніи межъ замысломъ и воплощеніемъ, межъ содержаніемъ и формой, межъ душой и внѣшнимъ ея обликомъ.

Предоставимъ эстетамъ ковыряться въ буквахъ, пересчитывая, сколько у Некрасова свистящихъ и шипящихъ звуковъ въ фразѣ «Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ», или у Оедорова-Омулевскаго частичекъ «если—то». Пусть господа эстеты обихаживаютъ форму, какъ имѣющую «самоцѣльное» значеніе, какъ «вещь въ себѣ», пусть разрываютъ эту форму съ содержаніемъ. Мы—не изъ ихъ числа. Но предоставимъ также и «гражданственникамъ» восторгаться «содержательностью» тамъ, гдѣ форма представляетъ рубленую прозу, гдѣ холодная реторика рождаетъ голую идею, не пропущенную черезъ призму сердца (какъ это случается порой у Омулевскаго и даже у Некрасова). Мы беремъ поэзію, какъ нѣчто нѣльное, какъ душу, воплощенную въ живое тѣло. Мы немножко влюблены въ поэзію и не имѣемъ времени детально разсмотрѣть, достаточно ли въ ея классичекъ, да—признаться—и смѣемся надъ холоднымъ классицизмомъ: но мы страстно негодуемъ, получивъ въ отвѣтъ на пылкое признаніе тираду изъ готовыхъ фразъ, хотя бы и гражданскихъ, но единый смыслъ которой: «Ахъ, какъ стыдно! въ годину горя... и т. д., и т. д.—и вдругъ!»...

Мы любимъ нашу поэзію за то, что она намъ—именно намъ, а не эллинамъ, напр., и не маркизамъ въ фижмахъ—нравится, и насъ—именно насъ—волнуетъ, «заражаетъ». и скорѣе просто любитъ, нежели куда-то «ведетъ», а, въ сущности, именно ведетъ, но такъ непримѣтно и ловко, что мы, влюбленные, кромѣ ея ласкъ ничего не замѣчаемъ.

Я знаю, напримѣръ, что ни маркизу, ни эллину, ни даже—Боже сохрани—Корнѣю Чуковскому изъ «Рѣчи»—не понравится и ничего не скажетъ слѣдующее трехстишіе изъ Омулевскаго.

Если ты странствуешь, путникъ,
Съ цѣлью благой и высокой,
То посѣти между прочимъ
Край мой далекій...

Тамъ сквозь снѣга и морозы
Носятся мощные звуки;
Встрѣтишь людей тамъ, что терпятъ
Муки за муки...

Нѣтъ тамъ пустыхъ истукановъ,
Вздоховъ изнѣженной груди...
Тамъ только люди да цѣпи,
Цѣпи да люди!

А намъ, читатель, съ вами эти строчки такъ много говорятъ, и мы, не обинуясь, скажемъ, что стихотвореніе, которое не нравится маркизамъ изъ «Рѣчи»,— все же прекрасно. О да, будь это «если—то», и «между прочимъ», или «съ цѣлью благой и высокой» у Бальмонта — это оскверняло бы его мимозообразную душу. Но тутъ, у Омулевскаго... Тутъ мы просто-на-просто не замѣчаемъ этихъ «прозаизмовъ»: намъ не до нихъ. Мы видимъ только, какъ нѣкто суровый, пришедшій изъ страны «мороза и снѣговъ», нѣкто познавшій въ ней «муки за муки»—пріобщаетъ насъ къ чему-то величавому. Мы напряженно всматриваемся въ далекій образъ, а за нимъ—эта картина: цѣпи—люди, люди—цѣпи... Въ сущности, мы и не знаемъ даже, что это за «цѣпи»,—«цѣпи горъ», или... иныя,—но и въ этой недомолвкѣ оба представленія такъ неразрывно по ассоціаціи сплетаются, что цѣльный и единый возстаетъ суровый образъ—тяжкій вздохъ, рожденный средь мятелей...

И не правда ли, вы не смѣшаете вотъ этотъ образъ,— «цѣпи горъ»,—въ который такъ навязчиво вплетается ассоціація звенящихъ побрякушекъ,—съ образомъ другихъ «цѣпей», хотя бы, напр., Альпійскихъ? Ужъ не въ этомъ ли— «сибирскіе тона», «сибирскіе мотивы», «краски», «настроенія»? Не въ сочетаніи ли этомъ, «цѣпи—люди», «специфическій», «сибирскій», «мѣстный», «областническій», или какой еще—колоритъ? Какъ вы, господинъ читатель, полагаете?.

— Итакъ,—прерываетъ меня читатель,—вотъ вы уже и договорились незамѣтно до того, что въ поэзіи Омулевскаго,—совсѣмъ не въ примѣръ современнымъ намъ сибир-

скимъ поэтамъ,—сибирскія краски имѣются! Потрудитесь же отвѣтить напрямки, дѣйствительно ли это такъ, и если такъ, то—чѣмъ именно вы объясните то обстоятельство, что лѣтъ по меньшей мѣрѣ 30 и по большей 50 тому назадъ (моментъ появленія разсмотрѣннаго, напр., выше трехстишія), когда въ духовномъ отношеніи Сибирь была значительно моложе, когда количество духовныхъ цѣнностей накопленныхъ было значительно меньше и культурный провинціализмъ этимъ самымъ давалъ себя чувствовать несравненно острѣе,—почему именно въ то время возможно было появленіе поэта съ такимъ сильнымъ чутьемъ «сибирскаго», какъ это, видимо, у Омулевскаго? Вѣдь, не отдѣлаетесь же вы ничего не говорящей отпиской, что это, моль, дѣло таланта?—ибо въ талантливости нѣкоторымъ изъ современныхъ намъ сибирскихъ поэтовъ вы не сможете отказать и сейчасъ.

На первый вашъ вопросъ, любезный читатель, отвѣчу напрямки: да, сибирскій колоритъ въ поэзіи И. В. Оедорова-Омулевскаго имѣется, что и я постараюсь показать сейчасъ. Отвѣтъ же на второй вашъ вопросъ отчасти намѣтится въ самомъ ходѣ изложенія, яснѣе же опредѣлится изъ выводовъ.

У Омулевскаго,—помимо вкрапленнаго въ прочія произведенія и совершенно не касаясь прозы,—есть прямой отдѣлъ стихотвореній, озаглавленный: «Сибирскіе мотивы» (23—24 стихотворенія). На немъ то, какъ наиболѣе выпукломъ, и слѣдуетъ остановиться по преимуществу. Особенно характерными въ интересующемъ насъ отношеніи и, въ то же время, наиболѣе удачными въ отношеніи вообще эстетическомъ являются, напр., такія строфы:

«Близъ границъ Монголіи»—дорожный набросокъ.

Ѣду я... Саянскіе хребты
Тѣшатъ глазъ мой вѣчными снѣгами.
Я дремлю. О родинѣ мечты
Золотыми кажутся мнѣ снами.

Чу!.. монголъ... Луна глядитъ съ небесъ,
Какъ онъ палъ предъ чѣмъ-то на колѣни...
А къ нему чудесный темный лѣсъ
Протянулъ причудливыя тѣни.

Сонъ пропалъ. Но грезы все растутъ,
Словно тѣ сѣдые великаны,
Что стоятъ на стражѣ вѣчной тутъ,
Въ голубые кутаясь туманы...

Мнѣ сдается: родина моя
Черезъ нихъ гигантскими шагами
Перешла и смотритъ на меня
Ожиданья полными очами.

И, качая грустно головой,
Будто шлетъ мнѣ молча укоризну,
Что не разъ я тамъ, въ странѣ чужой,
Забывалъ далекую отчизну...

Мнѣ не для чего, думается, комментировать это пятистишіе, отмѣчая, что именно въ немъ специфически-сибирскаго. Здѣсь, что ни абзацъ, то—свой, сибирскій, специфическій образъ: родина, какъ бы застывшая въ суровой укоризнѣ; горные хребты вдали, стоящіе на стражѣ, какъ сѣдые великаны; и затерянный въ снѣгахъ, и дремлющій и грезящій о родинѣ человѣкъ; и этотъ вотъ монголъ на колѣняхъ, съ четкостью почти скульптурной вылѣпленный на морозномъ фонѣ лунной ночи. Все это—сибирское. И люди, и природа, и настроеніе... Зимній пейзажъ... А вотъ—и лѣтній:

«Между Томскомъ и Иркутскомъ»—дорожный же набросокъ (посвященный Н. М. Ядринцеву).

Притомленная полднемъ и солнечнымъ днемъ,
Подвигаясь лѣниво впередъ,
По Сибирскому тракту съ подругой вдвоемъ
Насъ почтовая тройка везетъ.

Неотвязно за нею летя, пауты
Перламутромъ на солнцѣ блестятъ.
И налѣво цвѣты, и направо цвѣты...
Точно въѣхалъ въ запущенный садъ.

И въ восторгѣ мнѣ шепчетъ подруга моя:
«Удивителенъ край твой, поэтъ!»
Очарованный тоже, не вытерпѣлъ я
И въ минуту нарвалъ ей букетъ.

—«Да!—сказалъ я подругѣ, съ сіявшимъ лицомъ,—
Хорошо на моей сторонѣ:
Ты полюбишь ее еще *больше* потомъ,
Какъ узнаешь народъ нашъ вполнѣ.

«Еще краше, чѣмъ эти живые цвѣты,
Что растутъ на долинахъ родныхъ,
Затаилъ онъ ума и души красоты
Въ неизвѣданныхъ думахъ своихъ»...

Я умолкъ и смотрѣлъ, какъ грядами вокругъ
Шампиньоны бѣлѣлись въ травѣ.
«Удивителенъ край твой!»—нечаянно вдругъ
Промелькнуло въ моей головѣ...

А надъ тройкой усталой вились пауты,
Проносясь то впередъ, то назадъ.
И направо цвѣты, и налѣво цвѣты...
Совершенно запущенный садъ!

Я привелъ это стихотвореніе въ выдержкахъ, но и въ цитируемой части сибирскій колоритъ ощущается,—хотя и нѣсколько менѣе, нежели въ разсмотрѣнномъ выше зимнемъ эскизѣ. «Лѣтнія» краски вообще у Омулевскаго слабѣе «зимнихъ», что и понятно: «лѣтнее» для Сибири не такъ характерно, какъ «зимнее», и подмѣтить специфическія краски и тона его значительно труднѣе,—для этого нужно быть или болѣе, нежели Омулевскій, поэтомъ, т. е. больше вообще все специфическое чувствовать, или же болѣе жить «одной жизнью» съ природой, а можетъ быть—и то и другое вмѣстѣ. Но вина ли Омулевскаго, что безотрадные, угрюмые тона по преимуществу преслѣдовали его съ дѣтства, и вина ли его въ томъ, что тона эти нѣсколько ярче, нежели свѣтлые, окрасили и всю вообще его поэзію? «На дальней родинѣ моей—говоритъ поэтъ—обычный звукъ былъ звукъ цѣпей»...

Онъ рано въ душу мнѣ проникъ
И съ дѣтства въ ней будитъ привыкъ
Тоску по участи людей.

Не помню я такого дня,
Чтобъ не звучалъ онъ для меня;
Не зналъ ночей такихъ, чтобъ мнѣ
Онъ не пригрезился во снѣ.
Все такъ же явственно звенитъ.

Я ощущаю и по-днесь
Въ ушахъ болѣзненную рѣзь,
Когда доходитъ звукъ такой
До нихъ, хоть издали, порой,—
И часто вздрагиваю весь.

И я молю, чтобъ этотъ звукъ,
Глухой, какъ въ крышку гроба стукъ,
Безслѣдно замеръ поскорѣй
Для бѣдной родины моей—
Страны изгнанія и мукъ..

Я не ошибся бы, сказавъ, что этотъ-то звукъ и является доминирующимъ въ значительной части «сибирскихъ мотивовъ» Омулевскаго, какъ доминирующимъ являлся онъ нѣкогда и для самой «Сибири, какъ колоніи». Характерно, что звуки свѣтлые вообще грезятся поэту не столько у себя на родинѣ, какъ тамъ, въ далекой метрополіи, куда «неудержимо молодая жизнь» уже и тогда, во времена Омулевскаго, стремится. Прочитайте, напр., отрывокъ изъ сибирскаго, по мѣсту дѣйствія героевъ, романа «Шагъ за шагомъ» («Свѣтловъ»):—«Обѣ тройки дружно помчались (изъ Сибири въ метрополію) одна за другой, какъ будто выговаривая мѣдными язычками своихъ звонкихъ колокольчиковъ: «Тамъ-то, дальше, какъ-то лучше!» И подъ ихъ веселый говоръ неудержимо неслась впередъ молодая жизнь, пренебрегая угрозами старой»...

— «Въ Москву, въ Москву!» — такъ и чувствуется, однако, въ этой авторской «веселости»...

Прежде, чѣмъ перейти къ бытовой сторонѣ содержанія сибирской поэзіи Омулевскаго, скажу еще нѣсколько словъ о ритмѣ. Ритма оригинальнаго Омулевскій, какъ это ясно каждому, не создалъ. Можетъ быть, это потому, что и мысли исключительно оригинальной или таковыхъ же настроеній у представителя юной Сибири въ поэзіи еще не было. Ритмъ Омулевскаго — это ритмъ, въ большинствѣ, Некрасова, рѣже Лермонтова. Но не въ этомъ дѣло. Я хочу сказать, что невольное заимствованіе стихотворнаго ритма у этихъ именно поэтовъ для содержанія сибирскихъ мотивовъ Омулевскаго въ высшей степени характерно. Вѣдь, не могли бы мы представить себѣ «сибирскихъ мотивовъ», исполненныхъ въ воздушномъ темпѣ Сологуба или Фета? Но вы легко сравнительно ихъ представляете въ темпѣ типично-некрасовскомъ. То же —и относительно ритма. Нѣсколько суровый ритмъ Некрасова довольно гармонируетъ съ сибирскими природой и настроеніями, а выкованный, весь желѣзный, ритмъ творца поэмы «Мцыри», у котораго заимствовалъ въ нужныхъ случаяхъ и самъ Некрасовъ, представляется не менѣе соотвѣтствующимъ нѣкоторымъ специфическимъ особенностямъ этихъ «мотивовъ», переданнымъ, напр., въ послѣднемъ изъ цитированныхъ выше стиховъ. Ритмъ Омулевскаго — въ гармоніи съ его сибирскими напѣвами.

Проще всего, разумѣется, видѣть «сибирское» въ чисто-сибирскомъ бытѣ, и именно потому, что это проще всего и

легче, я и оставилъ разсмотрѣніе бытовой стороны содержанія поэзіи Омулевскаго на конецъ. Сибирскій бытъ у Омулевскаго переданъ довольно богато, но въ этой-то именно сторонѣ его поэзіи и есть ахиллесова пята Омулевскаго; здѣсь же, какъ увидитъ читатель, и разгадка того страннаго на первый взглядъ обстоятельства, что наиболѣе сильный относительно сибирскій колоритъ оказался у поэта, жившаго въ моментъ наименьшаго какъ разъ накопленія Сибирью идеологическихъ цѣнностей. Итакъ — каковъ же этотъ бытъ? Три большихъ стихотворенія — «Барабинская степь», «Бирюсинскій лѣсъ» и «Сибирскія святки» — опредѣляютъ его съ особенной рельефностью.

Прошу не поскучать читателя прочесть такой отрывокъ изъ дорожнаго наброска „Барабинская степь“:

...Входишь въ горницу. Пахнетъ пріятно
Лиственичнаго лѣса смолой;
Полъ лоснящійся вымытъ съ дресвой,
И особенно какъ-то опрятно

Смотрятъ голыя стѣны кругомъ.
А къ стѣнамъ прислонились рядами,
Подъ накрышкой тюменскимъ ковромъ,
Сундуки съ дорогими вещами.

Тутъ же, съ грудой подушекъ кровать
Манитъ путника пышной периной
За цвѣтистый свой пологъ старинный —
На лебяжьемъ пуху полежать.

И мигнуть не успѣешь, раздѣвшись,
Какъ накроется въ горницѣ столъ;
А хозяйская дочка, зардѣвшись,
Съ устремленными взорами въ полъ,

Разстановитъ на скатерти чистой
Угощеній обильный запасъ,—
И невольно разлакомятъ васъ
Самый видъ ихъ и паръ ихъ душистый.

И чего-то, чего-то здѣсь нѣтъ!
За обиліемъ яствъ и соленій,
Какъ сибирскаго кушанья цвѣтъ —
Подаются ржаные пельмени...

И т. д., и т. д. Въ стих. «Бирюсинскій лѣсъ» — восторженный разсказъ о дѣвственной сибирской тайгѣ и въ суще-

ности вовсе не хищныхъ, а, ей Богу, премилыхъ обитателяхъ ея, медвѣдяхъ. О стихотвореніи «Сибирскія святки» и говорить не приходится: здѣсь столько «раскатистаго смѣха», «морозной пыли», «алыхъ губокъ», «веселыхъ напѣвовъ», «сердечныхъ былей», «радушныхъ хозяекъ», «красавицъ-дочекъ», «лунныхъ ночекъ» и т. д., и т. д., что все стихотвореніе—одно «блаженство» и одна «услада». То же проникаетъ и другія бытовыя,—собственно, народно бытовыя—стихотворенія.

А на ряду съ этимъ—„въ Москву, въ Москву", «обычный съ дѣтства звукъ цѣпей» и т. п.,—однимъ словомъ, звуки, находящіеся въ злѣйшей дисгармоніи съ «ржаными пельменями». И звуки эти, какъ я уже отмѣтилъ, преобладаютъ. Невольно напрашивается заключеніе (по Омулевскому), что, если бы не этотъ докучный «звукъ цѣпей», навязанный Сибири извнѣ, то «умный, добрый» народъ сибирскій, столь радушный, столь общительный, правдивый, столь прямой и т. д., и т. д—прекрасно благоденствовалъ бы, чуждый всякой внутренней розни, и имѣлъ бы... если не «курицу въ супѣ», какъ рабочій по мечтаніямъ одного изъ добрыхъ королей французскихъ, то хоть «ржаныя пельмени» по праздникамъ, перину на «лебяжьемъ пуху», «сундуки съ дорогими вещами», «угощеній обильный запасъ» и прочее, и тому подобное Ясно, что Омулевскій является типичнымъ идилликомъ родной Сибири и народа сибирскаго. Отъ докучныхъ звуковъ, рѣжущихъ интеллигентный слухъ, онъ обращается въ поискахъ спасенія къ полу-мечтѣ, полу-дѣйствительности (того времени) о бытѣ, въ антуражѣ коего красуются неизмѣнные «ржаные пельмени». Звукъ цѣпей поэтъ пытается перекричать разсказомъ о «ржаныхъ пельменяхъ». Плохо это или хорошо—дѣло не наше: наше дѣло не судить, а понять художника.

Подобно тому, какъ Никитинъ, вольно и невольно, идеализировалъ мѣщанство и зажиточность (см., напр., поэму «Кулакъ» или стих. «Ночлегъ ямщиковъ», гдѣ смачно повѣствуется, какъ сытно кормитъ содержатель постоялаго двора: «баранина, щи, поросенокъ и гусь, лапша и свинина, и медъ на заѣдки»): подобно тому, какъ Кольцовъ отобразилъ идиллію зажиточнаго, не успѣвшаго еще дифференцироваться крестьянства, отобразилъ ее во всѣхъ проявленіяхъ, не исключая и «ржаныхъ пельменей» своего рода (см. напр., «Ворота тесовы» и мног. друг.),—точно также и первый, говоря относительно, сибирскій поэтъ выступаетъ передъ нами.

какъ апологетъ сибирскаго народа, сибирскаго быта, просто — наконецъ — «сибиряка». Вотъ, напр., портретъ послѣдняго, по Омулевскому:

Смѣлость, смѣтливость, повадка
Рыскать по странѣ,
Чистоплотность, умъ, приглядка
Къ новой сторонѣ;

Горделивость, мысли здравость,
Юморъ, жажда правъ,
Добродушная лукавость,
Развеселый нравъ;

Политичность дипломата
Въ рѣчи при чужомъ,
Откровенность, вольность брата
Съ истымъ землякомъ;

Страсть отпѣтая къ природѣ —
Отъ степей до горъ,
Духъ, стремящійся къ свободѣ,
Любящій просторъ;

Поискъ дѣла, жажда свѣта,
Юной жизни кровь,
Безъ предѣла и завѣта
Къ родинѣ любовь;

Страсть отстаивать родное,
Знать: да что? да какъ?
Стойкость, сердце золотое —
Вотъ нашъ сибирякъ!

Портретъ, какъ видите, блѣдностью красокъ не страдаетъ, походя скорѣе на застольный панегирикъ послѣ вкусныхъ «ржаныхъ пельменей», — которые, какъ извѣстно, подобно рыбѣ, также любятъ плавать, — нежели на копію съ живой реальности, — и доброму сибиряку добраго стараго времени ничего не оставалось дѣлать, глядя на этотъ «портретъ», какъ только повторять, — подобно простоватому князю въ сологубовскомъ «Ванькѣ-ключникѣ», когда его расхваливаетъ княгиня Аннушка, передъ тѣмъ какъ слюбиться съ ключникомъ: — «Да ужъ я, вѣстимо! Ужъ меня взять!..» (цѣлуются).

Нѣтъ, шутки въ сторону, читатель. Ясно, что обмолвись такими стихами — о «ржаныхъ пельменяхъ», удивительномъ радушіи и вообще о прокламированныхъ Омулевскимъ до-

блестящъ сибиряка — какой-нибудь изъ современныхъ поэтовъ, это было бы только смѣшно. Но въ томъ-то и дѣло, что во времена Омулевскаго (а жизнь Сибири, развивающаяся за послѣднія десятилѣтія чрезвычайно быстро, значительно съ тѣхъ поръ измѣнилась) были на-лицо въ дѣйствительности Сибири тѣ реальныя предпосылки, которыя привели поэта къ его буколически-примитивному, но все же жизненному и совершенно понятному для того времени, творчеству.

Сибирь того времени представляется страною съ довольно отличнымъ отъ современнаго жизненнымъ, а слѣдовательно и духовнымъ укладомъ. Юная страна, только что начавшая тогда выходить на арену исторіи, переживала стадію развитія, которую лучше бы всего характеризовать, какъ періодъ патріархально-хищническій. Отсутствіе сколько нибудь замѣтной дифференціаціи въ крестьянствѣ; полное незнаніе одной изъ злѣйшихъ современныхъ намъ болѣзней — розни между старожильческимъ населеніемъ и новоселами; хозяйство, еле выходившее изъ пеленокъ натуральнаго; хищническая эксплуатація природныхъ богатствъ Сибири — главнымъ образомъ золотоносныхъ источниковъ и пушнины; самая организація этихъ промысловъ, неожиданно возносившая вчерашняго голыша на высоту матеріальнаго благополучія и столь же неожиданно свергавшая случайнаго богача съ пьедестала; совершенно хищническое отношеніе къ наглю обманываемому, спаиваемому и всячески развращаемому инородцу, этому рабу и дикарю одновременно; составъ, наконецъ, такъ называемаго «коренного» населенія Сибири и живая связь его съ традиціями ссыльно-каторжнаго міра: очевидная силоченность демократіи, въ противовѣсъ чисто кастовому силоченію чиновничества,—все это наложило на сибиряка того періода печать высоко-колоритную, создавъ дѣйствительно портретъ оригинальный, рѣзко отличный отъ россіянина, и — что очень важно — въ высшей степени цѣльный и выпуклый.

Духовныя цѣнности, накопленныя и усвоенныя этимъ сибирякомъ,—и что вольнолюбиво-патріархально-хищническое одновременно,—были чрезвычайно примитивны, это вѣрно. Но усвоены онѣ, эти цѣнности, были основательно, держались крѣпко и — что главное — невольно напрашивались на фиксацію. И было бы странно, если бы вышедшій изъ Сибири того времени поэтъ не зафиксировалъ этихъ несложныхъ сравнительно цѣнностей, не создалъ въ своемъ творчествѣ мотивовъ, на которыхъ яркій отпечатокъ «сибирскаго».

Прибавьте сюда еще вліяніе на такого поэта доминировавшихъ въ русскомъ обществѣ 60-тыхъ—70-тыхъ годовъ народолюбивыхъ идей, прибавьте неотразимое вліяніе Некрасова, съ его суровымъ, но и страстно-притягательнымъ обликомъ пѣвца-гражданина,—а изъ послѣдняго сибирскій поэтъ черпалъ не только ритмъ, но и цѣлыя фразы, доходя до довольно безвкусной порой напряженности подъ Некрасова,—и вы поймете очень сложный на первый взглядъ источникъ сибирскихъ мотивовъ у Омулевскаго: и суровость его красокъ тамъ, гдѣ поэтъ соприкасается съ суровой природой или подкандальнымъ міромъ, и излишнюю идиллическую его при описаніи души и быта народа сибирскаго. Цѣльность идеологіи того періода породила и поэта колоритнаго и цѣльнаго, съ огромнымъ интересомъ ко всему родному, ко всему народному,—всему сибирскому.

Сибирь родимая! повсюду и всегда
Съ любовію къ тебѣ я устремляю взоры,
Несется пѣснь моя туда,
Гдѣ степи ты раскинула и горы...

Въ неизмѣримо худшемъ положеніи оказываются новѣйшіе сибирскіе поэты. Сибирь, какъ я уже говорилъ, развивалась за послѣднія десятилѣтія крайне интенсивно, и хотя не все, характерное для того періода, періода патріархально-хищническаго, нынѣ изжито, но несомнѣнно то, что новая Сибирь безмѣрно далека какъ отъ хозяйственной, такъ и психологической цѣльности Сибири старой: разсматривать ее, какъ нѣчто въ бытовомъ и идеологическомъ отношеніи единое, было бы смѣшно, ибо наивно. Старыя идеологическія цѣнности уже перестали удовлетворять своими то элементарностью, то фальшью, а новыя цѣнности еще не накопились; то же немногое, что смутно назрѣваетъ въ смыслѣ образовъ, такъ трудно поддается выявленію. Новое содержаніе требуетъ и новой формы, что еще больше затрудняетъ это выявленіе, больше отталкиваетъ отъ всего банальнаго и готоваго.

Новый сибирскій поэтъ долженъ не только осознать назрѣвшее и назрѣвающее содержаніе далекихъ отъ былого примитива новыхъ сибирскихъ мотивовъ, но и вмѣстить ихъ въ свою душу, пропустить сквозь призму своего творческаго и, слѣдовательно, отличнаго отъ всѣхъ другихъ, «я». Онъ долженъ, далѣе, оформить это содержаніе, облечь его живою

плотью истинной поэзіи, претворить въ своихъ, сибирскихъ, ново-сибирскихъ краскахъ. Поэзія Омулевскаго охватила сибирское, но далеко не все, конечно: масса красокъ осталась неподмѣченной, невыявленной въ творчествѣ, иныя краски устарѣли и недостаточно выпукло передаютъ сибирское. Одни мотивы представляются элементарными, другіе отжившими и невѣрными. Сложность новыхъ красокъ, безконечно углубленныхъ, многогранность образовъ, безмѣрно осложненныхъ —требуютъ и формы гибкой и выразительной.

Все это явится новымъ сибирскимъ поэтамъ тогда, когда они осознаютъ свое собственное положеніе въ странѣ, сольютъ свое индивидуальное творчество съ творчествомъ коллективнымъ,—явится тогда, когда они любовно приникнутъ къ родникамъ народнымъ и къ единому питающему всѣхъ родному лону природы-матери. А это будетъ тогда, когда поэты сибирскіе научатся не фразами одними, но и дѣломъ любить свою родину, когда поймутъ и выполнятъ завѣтъ того же Омулевскаго, оставленный чуть ли не 30 лѣтъ назадъ:

Люби свою страну не той пустой любовью,
Что съ звуками рѣчей уносится, какъ дымъ,—
Ты жертвуй для нея и плотію и кровью,
Дѣлися съ ней трудомъ и разумомъ своимъ...
. . . . . .

При словѣ «родина» учили насъ вставать,
Какъ учитъ мать предъ старшими стоять
Дѣтей послушныхъ.

О, дай вамъ Богъ познать, хоть въ грезѣ вашихъ сновъ,
Такихъ же юношей и стариковъ
Великодушныхъ!

П. Чужакъ.

Изъ исторіи колонизаціи Приамурья.

(Дневникъ П. В. Бѣлокопытова).

Кто предвидитъ будущее! Я думалъ, что придется состариться въ писаряхъ, или, можетъ быть, умереть подъячимъ. А это перспектива не изъ веселыхъ. Обыкновенно писарей не увольняли на льготу, развѣ по болѣзни, или по другимъ весьма уважительнымъ причинамъ. Занятія ежедневныя и усиленныя, жалованье самое ограниченное: младшій окладъ —9 руб. и 40 к., старшій 14 руб. 1 к. въ треть; при первоначальномъ сформированіи полковъ даже и провіанта не было. Изъ мизернаго жалованья приходилось за квартиру платить 2 рубля, а остального не хватало на сапоги и одежду. Послѣ перевода бригаднаго штаба въ Чиндантъ писаря за квартиру платили до 4-хъ рублей въ мѣсяцъ. За свою безсмѣнную и трудную службу они не пользовались никакими преимуществами, [1]) да и взглядъ со стороны начальства на эту должность, по правдѣ сказать, не отличался вниманіемъ и уважительностью по сравненію со строевыми; въ служебныхъ столкновеніяхъ строевого обычно становили выше. Писаря начальство всегда считало человѣкомъ, незнающимъ службы.

На самомъ же дѣлѣ это не совсѣмъ вѣрно. Дѣло въ томъ, что за канцелярскимъ столомъ писарь не совсѣмъ забывалъ службу и при случаѣ являлся лучшимъ строевикомъ, легче понимающимъ дѣло, чѣмъ неграмотный или малограмотный.

Всѣ эти невыгоды, при томъ же разстройство здоровья, особенно глазами, вселили во мнѣ ужасное отвращеніе къ писарской обязанности; да, впрочемъ, еще задолго до писарства я уже имѣлъ сильную антипатію къ этой должности.

Безвыходное положеніе и крайнее разстройство здоровья заставили меня жаловаться въ письмахъ къ домашнимъ на свою судьбу; одинъ разъ я такъ былъ пессимистически настроенъ, что въ письмѣ къ батюшкѣ написалъ, что пошелъ бы лучше на Амуръ (туда ужъ много было командировано людей). Но собственно я вовсе не имѣлъ желанія итти на

[1]) Права и преимущества писарей утверждены съ 1862 г.

Амуръ, а въ письмѣ своемъ хотѣлъ только выразить крайность своего положенія; именно, что если рѣшаюсь на столь трудную командировку, и все-таки нахожу ее лучше, чѣмъ быть писаремъ, то этимъ я хотѣлъ убѣдить и понудить батюшку къ исходатайствованію перевода меня изъ писарей. Но все шло, какъ и ранѣе, и я оставался писаремъ.

О переселеніи на Амуръ казаковъ поступило уже много распоряженій. Извѣстно было, что назначеніе послѣдуетъ по жребію женатыхъ и что пріѣдетъ за этимъ полковникъ Кукель и командующій полкомъ Манухинъ, который и назначался съ переселенцами на Амуръ. Я боялся за брата своего Александра, чтобы онъ не взялъ рокового жребія.

Наступилъ октябрь 1857 года. Въ народѣ волненіе увеличилось; многіе на случай подговариваютъ замѣнышковъ, слухи передавали даже, что начальство уже близко и что нѣкоторыя лица получили на Амуръ назначеніе.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ одно прекрасное утро чрезвычайное волненіе жителей Цурухайта возвѣстило пріѣздъ Кукеля и Манухина. Въ ожиданіи какого-то весьма важнаго событія я почему-то съ сердечнымъ трепетомъ отправился ранѣе обыкновеннаго въ канцелярію. Да и было надъ чѣмъ встревожиться! Я могъ узнать о родныхъ и знакомыхъ: кто былъ счастливѣе въ жребіи.

— Здравствуйте, Прокопій Васильевичъ! — сказалъ мнѣ урядникъ Василій Якимовичъ Перебоевъ, пріѣхавшій съ Кукелемъ съ караула Кайла Сутуевскаго.

— Здравствуйте! Съ чѣмъ васъ поздравить? —сказалъ я.

— Назначенъ на Амуръ.

— Поздравляю!

— Да и васъ позвольте поздравить съ тѣмъ же!

— Какъ? Это что за новость?

У меня стукнуло сердце, какъ будто обдало холодомъ, но въ первоначальномъ пылу я еще не обдумалъ, насколько печально это извѣстіе, а только промелькнула мысль, что я теперь избавлюсь отъ канцеляріи.

— Отъ кого вы слышали, что меня назначили и почему это холостого?

— Я слышалъ это отъ человѣка Кукелева; даже полковникъ привезъ письмо къ вамъ отъ вашихъ родныхъ!

Довольно было этого извѣстія; оно слишкомъ походило на правду; я на минутку завернулъ въ канцелярію и отправился въ квартиру Кукеля, интересуясь все узнать поподробнѣе.

Скоро меня позвали.

— Вотъ, братецъ, тебѣ письмо отъ отца,—подходя ко мнѣ сказалъ полковникъ.—Твой братъ вынулъ жребій на Амуръ; не хочешь-ли ты замѣнить его? Отецъ желалъ, чтобы ты замѣнилъ его.

— Воля отца и начальства! — сказалъ я.

— Нѣтъ, собственная твоя воля нужна!

— Я не могу сейчасъ рѣшить этотъ вопросъ, позвольте подумать, Ваше Высокоблагородіе.

— Хорошо, я поѣду до Чалбучей и когда обратно пріѣду, тебя потребую.

Съ этимъ я вышелъ.

Съ нетерпѣніемъ сорвалъ я печать... Батюшка писалъ мнѣ, чтобы я замѣнилъ брата, намекнулъ на то, что я раньше хотѣлъ итти на Амуръ и что Кукель и Манухинъ обѣщались не оставлять меня на новомъ водвореніи. Теперь я вспомнилъ свое неосторожное письмо, но было поздно. При мысли о разлукѣ съ родными какъ то невольно защемило сердце.

Я скоро увидѣлъ много другихъ назначенныхъ на Амуръ, которые какъ будто были веселы и передавали другъ другу разные разсказы объ Амурѣ, какъ земномъ раѣ.

Въ страшномъ раздумьѣ провелъ я четыре дня въ ожиданіи Кукеля; наконецъ, онъ пріѣхалъ и потребовалъ меня. Теперь сердце мое сильнѣе забилось; долженъ былъ свершиться и мой жребій.

—Ну, какъ ты?—спросилъ меня ласково Кукель, когда взошелъ я въ его квартиру.

—По волѣ отца и начальства готовъ слѣдовать, но собственнаго желанія не имѣю,—отвѣчалъ я.

Онъ записалъ и болѣе не требовалъ моего желанія.

—Холостъ или женатъ хочешь идти на Амуръ?—спросилъ далѣе Кукель.

— Холостъ.

—Тебя дома женятъ,—съ улыбкою сказало начальство.

— Никакъ нѣтъ!

— Какъ же ты пойдешь холостой?—сказалъ въ это время Алек. Яков. Пѣшковъ, бывшій командиромъ сотни.

Я ничего не отвѣчалъ, а только злобно посмотрѣлъ на него...

Но Кукель, не обращая вниманія на слова Пѣшкова, спросилъ:

—Въ какой службѣ желаешь идти?

—Строевымъ, Ваше Высокоблагородіе.

— Не чуждо ли для тебя будетъ?

—Я знакомъ – отвѣчалъ я, хотя на самомъ дѣлѣ плохо зналъ фронтъ, но я надѣялся, что при одномъ практическомъ ученьи недолго повторить то, что видѣлъ на двухъ сборныхъ пунктахъ.

Кукель добавилъ, что онъ будетъ слѣдить за мной и, по прибытіи на Амуръ, выхлопочетъ видное мѣсто и что онъ нынѣ же представитъ меня въ старшіе урядники.

Послѣ этого дня два я занимался у него письменными дѣлами и въ это же время былъ исключенъ изъ бригадной канцеляріи, а на третій день простился съ Цурухаемъ.

1-е декабря. Народъ волнуется. Во всѣхъ мѣстахъ говорятъ объ Амурѣ. Нѣкоторые довольны назначеніемъ, но большая часть унылы и плачутъ; многіе состоятельные хлопочутъ замѣниться наемщиками; нѣкоторымъ уже разрѣшено.

1858 1. марта 10-го. Давно уже я лишился днемъ спокойствія, а ночью сна, но насколько можно употребляю всю твердость, чтобы скрыть все это отъ родныхъ, въ особенности отъ брата Александра. Зачѣмъ его огорчать; ему, навѣрно, и такъ не легко.

— Моя родина! Разлука!

При этихъ звукахъ лихорадочная дрожь пробѣгала по тѣлу у меня, и чѣмъ ближе время подходило къ сплавамъ, тѣмъ сильнѣе мучила меня тоска.

Въ домѣ исподоволь подготовляли для меня приданое... Постепенно я становился въ семьѣ какъ будто чужимъ и одинокимъ... Теперь я думалъ, что если-бы жена была, то съ ней раздѣлилъ бы я свои тяжелыя думы. Часто, забравшись въ уединенный уголокъ, я горько, горько плакалъ.

На Амуръ назначенъ также дядя мой урядникъ Петръ Степановичъ, но я вполнѣ предался одиночеству и не былъ расположенъ уславливаться съ нимъ о будущей неразлучной жизни. Да! Такъ трудно бываетъ человѣку безъ близкаго задушевнаго друга, съ которымъ бы можно было подѣлиться горемъ и тяжелыми думами.

21 апрѣля Слухи о скорой отправкѣ Амурцевъ подтверждаются, только неизвѣстно числа; вѣроятно, потревожатъ вдругъ: надобно быть готовымъ. Но у меня еще не изготовлены нѣкоторыя вещи: чемоданъ, сапоги и проч.—я совсѣмъ падаю духомъ и не знаю, какъ успѣю покончить. Чеботныхъ сторонихъ никого нѣтъ, а изъ домашнихъ за отсутствіемъ брата Максима никто не помогаетъ. Сегодня пріѣхали изъ Кондуя родственники проводить меня и дядю.

22 апрѣля. Получено распоряженіе о немедленномъ выступленіи Амурцевъ. Всѣ унылы и въ слезахъ. Я чаще хожу въ свой завѣтный уголъ и тамъ, тамъ на просторѣ, стараюсь залить слезами горе свое.

23 апрѣля. Сегодня отправка. День тихій и ясный, но намъ, Амурцамъ, некогда наслаждаться красотою природы. Съ ранняго утра волненіе, запрягаютъ лошадей въ возки, плачъ народа усиливается...

Вотъ сложено все и заскрипѣли колеса! Боже мой, какіе раздирающіе душу сцены во всѣхъ сторонахъ! Нужно имѣть каменное сердце, чтобы не содрогнуться и не прослезиться, смотря на это трогательное зрѣлище. Тамъ благославляетъ мать сына, сама упала ему на грудь отъ изнеможенія; рыдая, не можетъ сказать слова. Тамъ мать съ дочерью, сестра съ сестрою обнялись и не хотятъ разлучиться. Тамъ за возами по улицѣ идетъ толпа и оглашаетъ воздухъ страшнымъ какимъ-то замогильнымъ плачемъ. —Всѣ прощаются, рыдаютъ...

Терпѣніе мое тоже не выдержало: слезы заглушаютъ и я ничего не могу сказать.

Послѣ обѣда и я одѣлся по дорожному, всѣ присѣли и потомъ встали молиться Богу... О, это ужасно!

При первомъ земномъ поклонѣ вся твердость меня оставила, я зарыдалъ и всѣ рыдали. . Крѣпко, крѣпко обняли меня отецъ и мать. И вышелъ я изъ ихъ дома, какъ изгнанникъ... Дядя мой, Петръ Степановичъ, отправивъ семейство, блѣдный, ни слезинки на глазахъ, какъ тѣнь мертвеца, ходилъ, прощался съ каждымъ и, Богъ знаетъ, что онъ говорилъ всѣмъ подолгу... Не дождавшись его, мы тронулися

Доѣхавъ до Борзи, здѣсь опять стали прощаться съ родными, провожавшими насъ. Опять тѣ же сцены рыданія. Здѣсь еще разъ благословилъ меня батюшка, и я помчался безъ оглядки, чтобы ничего не видѣть.

— Можетъ быть, вы, Амурцы, слишкомъ малодушны, — скажетъ кто нибудь.—Вѣдь васъ не для тиранства переселяютъ.

На это я скажу, что насъ переселяютъ *невольно* въ страну, намъ совершенно *неизвѣстную*.

Кто знаетъ, быть можетъ, мы тамъ будемъ переносить и голодъ и холодъ, разныя болѣзни отъ перемѣны климата и разныя бѣдствія, о которыхъ пока не имѣемъ даже представленія. А разлука, разлука невольная съ родными и родиной, быть можетъ, навѣчно! При томъ же многіе здѣсь были хорошими хозяевами, жили спокойно, съ полнымъ достаткомъ, а теперь пришлось оставить домъ пустымъ, ѣхать съ малыми дѣтьми и устраиваться на ново...

24 апрѣля. Въ Хадабулакъ. Сегодня пріѣхали переселенцы изъ Цаганъ— Олуевской сотни и всѣ мы вмѣстѣ отправляемся далѣе. Возковъ набралось до 300, едва находятъ подводъ поднять всѣхъ ихъ.

Тоска страшная мучитъ. До Хадабулака провожалъ насъ добрый Алек. Михайловичъ Венедиктовъ и, прощаясь со мной и дядей, плакалъ, какъ дитя; мы тоже. Опять тяжело, опять сердце рвется на части и ноетъ, какъ то больно. И такъ мы вырвались изъ объятій его и, какъ безумные, пустились бѣжать. А онъ! Онъ стоялъ долго, долго на одномъ мѣстѣ, утиралъ слезы, которые градомъ катились и падали на его большіе усы.

— Прощай, прощай, добрый нашъ Алексѣй Михайловичъ,— вскричалъ я какъ то дико; стегнулъ коня, будто онъ виноватъ и пустился вскачь сильнѣе прежняго.

Скоро я догналъ возки.

25 апр. ночуемъ у ключа, называемаго *комарнымъ*. Дѣти плачутъ, и зовутъ домой. Бѣдныя дѣти! Отсюда насъ повезутъ буряты. Они бѣгаютъ, собираютъ лошадей и верблюдовъ. Переселенцы идутъ подъ распоряженіемъ Саввы Андреевича Энова.

11 мая. Съ перваго числа этого мѣсяца мы живемъ въ Бянкиной. Сегодня на берегу Шилки возлѣ нашихъ возковъ былъ общій молебенъ о благополучномъ плаваніи. Протоіерей Сухановъ говорилъ трогательную рѣчь о перенесеніи

трудовъ съ христіанской терпѣливостію, и роздалъ кресты, подаренные Амурцамъ отъ преосвященнаго Евсевія. Полковникъ Кукель расписалъ переселенцевъ, кто въ какую сотню долженъ заселиться на Амурѣ. Ключевскіе всѣ записаны по желанію въ одну сотню, кромѣ тѣхъ, у которыхъ уже есть родственники на Амурѣ. Завтра отправляемся въ путь. Здѣсь во время стоянки я былъ выбранъ отъ всѣхъ Амурцевъ вродѣ депутата при торговлѣ товарами: слѣдить за правильностью цѣнъ по таксѣ.

12 мая. Суета и крикъ на паромахъ. Большая часть переселенцевъ не бывали на суднахъ и не знаютъ, какъ направить поромъ на фарватеръ.—Впрочемъ, это не велика бѣда; дальный путь научитъ.—Въ нашемъ рейсѣ до 45 паромовъ, но не всѣ причалились удачно на ночлегъ; много растерялось по мелямъ, а поработать пришлось порядкомъ.

13 мая. Обмелѣвшіе паромы сегодня сняли народомъ и опять плывемъ.

14 мая. Сегодня я подвергался опасности и едва не лишился жизни. Подплывая къ Стрѣтенску, я вышелъ съ шестомъ на край своего парома, чтобы онъ при быстромъ расходѣ не ударилъ въ другой паромъ, стоящій на причалѣ у берега и не оборвалъ бы его; но только лишь я оперся шестомъ о береговой паромъ, какъ ноги мои скользнули, и я упалъ въ воду и моментально оказался подъ паромомъ. Теперь спасти меня не было возможности. Очевидцы моего паденія оробѣли и не сообразили, что нужно предпринять для моего спасенія. Слѣдовало бы имъ отурить (повернуть другимъ концомъ) паромъ, тогда бы я оказался на верхней его сторонѣ и меня не стало бы затягивать подъ паромъ. Понятное дѣло, никто не догадался сдѣлать этого. Однако, великое счастіе мое было, что при паденіи какимъ-то образомъ (я не помню) ухватился за роняку (жердь, которая вбивается на паромѣ въ кольца, посредствомъ чего и скрѣпляется) и держался крѣпко; тутъ же держали мою руку бывшіе на паромѣ, но вытащить изъ подъ парома не было возможности. Въ такомъ критическомъ положеніи я доплылъ до мелкаго мѣста, гдѣ уперся ногами на дно рѣки и вынырнулъ изъ подъ парома.

Чему приписать этотъ случай, спасшій меня отъ вѣрной и ужасной гибели?

Помощи Божіей и родительскому благословенію, которое, говорятъ, на водѣ не тонетъ! Умѣньемъ же плавать я не

могу похвалиться, да къ тому же, когда плылъ до мелкаго мѣста, было не мало времени: легко могъ захлебнуться водою; наконецъ, какъ при столь быстромъ паденіи я могъ ухватиться за ронжу!

Іюня 1-е. Мы проплыли верховье Амура. Переселившіяся изъ Горбичинской и Усть-Стрѣлочной сотни казаки много поставили приплавленныхъ своихъ домиковъ и пашутъ пашни. У нихъ дѣятельность кипитъ, потому что перемѣщаться имъ пришлось недалеко, съ климатомъ свычны, а кромѣ того, они сплавили весь свой скотъ и работаетъ здѣсь каждый на себя. Но что всего важнѣе было, такъ это то, что они всѣ сами охотно пожелали переселиться сюда, занять обширныя мѣста, гдѣ можно было заняться земледѣліемъ въ болѣе широкомъ размѣрѣ, чѣмъ на прежнихъ своихъ мѣстахъ, весьма стѣсненныхъ, не лишаясь при томъ звѣринаго и рыбнаго промысловъ, къ которымъ они привычны.

Но вотъ, проплывъ ихъ станички, я для сдачи нѣкоторыхъ семействъ остановился въ поселеніи, принадлежащемъ Кумарской сотнѣ.—Бѣднѣйшая станичка! Это переселенцы съ Онона, въ большинствѣ, холостые, [1]) заплавленные ранѣе; большая часть болѣетъ лихорадкой; лошади сухи и весьма немного ихъ. Подводная гоньба, какъ они сказываютъ, не даетъ покою.—Провизіи у казаковъ весьма скудно; не видно пашенъ и даже одинъ только небольшой огородикъ. Дворовъ также мало и болѣе къ дому никакихъ пристроекъ нѣтъ. Плохая жизнь!

Іюня 10-е. Много изъ нашего рейса на пути оставлено для заселенія, а мы все плывемъ, вѣрно, далеко наше новое мѣстечко. Вотъ уже лѣто, скорѣе хочется взяться за дѣло, а тутъ не знаемъ, когда доберемся до новой родины; плыть уже наскучило, да и нелегко: каждый день—то вѣтеръ, то мели, ни на часъ не отходи отъ весла, все греби изо всѣхъ силъ; руки сдѣлались, какъ грабли, не разгибаются, а ладони съ кровяными мозолями. Къ тому же, еще дождь окачиваетъ чуть не каждый день, зальетъ огонь и насидишься голодомъ и холодомъ; при всемъ этомъ, еще почти каждый день приходится снимать съ мелей паромы.—Ужасно!

Я не могу описать всѣхъ трудовъ и неудобствъ, которые пришлось перетерпѣть на паромахъ, особенно когда семействамъ съ малолѣтними дѣтьми приходилось плыть поздно вечеромъ,

[1]) Впослѣдствіи холостые казаки возвращены въ Забайкалье.

когда ничего не видно, а также и въ туманы,—вѣдь насъ понуждаютъ.

Благовѣщенскъ.

Вотъ и Благовѣщенскъ! Мой паромъ отсталъ отъ рейса, потому я приплылъ послѣ другихъ и, какъ на зло, когда я подплывалъ къ пристани, подулъ съ лѣвой стороны вѣтерокъ и погналъ паромъ на правый берегъ. Начальникъ рейса послалъ 6 человѣкъ казаковъ и лишь съ трудомъ уже далеко за городомъ мы причалили.

Домовъ въ городѣ немного, но зато заложенныхъ масса. Стукъ оглушительный и народу на строющихся домахъ, какъ галокъ. По берегу вездѣ лѣсъ и толпами народъ вытаскиваетъ изъ воды бревна, крикъ, бѣготня—такая суматоха, что ничего не поймешь.

Во время стоянки въ городѣ я занимался дѣлами, а Петръ Степ. принималъ на доставку переселенцамъ нашимъ разныя хозяйственныя принадлежности и земледѣльческія орудія. Здѣсь померла у него дочь. На паромѣ ни одного мужчины, да и въ самомъ городѣ не сыщешь человѣка выкопать могилку: всѣ заняты. Какая тяжелая картина: бѣдная мать, безутѣшно плачущая о смерти своего милаго ребенка, сама убираетъ его, ищетъ гробокопателя и ни откуда поддержки... Отецъ... онъ занятъ службою, его не пускаютъ не то, что похоронить, но даже пріискать могильщика. Тутъ невольно подумаешь, что здѣсь, какъ въ ссылкѣ, живутъ, никому нѣтъ дѣла до другого и никакого человѣколюбія, а только, знай себѣ, дѣлай, что прикажутъ, живо и, куда пошлютъ, иди бѣгомъ. Дай, Богъ, чтобы Амуръ процвѣталъ такъ же скоро, какъ скоро велятъ дѣлать. Ну, а все-таки не веселитъ меня вся эта спѣшность. Я на все здѣсь смотрю съ какимъ то опасеніемъ. Начальники кричатъ, топаютъ ногами или грозятъ палкою; казаки и солдаты, какъ угорѣлые, мечутся изъ стороны въ сторону, а посмотришь повнимательнѣе и увидишь, что работы то исполняются еще медленнѣе, чѣмъ бы онѣ могли сдѣлаться при меньшей строгости, меньшей бѣготнѣ, но съ вѣрнымъ расчетомъ. А то вѣдь бѣдныхъ тружениковъ перегоняютъ, какъ скотъ, съ мѣста на мѣсто: заставляютъ то дѣлать и лишь только возьмутся, ихъ гонятъ для другой надобности: тамъ, говорятъ, скорѣе нужно... Другіе въ лодкѣ съ изорванными рубашками, обнаженными плечами отъ носки кулей, съ мокрыми подштанниками отъ

выкатки изъ воды бревенъ быстро снуютъ повсюду и, хотя на лицахъ ихъ выражается какая то горькая покорность, но въ сердцѣ... Тамъ зло и проклятіе!

Долго вечеромъ я стоялъ у квартиры и смотрѣлъ непривычнымъ глазомъ на мрачную картину. Было совсѣмъ темно: крики, смѣшанные то съ бранью, то съ понуканьемъ, еще раздавались; наконецъ, все смолкло, и только плескъ воды нарушалъ ночную тишину...

Далеко было за полночь, я все еще не спалъ; видѣнное мною тревожитъ, я все перебиралъ въ своихъ мысляхъ съ тѣхъ поръ, какъ могъ помнить. Вспомнилъ, какъ меня начали учить грамотѣ, какъ отвозили въ училище, и думалъ, къ чему все это привело меня и будутъ ли въ жизни моей отрадные дни. Мнѣ жалко было дядю, тетку, жалко бѣдныхъ здѣшнихъ переселенцевъ. Когда то этотъ городъ устроится, когда то будутъ люди жить въ немъ спокойно и что то будетъ съ нами, когда доплывемъ до мѣста; ужели та же суета будетъ и у насъ?!.

Голова у меня горѣла, какъ въ огнѣ, чувствовалось, что начинаетъ трепать лихорадка...

11-е іюня. Меня сговаривалъ Муромовъ Левъ Матвѣичъ (казачій офицеръ) остаться на жительство въ городѣ, и хотѣлъ объ этомъ просить Генералъ-Губернатора, но я не согласился, во первыхъ, потому, что не хочется разлучаться съ дядей, а во вторыхъ, не вижу никакой пользы; при томъ же, видѣнное мною вчера страшно опротивѣло, и слава Богу, что мы скоро кончили дѣла и плывемъ далѣе.

13-е число. Поздно вечеромъ доплыли мы до мѣстечка, гдѣ предполагается быть нашему сотенному штабу. Тутъ квартируетъ сотенный командиръ сотникъ Чеснокъ, которому и сдаетъ всѣхъ насъ Савва Андреичъ, начальникъ рейса. Переселенцевъ здѣсь семей до 25-ти; всѣ они проживаютъ въ баракахъ, построенныхъ изъ тальничьихъ прутьевъ и покрытыхъ сѣномъ; точь въ точь, какъ у насъ въ Забайкальѣ, многіе дѣлаютъ для скота загоны (стан).

Много тутъ увидѣлъ я знакомыхъ, въ числѣ которыхъ Ивана Патр. Бакшеева, замѣнщика зятя моего Иннокентія. Бакшеевъ имѣетъ видъ немного важный; вѣроятно, пользуется расположеніемъ командира, а Марья Васильевна, супруга его, даже довольно кокетливо наряжается каждый день, особенно часто моется по близости рѣки.

Сотенный командиръ обошелся съ нами, хотя и не сурово, но невнимательно,— какъ хозяинъ, которому не совсѣмъ пріятны гости. Онъ, какъ видно, человѣкъ весьма торопливый и заботливый; другихъ особенностей въ его характерѣ замѣтить было некогда.

Здѣсь тоже суета, но по малолюдству не такъ, какъ въ городѣ. Однако видно, что и здѣсь считаютъ каждый шагъ казака.

Насъ отправляютъ еще ниже. Здѣшняя станичка еще не имѣетъ никакого названія. [1]) Мѣстоположеніе, смотрѣть съ берега, живописное, но насколько удобно, не знаю. Здѣшніе переселенцы засѣяли гречу и обрабатываютъ огороды.

14-е число. Савва Андреичъ и я не спали ночь, изготовляли дѣла и утромъ, по сдачѣ въ село, я съ нимъ простился. Неохотно остаюсь безъ него. На чужбинѣ какъ-то скоро и крѣпко свыкаешься, и разлука бываетъ чувствительнѣе; притомъ же, онъ возвращается назадъ и, хотя будетъ жить на Амурѣ, но все таки ближе къ родному Забайкалью. Да, къ родному! При каждомъ воспоминаніи объ немъ вся кровь во мнѣ кипитъ и лихорадочная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, когда вспомнишь объ Амурѣ... Долго я стоялъ на паромѣ, углубившись въ свои мрачныя думы, какъ вдругъ отдалось съ берега:

— Отчаливай!

Всѣ взялись за весла и поплыли.

Намъ объявили, что это послѣдній переходъ, потому всѣ жадно смотрѣли на берега, любопытствуя узнать мѣсто своего поселенія. Скоро изъ за крутого поворота показалась топографическая веха, возвѣстившая близость нашего пути.

Было не рано, когда мы причалились къ своему берегу. Сегодня работъ никакихъ не производилось и мы почуемъ на паромахъ.

(Окончаніе будетъ).

[1]) Впослѣдствіи названа Поярковой.

Пословицы и поговорки сибирскихъ евреевъ.

(Окончаніе[1]*)*

36.

Фунъ афуле млохесъ изъ нито кинъ брохесъ. Отъ разныхъ занятій нытъ прибытка (удачи).

И дѣйствительно, берущіеся за разныя дѣла, бросающіеся отъ одного дѣла къ другому, переходящіе съ одного занятія на другое терпятъ въ большинствѣ случаевъ неудачи и часто матеріально сильно бѣдствуютъ. По русски: за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

Объяснилъ мнѣ причину подобной истины житель г. Новогрудка, минской губерніи, одинъ замѣчательный „всезнайка", покойный Хайкель „деръ Шрайберъ", занимавшійся разными работами, дѣлами и порученіями и все-таки сильно бѣдствовавшій, слѣдующею народною шуткою.

Господь посылаетъ на землю ангела, завѣдывающаго „нариосе" (доставленіемъ людямъ средствъ къ жизни,) дать заработокъ, примѣрно, писцу Хайкелю Шрейберу. Вотъ ангелъ спрашиваетъ прохожихъ, гдѣ живетъ такой-то писецъ Хайкель. Мѣстные жители отвѣчаютъ ангелу, что они такого не знаютъ, у нихъ есть какой-то Хайкель, но онъ по профессіи своей маляръ, а не писецъ. Теперь ангелъ ищетъ уже Хайкеля—маляра. На этотъ разъ ему отвѣчаютъ, что такого то у нихъ нѣтъ, а есть какой-то Хайкель—рѣзчикъ. Ищетъ далѣе ангелъ Хайкеля—рѣзчика; оказывается, мѣстные жители такого мало знаютъ и указываютъ на Хайкеля—кагальнаго служку. Что за притча!—думаетъ ангелъ и возвращается къ Господу Богу и докладываетъ ему, что такого то Хайкеля онъ не могъ найти.

И такъ бѣдный Хайкель такъ и остается безъ „нариосе" и бѣдствуетъ всю жизнь.

---

[1]) См. №№ 4 и 5 „Сиб. Архива" за прошлый годъ.

37.

Мкаемъ зайнъ алле драй мицвесъ фаръ эйнъ молъ. Исполнять всѣ три „богоугодныя дѣла“ за одинъ разъ, а именно: „гахносасъ ойрохимъ, бикуръ хойлимъ и галвоасъ га-месъ“, т. е. „странноприимство“, „уходъ за больными“ и „провожаніе покойниковъ“.

Такъ въ Сибири выражаются мѣстные евреи[1]) о тѣхъ благочестивыхъ, но недалекихъ хозяйкахъ, которыя отличаются рѣдкимъ гостепріимствомъ, но въ то же время угощаютъ своихъ гостей подчасъ не совсѣмъ свѣжею пищею—„съ запашкомъ“.

Отъ подобнаго гостепріимства можетъ послѣдовать желудочное разстройство, чѣмъ и представится случай благочестивой душѣ исполнить богоугодное дѣло (мицво) ухаживать за больными, а затѣмъ, пожалуй, наступитъ и смерть (погребеніе мертвыхъ.)

Вотъ вамъ и случай имѣть возможность исполнять всѣ три богоугодныя дѣла заразъ.

38.

Подолянъ изъ эйхъ а мдине. Подолія—тоже страна.

Смыслъ пословицы: и мы что-нибудь да значимъ; и мы не послѣдняя спица въ колесницѣ: напрасно вы насъ третируете, ни во что не ставите.

Въ этой поговоркѣ слышатся отзвуки времени такъ называемаго „Союза или синода четырехъ странъ“ (16-го и 17-го стол.), когда еврейскія общины Великой и Малой Польши, Литвы и Руси (т. е Волыни, Подоліи и Галиціи, или Червонной Руси) составляли одинъ общинный союзъ. По всей вѣроятности, Подолія до входа ея въ союзъ („Ваадъ“) была въ загонѣ.

39.

Нитъ эйбигъ лебтъ менъ дохъ. Не вѣчно же живетъ человѣкъ.

Этою поговоркою характеризуютъ безалаберность и запутанность дѣлъ „подрядчиковъ“, занимающихся поставками на казенныхъ подрядахъ.

1) Сообщилъ въ г. Иркутскѣ Як. Д. Фризеръ въ 1910 г.

Иллюстрируютъ эту поговорку слѣдующимъ характернымъ анекдотомъ. Одинъ „подрядчикъ“ по обыкновенію, съ запутаными дѣлами объясняетъ своему знакомому, какъ онъ выходитъ сухимъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ при своихъ дѣлахъ. Задаточными деньгами „новаго подряда“ выполняетъ онъ старый; потомъ же задаточными деньгами новаго третьяго подряда онъ выполняетъ второй, и т. д., и такъ вертится подрядческое колесо.

—Но что же будетъ все-таки въ концѣ концовъ? — спрашиваетъ недоумѣвающій знакомый.

На это послѣдовалъ отвѣтъ подрядчика:

—Не вѣчно же живетъ, наконецъ, человѣкъ.

Смерть положитъ конецъ всякой неустойкѣ и неаккуратности со стороны подрядчика[1]).

Г. Иркутскъ.

С. Бейлинъ.

Документы о Ф. М. Достоевскомъ.

Секретно.

I.

1856 года ноября 20 дня вторникъ въ присутствіи семипалатинскаго областного правленія присутствующіе прибыли:

Г.г.

За предсѣдателя совѣтникъ коллежскій совѣтникъ Андрей Игнатьевичъ Чеусовъ.

Совѣтники:

Коллежскій совѣтникъ Дмитрій Яковлевичъ Милосавожковъ.
Надворный совѣтникъ Николай Алексѣевичъ Абрамовъ.

По канцеляріи слушали:

1. **Рапортъ** семипалатинской городской полиціи, отъ 15 сего ноября за № 55, коимъ, по необъясненіи въ указѣ сего правленія, отъ 13 сего ноября за № 620, причины, по которой ей онымъ дано знать, о продолженіи секретнаго

1) Сообщилъ въ г. Иркутскѣ г. И. И. Б. Машевицкій и И. М. Файнбергъ.

надзора за прапорщикомъ сибирскаго линейнаго № 7 баталіона, Достоевскимъ; такъ какъ до производства Достоевскаго въ настоящій чинъ, онъ состоялъ подъ надзоромъ военнаго начальства,—просить разрѣшенія: какое со стороны полиціи требуется по оному исполненіе,—**и справку**, по коей оказалось: указъ областного правленія, отъ 13 сего ноября за № 626, семипалатинской городской полиціи послѣдовалъ вслѣдствіе предложенія г. управляющаго семипалатинскою областью, отъ 10 сего ноября за № 85, коимъ его высокоблагородіе увѣдомилъ областное правленіе, для надлежащаго съ его стороны распоряженія, что Государь Императоръ, во вниманіе къ засвидѣтельствованію г. корпуснаго командира, **о чистосердечномъ раскаяніи унтеръ-офицера сибирскаго линейнаго № 7 баталіона, Достоевскаго, въ сдѣланномъ имъ преступленіи и перемѣнѣ имъ образа мыслей**.—Высочайше повелѣть соизволилъ: произвесть Достоевскаго **въ прапорщики**, съ оставленіемъ на службѣ въ томъ же баталіонѣ и **съ продолженіемъ за нимъ секретнаго надзора впредь до совершеннаго удостовѣренія въ его благонадежности**. О чемъ вышеупомянутымъ указомъ за № 620 областного правленія дано было знать семипалатинской городской полиціи и того жъ 13 числа за № 621 сообщено г. командиру сибирскаго линейнаго № 7 баталіона о присылкѣ въ сіе правленіе по препровожденной при томъ къ нему формѣ вѣдомости о г. Достоевскомъ за сей 1856 годъ, которая въ семъ правленіи и получена 17 сего ноября. **Приказали**: Въ разрѣшеніе настоящаго рапорта семипалатинской городской полиціи за № 55 дать ей знать, съ отсылкой въ копіи означенной въ справкѣ вѣдомости, о прапорщикѣ Достоевскомъ, чтобы **она, не стѣсняясь имѣемымъ со стороны военнаго начальства за нимъ надзоромъ, имѣла и со своей стороны въ городѣ за нимъ надзоръ и представляла въ узаконенный срокъ объ немъ, въ числѣ прочихъ политическихъ преступниковъ, вѣдомость по установленной формѣ**. Переписку же эту пріобщить къ дѣлу по сему предмету.

Андрей Чеусовъ.
Д. Милосапожковъ.
Н. Абрамовъ.
Секретарь (неразборчиво).

II.

Настоящій документъ относится къ 1856 году и заимствованъ, какъ и предыдущій, изъ дѣлъ семипалатинскаго областного правленія.

Секретно.

Слушали предложеніе г. управляющаго семипалатинскою областью, отъ 10 сего ноября за № 85, коимъ для надлежащаго со стороны областного правленія распоряженія увѣдомляетъ, что г. начальникъ штаба отдѣльнаго сибирскаго корпуса, отъ 19 минувшаго октября за № 6692, увѣдомилъ его, что Государь Императоръ, во вниманіе къ засвидѣтельствованію г. корпуснаго командира о чистосердечномъ раскаяніи унтеръ-офицера сибирскаго линейнаго № 7 баталіона, Достоевскаго, въ сдѣланномъ имъ преступленіи и перемѣнѣ имъ образа мыслей Высочайше повелѣть соизволилъ: произвесть Достоевскаго въ прапорщики, съ оставленіемъ на службѣ въ томъ же баталіонѣ и съ продолженіемъ за нимъ секретнаго надзора впредь до совершеннаго удостовѣренія въ его благонадежности. Приказали: о содержаніи настоящаго предложенія дать знать семипалатинской городской полиціи, а командира сибирскаго линейнаго № 7 баталіона просить на означеннаго въ оном прапорщика Достоевскаго доставить въ сіе правленіе въ сколь возможно скорѣйшемъ времени по установленной формѣ вѣдомость; при чемъ препроводить къ нему и форму той вѣдомости. Переписку же эту пріобщить къ дѣлу по сему предмету.

Андрей Чеусовъ.
Д. Милосапожковъ.
Н. Абрамовъ.
Секретарь (неразборчиво)

НЕБЕСНЫЙ ЖИТЕЛЬ.

(Разсказъ изъ сибирской жизни).

Зимою, въ 189... году, мнѣ пришлось ѣхать на лошадяхъ по такъ называемому Московскому тракту, т. е. по которому до проведенія желѣзной дороги доставлялись въ Сибирь всѣ товары, купленные мѣстными торговцами въ Москвѣ и Нижнемъ. Теперь этотъ трактъ потерялъ былое значеніе и о немъ почти-что забыли, лишь только жители когда-то богатыхъ притрактовыхъ селъ съ глубокимъ сожалѣніемъ поминаютъ прошедшее время, когда жизнь у нихъ кипѣла ключемъ, въ видѣ тысячъ возовъ, двигавшихся въ Иркутскъ съ товарами, а въ Нижній съ чаями; движеніе это давало хорошій доходъ притрактовому жителю. Нужно замѣтить, что крестьяне, жившіе по тракту, въ то, по ихъ понятіямъ, благодатное время хлѣбопашествомъ занимались въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, да и то не всѣ, а жили большею частью, выражаясь по мѣстному, *бичикомъ*, т. е. занимались дворней; поили ямщиковъ чаемъ, продавали для кормежки лошадей овесъ и сѣно, а нѣкоторые занимались *дорожнымъ промысломъ*, который состоялъ въ томъ, что «дорожные промышленники» срѣзали съ возовъ товаръ у проходящихъ ямщиковъ, а иногда угоняли лошадей съ цѣлыми возами этихъ товаровъ.

Бывало, въ длинныя зимнія ночи уставшій ямщикъ заснетъ на возу, сладко мечтая о томъ, какъ онъ пріѣдетъ домой, какъ его встрѣтятъ жена и его любимецъ карапузикъ Гришутка, которому онъ везетъ въ гостинцы разныхъ сладостей... Но въ это время раздается крикъ, отъ котораго ямщикъ, просыпаясь, не можетъ сразу сообразить, что такое случилось... Оказывается: у одного ямщика срѣзали мѣсто и весь обозъ столпился; начали судить и рядить, кто это сдѣлалъ и какъ розыскать похищенное. Шуму всегда было много, и все безъ толку. Дѣло въ томъ, что придорожные промышленники, въ ожиданіи обозовъ, лежа на раскатахъ въ снѣгу, прикрывались сверху бѣлыми простынями; когда же равнялся съ ними обозъ, они ухитрялись срѣзать мѣста сваливать ихъ въ снѣгъ и накрывать запасными простынями. И, бывало, сколько ни смотрятъ ямщики по сторонамъ до-

роги, но глазамъ ихъ представляется одинъ бѣлый снѣжный покровъ.

По уходѣ обоза, изъ близъ лежащаго лѣса выѣзжаетъ человѣкъ въ кошевкѣ, запряженной парою лихихъ лошадей, забравъ срѣзанное мѣсто и товарища, онъ полною рысью обгоняетъ обозъ, торопясь скрыть добычу въ селѣ.

Часто случалось, что ямщики останавливались у того самаго дворника, который срѣзалъ у нихъ мѣсто, и нужно было видѣть, съ какимъ участіемъ этотъ дворникъ относился къ постигшему ямщиковъ несчастью, проклиная мошенниковъ, которые разоряютъ бѣдныхъ людей. Были и такіе, которые не стаей воронов слетались караулить почту, или запоздавшихъ проѣзжающихъ: о дѣятельности ихъ свидѣтельствуетъ та масса черныхъ крестовъ, которые и по днесь стоятъ на Московскомъ тракту.

Да, много драмъ и трагедій происходило здѣсь, и не одна сотня людей покончили здѣсь разсчеты съ жизнію, а слезъто, слезъ-то сколько! Это цѣлое море, пролитое сиротами и разорившимися ямщиками.

Вечерѣло; поднимался сиверко, а до близъ лежащаго села Т. оставалось верстъ пять; мой ямщикъ, молодой парень лѣтъ двадцати двухъ-трехъ, геркулесовскаго сложенія, съ краснымъ чисто русскимъ лицомъ, обернувшись, спросилъ меня, тряхнувъ при этомъ русыми кудрями.

— А што, баринъ, ночевать, поди, будете?

— Нѣтъ, дальше поѣду,—отвѣтилъ я.

— Ночуй лучше, баринъ, а то погода разыграется, да и дорога-то до слѣдующей станціи шибко ужъ неспокойна.

— Почему же? Развѣ пошаливаютъ?—спросилъ я.

— Да, на прошлой недѣлѣ четверыхъ убили.

При такомъ отвѣтѣ мнѣ, признаться, очень жутко сдѣлалось и я рѣшилъ заночевать.

— Послушай, голубчикъ,—обратился я къ ямщику,—да вѣдь у меня нѣтъ знакомыхъ, гдѣ бы я могъ переночевать, на станціи же мнѣ бы не хотѣлось, потому что она, навѣрно, биткомъ набита народомъ, нѣтъ-ли кого у тебя?

— Какъ не быть,—отвѣтилъ ямщикъ,—вотъ дядя Федоръ, дядя Иванъ, оба живутъ ладно и люди хорошіе.

— Ну, вези къ Ивану,—почему-то рѣшилъ я.

Черезъ полчаса мы подъѣхали къ небольшому новенькому домику, откуда, заслышавъ звонъ колокольчика, вышелъ къ намъ навстрѣчу мужичекъ, средняго роста, съ русыми волосами, прямымъ носомъ и синими, какъ небеса, глазами: въ лицѣ его было столько добродушія, сколько не встрѣтите у десяти монаховъ, взятыхъ вмѣстѣ.

— А что, дядя Иванъ, можно у тебя переночевать?— спросилъ я.

— Милости просимъ, милости просимъ, доброму человѣку мы всегда рады,—отвѣтилъ Иванъ, широко распахивая при этомъ ворота.

Вхожу въ сѣни, раздѣляющія домъ на двѣ половины, состоящія изъ горницы и черной избы.

— Куда-же идти-то?—спрашиваю я.

— Сюда пожалуйте, барин, сюда,—отвѣчаетъ Иванъ, отворяя дверь правой половины дома, называемой горницею.

Въ горницѣ оказались двѣ очень чистенькихъ комнатки, оклеенныхъ веселенькими обоями, съ рѣзнымъ поставцемъ въ правомъ углу, уставленномъ множествомъ разныхъ иконъ; налѣво кровать подъ ситцевымъ пологомъ, съ периною и грудою подушекъ; полъ застланъ красивою холстинкою собственнаго издѣлія; въ простѣнкѣ надъ столомъ зеркало, показывающее заразъ четыре лица, а по бокамъ его нѣсколько лубочныхъ картинокъ, изображающихъ ступени человѣческой жизни и послѣдствія пьянства.—Русскій человѣкъ юмористъ отъ природы; «пьяная» картинка имѣется почти въ каждомъ крестьянскомъ домѣ; мнѣ нѣсколько разъ приходилось наблюдать, какъ какой-нибудь мужичекъ, выпивши порядкомъ, останавливался предъ такой картинкой, философствуя самъ съ собою:

— А што, паря? И съ тобой то же будетъ!

Помолившись по русскому обычаю на иконы и поздоровавшись съ Иваномъ, я попросилъ его дать мнѣ закусить и напоить чайкомъ; но просьба моя оказалась лишней, потому что въ это время въ двери вошла Настасья, жена Ивана, неся громадный самоваръ, который ворчалъ и шумѣлъ на всю комнату, какъ будто обижаясь на то, что его побезпокоили не въ урочное время; поставивъ ворчуна на столъ, Настасья подошла ко мнѣ здороваться.

Это была высокая, стройная женщина, съ черными волнистыми волосами, высокимъ открытымъ лбомъ, съ правильными

носомъ на бѣломъ овальномъ лицѣ, съ черными, какъ агатъ, и глубокими, какъ море, глазами, надъ которыми проходили тонкіе, какъ шнурокъ, брови; щеки ея поверхъ румянца были покрыты пушкомъ на подобіе спѣлаго персика, маленькій ротъ, пунцовыя, какъ кораллъ, губы, зубы цвѣта слоновой кости и пышная грудь, — невольно приковали мое вниманіе. Это была красавица въ полномъ смыслѣ этого слова, безъ всякихъ прикрасъ, созданіе самой природы; подобную гармонію красоты мнѣ приходилось замѣчать на картинахъ Корреджіо и Рафаэля; глядя на нее, я стоялъ, какъ очарованный, не зная, что дѣлать. Спасибо, Иванъ выручилъ, пригласивъ меня закусить съ нимъ, чѣмъ Богъ послалъ. На столѣ, кромѣ самовара, стояли принесенныя старушкой нянней закуски въ видѣ жаренаго поросенка, омуля и холодинаго изъ губы лося, при взглядѣ на которыя я почувствовалъ волчій аппетитъ и, не долго думая, принялся утолять голодъ, при чемъ уничтожилъ чуть не половину бывшихъ на столѣ закусокъ.—Потомъ Настасья налила намъ чаю. Въ это время въ комнату вошелъ мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, въ рваномъ зипунишкѣ, съ длинною палкою въ рукахъ, по которой я сейчасъ же узналъ въ немъ десятника. Въ деревняхъ на эту, поистинѣ каторжную, должность выбираютъ стариковъ, за которыхъ по большей части служатъ внучата; вся ихъ обязанность состоитъ въ бѣганіи по селу, отъ дома къ дому, несмотря на время и погоду, съ приказаніемъ явиться передъ ясныя очи старосты, который иногда отдаетъ эти приказанія ради куража, чтобы чувствовали, что и онъ тоже шишка, или на сходку, для чего десятники и должны торчать день-деньской въ сельскомъ правленіи; длинная же палка служитъ аттрибутомъ власти десятниковъ и защитой отъ собакъ.

—Дядя Иванъ! Тебя староста завтра утромъ въ расправу требовалъ, — пропищалъ юный полисменъ.

—Ну, что тамъ у васъ стряслось?—спросилъ тотъ.

—Да все упокойника-то нашего трясутъ.

—Ладно, приду.

—Да ты не забудь, а то опять придется бѣжать за тобой.

—Нѣтъ, не забуду, — отвѣтилъ Иванъ.

И оригинальный десятникъ ушелъ.

—Что за покойникъ?—спросилъ я Ивана, по уходѣ мальчика.

—Да это длинная исторія, баринъ; одно слово, мертвый человѣкъ живымъ объявился.

—Какъ такъ? Разскажи пожалуйста, это очень интересно,— сталъ я просить его.

—Да вы, поди, отдохнуть хотите?

Нѣтъ, спать пока не хочется, а чтобы даромъ не терять время, ты и разскажи, а я послушаю.

—Ну, хорошо, слушайте. У насъ въ селѣ былъ крестьянинъ Петруха Носовъ, мужикъ непьющій, хорошій хозяинъ; лѣтъ пять тому назадъ онъ жилъ прожиточно, хлѣба сѣялъ десятинъ до пятнадцати, лошадокъ тоже имѣлъ штукъ до десятка, да рогатаго скота штукъ пятокъ, лѣтомъ занимался хозяйствомъ, а зимой извозомъ; кажись,что бы не жить Петрухѣ. Да вотъ поди-жъ ты! Богъ наказалъ его то ли за грѣхи родителей, планида ли ему такая вышла, или отъ дурного глаза,—Господь его знаетъ,а только въ одно лѣто у него угнали семь лошадей; всякому извѣстно, что крестьянинъ безъ коня все равно, что безъ рукъ; пашню-ли вспахать, заборонить-ли, хлѣбецъ ли свезти на базаръ,—вездѣ конь нуженъ, а тутъ, какъ на зло, появилась еще хворь какая-то, отъ которой у Петрухи всѣ коровушки пали, въ придачу къ этому на заимкѣ волки мерина задавили; одно слово, бѣдный мужикъ въ корень разорился, новыхъ лошадокъ купить денегъ нѣтъ, какъ тутъ быть?

И вотъ надумалъ Петруха на пріиска идти: денегъ на лошадокъ зарабатывать. Убравшись съ хлѣбомъ, онъ передъ Рождествомъ взялъ трехъ-годичный билетъ и отправился на заработки, дома-же хозяйничать оставилъ жену и сына, подростка лѣтъ тринадцати. Прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой, прошелъ и третій, а о нашемъ Петрухѣ ни слуху, ни духу; вотъ и вешню посѣяли, а о немъ нѣтъ никакого извѣстія; стали думать, ужъ не померъ ли онъ, а тутъ какъ на грѣхъ у насъ въ рѣчкѣ поймали утопленника съ удавкой на шеѣ, привезли его въ сельскую управу, авось, кто не признаетъ-ли, но упокойника узнать было нельзя, потому что волоса на головѣ облѣзли, лицо или побилось о камни, или рыба попортила,—не знаю, только оно походило на кусокъ мяса. Собрались старики, посмотрѣли, поголковали и, порѣшивъ, что это не нашъ, ужъ начали было расходиться, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ, замѣтивъ, что у упокойника на правой рукѣ не хватаетъ мизинца, заявилъ:

—Да ужъ не Петруха ли это, ребята? У него тоже не

было мизинца на правой рукѣ, и онъ де пропалъ безъ вѣсти, надо будетъ послать за Ариной, женой Петрухи, може, она признаетъ.

Живо послали десятника, который и привелъ Арину; та какъ только увидѣла правую руку упокойника и ну, голосить да причитать, насилу уняли ее; да вѣдь какъ убивалась—то сердечная. Ужъ на что нашъ засѣдатель суровый, кажись, суровѣе его и нѣтъ, а и то слеза прошибла. Но сколько не охали, не жалѣли, а черезъ два дня похоронили по христіански и, расшивъ ведерко на поминкахъ, разошлись подомамъ.

Нашему брату мужику безъ бабы въ хозяйствѣ никакъ нельзя обойтись, а тѣмъ паче бабѣ безъ мужика. И пашню вспахать надо, и заборонить и по хозяйству работы много, а на работниковъ положиться нельзя. Вотъ мѣсяца черезъ три послѣ похоронъ Арина то возьми да и выйди замужъ, за вдовца, крестьянина нашего-же селенія. Прожили они съ нимъ около двухъ лѣтъ, сынокъ у нихъ родился, таково хорошо зажили. Но это не долго было.

Разъ вечеромъ вскорѣ послѣ крестинъ Арина пошла коровъ доить, а ей навстрѣчу ея *покойный* мужъ, т. е. Петруха, только ужъ очень волосами обросъ; когда уходилъ на пріиска, у него бороды не было, да и волосья то онъ носилъ короткіе, а тутъ на мѣсто волосъ цѣлая копна сѣна и борода лопатой; сначала Арина приняла его за оборотня и давай читать воскресную молитву да орать караулъ; на крикъ ея сбѣжались сосѣди, но, увидѣвъ Петруху живымъ и невредимымъ, тоже испужались не на шутку, даже креститься бѣднаго мужика заставляли, чтобы удостовѣриться, что передъ ними не лѣшій, а человѣкъ. Когда разсказали Петрухѣ, что его похоронили, помянули и изъ списковъ вычеркнули и что Арина вышла въ замужъ, то онъ даже заплакалъ, проклиная пріиска и свою несчастную судьбу. Послали заявить въ волость, что Петруха пришелъ живой; сейчасъ же пріѣхали засѣдатель, старшина, писарь, староста и о. благочинный съ саломонщикомъ; всѣ они были на именинахъ у писаря, живущаго рядомъ съ волостью.

Засѣдатель какъ зареветъ на Петруху, да какъ начнетъ его ругать: ахъ ты такой-сякой немазанный, что-ты, говоритъ, надѣлалъ? Всѣхъ насъ подвелъ, мошенникъ, вѣдь мы тебя изъ списковъ, какъ умершаго, вычеркнули и въ палату донесли, а ты, на тебѣ, явился, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Помилуйте, ваше благородіе! Да чѣмъ же я то виноватъ? — говоритъ Петруха.

— А почему не писалъ, гдѣ ты находился?

— Да время не было, да и рубль жалко было — на пріискахъ за написаніе письма беругъ по рублю.

— Вѣдь ты теперь не то бродяга, не то съ того свѣта выходецъ, какъ мы тебѣ паспортъ-то писать будемъ?

— Однимъ словомъ, *небесный житель*, — сказалъ о. благочинный.

— А по моему, — вмѣшался тутъ подвыпивший саломонщикъ, — взять да и записать Петруху родившимся.

— Вотъ тебя, Тихонычъ, за твои умныя словеса слѣдуетъ записать родившимся, — отвѣтилъ благочинный.

Много тутъ у нихъ было шуму-то, а теперь вотъ и насъ таскаютъ.

— Да, дѣйствительно, положеніе критическое, — замѣтилъ я. Ну, а вы-то тутъ причемъ?

— А видишь-ли, они теперь думаютъ снова записать его, такъ вотъ и надо удостовѣреніе отъ общества въ томъ, что онъ дѣйствительно Петруха, а не кто-нибудь другой.

— А какъ же Арина? Вѣдь у ней теперь два мужа и отъ обоихъ дѣти

— Говорятъ, что со вторымъ-то разведутъ. Ну, да будетъ: нашихъ чудесъ не перескажешь, то-ли еще бываетъ, а ты, баринъ, ложись спать, да и мнѣ завтра молотить надо — и, пожелавъ мнѣ спокойной ночи, Иванъ ушелъ въ черную избу, гдѣ Настасья давнымъ давно почивала сномъ праведницы.

По уходѣ хозяина, я заснулъ, какъ убитый. Проснувшись часовъ въ десять, я послалъ старушку нянюшку за лошадьми, хозяева на свѣту еще тронулся на заимку и, напившись чаю, уѣхалъ дальше.

Н. Ясачный.

Народныя средства при собачьемъ бѣшенствѣ.

Въ теченіе свыше 30 лѣтъ я интересуюсь народной сибирской медициной. За это время мной собрана огромная масса матеріаловъ по интересующему меня вопросу.

По мѣрѣ возможности я буду знакомить читателей „Сибирскаго Архива“ съ этого рода народнымъ творчествомъ, въ которомъ безпристрастный читатель обнаружитъ немало наблюденій, глубокихъ размышленій, всевозможныхъ экспериментовъ въ борьбѣ съ различными болѣзнями

При этомъ считаю долгомъ совѣсти высказать, что главное значеніе своихъ матеріаловъ буду полагать въ томъ единственно, если смогу заинтересовать этимъ вопросомъ болѣе широкіе слои общества и тѣмъ дамъ возможность глубже изучить многовѣковой опытъ народа страдальца.—Всѣ нижеприводимые рецепты записаны въ разныхъ мѣстахъ Иркутской губерніи, гдѣ пришлось мнѣ побывать и разговаривать со знахарями и людьми, лечившимися отъ укушенія бѣшеными собаками

* * *

Въ деревнѣ Рютиной, Балаганскаго уѣзда, на Ангарѣ, существуетъ такой способъ леченія. Если бѣшеная собака укуситъ здоровую, то у новой больной слѣдуетъ отрѣзать часть праваго уха; когда потечетъ кровь, нужно взять кусокъ хлѣба, приложить къ отрѣзанному уху такъ, чтобы кровь обмочила его, а затѣмъ необходимо дать собакѣ съѣсть этотъ кусокъ. Въ такомъ случаѣ собака не взбѣсится.

* * *

Сокъ мороженой капусты смѣшиваютъ съ водкой и прикладываютъ къ укушенному бѣшеной собакой мѣсту.

* * *

Знахарки въ Култукѣ и въ Тулунѣ поятъ больного настоемъ на водкѣ изъ майскихъ жуковъ, предупреждая тѣмъ развитіе бѣшенства.

* * *

Болѣзнь не имѣетъ дальнѣйшаго развитія, если у только что укушенной собаки отрубить хвостъ.

* * *

Чтобы узнать, насколько опасенъ ядъ бѣшеной собаки, берутъ кусочекъ хлѣба, прикладываютъ къ ранѣ, напитываютъ кровью и даютъ домашней птицѣ, и если она издохнетъ, то, говорятъ, ядъ сильный. Такую рану не заживляютъ, а поддерживаютъ нагноеніе въ теченіе 40 дней.

* *
*

Чтобы здоровая собака не взбѣсилась, слѣдуетъ ей дать женскаго молока.

* *
*

Радикальнымъ средствомъ противъ бѣшенства считается, едва ли не вездѣ, такой способъ леченія. Необходимо убить укусившую бѣшеную собаку, отрѣзать у нея нѣсколько клочковъ шерсти и приложить эту шерсть къ ранѣ.

* *
*

Въ Малышевкѣ, противъ г. Балаганска, знахарка Середкина къ ранѣ прикладывала траву, извѣстную подъ именемъ *Егорьева копья*.

* *
*

Та же Середкина ядра горькихъ миндалей растирала въ уксусѣ, прибавляла къ этой смѣси немного чистаго коровьяго масла, вару кусокъ и соку корня лютика. Смѣсь эту она хорошенько варила, получала пластырь и прикладывала его къ ранѣ. Пластырь этотъ обладаетъ хорошими вытяжными свойствами. По словамъ Середкиной ядовитыя свойства лютика ей извѣстны. Она иногда дѣлала такъ: кровь, сочащуюся изъ раны, она не останавливала, а сейчасъ же срывала лютикъ, обмывала его, и прикладывала къ ранѣ, которую предварительно обмывала холодной водой, разведенной водкой, или легкимъ растворомъ корболовой кислоты, а иной разъ уксусной эссенціей, смотря по тому, что случится подъ рукой. Лютикъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ, какъ вытяжной пластырь.

* *
*

Для леченія бѣшенства Середкина собирала траву *красильный дрокъ*, клала ее въ горшокъ, заливала водой, ставила въ жаркую печь, плотно закрывала сверху, даже замазывала глиной, чтобы влага не испарилась. Затѣмъ, настой этотъ давала больному пить въ теченіе дня по 7—8 рюмокъ.

* *
*

Водянымъ шильникомъ, растущимъ по озерамъ, болотамъ и даже въ большихъ лужахъ, Середкина также лечила бѣ-

шенство. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ она выкапывала корни растенія, высушивала ихъ, превращала въ порошокъ и давала его ѣсть больному въ хлѣбѣ, намазанномъ чистымъ коровьимъ масломъ, при чемъ городское масло,—говорила она,—не годится, потому что оно плохое, въ немъ много разной нечисти. Въ теченіе недѣли, или дней 5—6, при 2—3 пріемахъ въ день, болѣзнь совершенно излечивалась, даже тогда, когда у больного появлялись уже всѣ признаки бѣшенства.

* * *

Точно такимъ же способомъ приготовляются *синіе колокольчики*, растущіе по полямъ; порошокъ ихъ дается во внутрь на хлѣбѣ. Но дѣйствіе колокольчиковъ слабѣе шильника.

* * *

Кромѣ того, Середкина рекомендовала уксусъ утромъ и вечеромъ по рюмкѣ и жаркую русскую баню. Потомъ въ банѣ,—говорила она,—выходитъ всякая «погань» изъ тѣла человѣка.

* * *

Въ 1908 г., въ маѣ мѣсяцѣ, мнѣ случилось прожить нѣсколько недѣль въ Тункѣ, гдѣ я изучалъ тамашніе пески въ археологическомъ отношеніи. Здѣсь я встрѣтилъ стараго своего знакомаго Ивана В. Барнова, бывшаго государственнаго ссыльнаго, проживавшаго въ Сибири болѣе 30 лѣтъ, который, между прочимъ, разсказалъ слѣдующій случай изъ своей долголѣтней жизни въ Тункѣ.

—Въ 1880 г. меня укусила бѣшеная собака, ранила въ руку, ладонь прокусила и ногу. Ладонь и пальцы всѣ были въ слюнѣ. Вотъ, думаю, бѣда приключилась, надо лечиться. Въ это время у насъ жилъ докторъ И. О. Савенковъ, сосланный административнымъ порядкомъ въ Тунку. Я сейчасъ же къ нему прибѣжалъ, разсказалъ, что со мной случилось. Савенковъ, какъ сейчасъ помню, обмылъ мои раны карболовой кислотой и для пущей важности прижегъ еще ляписомъ.

—Вотъ и все, что я могу сдѣлать,—сказалъ онъ мнѣ.—У насъ,—продолжалъ онъ,—въ научной медицинѣ противъ бѣшенства нѣтъ средствъ. Но такъ какъ послѣ укушенія прошло уже около часа, то кровь несомнѣнно заражена ядомъ. Здѣсь, въ Тункѣ, живетъ старуха Тюменцева, обратись къ ней: она лечитъ отъ бѣшенства; можетъ быть, чѣмъ-либо и поможетъ. Я достовѣрно знаю, что она всѣхъ лечитъ и свой

способъ леченія держитъ въ величайшемъ секретѣ, особенно отъ меня, представителя научной медицины, изъ боязни, что я буду преслѣдовать ее, какъ врачъ.

Баринов такъ и сдѣлалъ. Старуха согласилась лечить его, но съ условіемъ, чтобы способъ леченія онъ содержалъ въ секретѣ. Поклялся предъ иконой, поцѣловалъ ее и сказалъ:

— Клянусь, никому не скажу.

Послѣ этого Тюменцева взяла изъ мѣшечка мелкихъ мѣдныхъ опилковъ, смѣшала со свинцомъ, посыпала на кусокъ чернаго хлѣба и велѣла съѣсть. На другой день поутру я ѣлъ тоже черный хлѣбъ съ какой-то травой, а вечеромъ опилки. Ходилъ я такимъ образомъ два раза въ день въ теченіе 12 или 15 сутокъ къ Тюменцевой и парился въ банѣ нѣсколько разъ въ недѣлю. Вылечился вѣдь. До сихъ поръ здоровъ. Старуха Тюменцева давно умерла. Свои познанія по народной медицинѣ она передала своей дочери, но и та умерла въ 1900 г., какъ сообщилъ мнѣ Баринов.

* *

Въ Тункѣ, по словамъ Баринова, собачье бѣшенство лечатъ отваромъ байкальской губки, когда она находится еще въ свѣжемъ состояніи. Но если ея нѣтъ подъ рукой, примѣняютъ отваръ и изъ сухой губки.

* *

Въ Тункѣ жители рану прижигаютъ старой мѣдной монетой, а затѣмъ прикладываютъ шерсть убитой бѣшеной собаки.

* *

Но излюбленнымъ средствомъ тункинцевъ противъ собачьяго бѣшенства является купаніе въ холодной водѣ въ рѣкѣ и аршанахъ—цѣлебныхъ источникахъ.

* *

О леченіи бѣшенства купаньемъ въ холодной водѣ проф. Дыбовскій въ статьѣ „Зоогеографія В. Сибири“ говоритъ, между прочимъ: „что касается окрестности Култука, то здѣшніе жители имѣютъ въ холодной водѣ Байкала отличное средство противъ бѣшенства; они купаютъ въ озерѣ укушеныхъ бѣшеною собакой или волкомъ и никогда не случалось, чтобы послѣ этого болѣзнь развивалась, а буряты часто пріѣзжаютъ къ шаманскому камню, лежащему при истокѣ р.

Ангары, для купанья, даже зимой". Въ Балаганскомъ уѣздѣ иногда буряты пользуются въ подобныхъ случаяхъ озеромъ Алять.

* * *

Жители Нижняго края лечатъ бѣшенство, купаясь въ р. Балыктѣ.

М. Овчинниковъ.

Современный Якутскъ.

Населенія въ Якутскѣ сейчасъ всего какихъ нибудь восемь,— девять тысячъ человѣкъ.

Городъ расположенъ на равнинѣ, бывшей когда то, повидимому, болотомъ, такъ какъ и сейчасъ еще имѣются въ городѣ мѣста, которыя представляютъ изъ себя такъ называемый зыбунъ; для устраненія его вы зачастую можете увидѣть посреди многихъ улицъ горы земли, предназначенной для подъема полотна ихъ.

Незнакомому съ даннымъ явленіемъ эти кучи земли покажутся какъ будто тѣмъ, что улицы города подготавливаются къ шоссированію, почему съ нихъ снятъ верхній пластъ земли.

Но, конечно, это одна только иллюзія, какъ и многое другое въ Якутскѣ, гдѣ вы встрѣтите подчасъ непреодолимое затрудненіе въ пріобрѣтеніи самаго житейски необходимаго, но зато водки... водки сколько угодно, и запасы ея никогда не оскудѣваютъ.

Въ городѣ насчитывается немного болѣе 1114 домовъ, изъ которыхъ 25 каменныхъ, а остальные маленькіе, деревянные; много лачугъ.

Улицы немощеныя, многія кривыя, тротуары деревянные, обветшалые.

Водопроводъ, хорошее освѣщеніе и другіе удобства благоустроеннаго города отсутствуютъ.

Вмѣсто всего этого существуетъ вотъ что:

Имѣются извозчики, которые, повидимому, никогда не чистятъ своихъ клячъ, такъ какъ шерсть съ нихъ въ изобиліи летитъ на васъ, когда вы пользуетесь ими, въ особенности весной.

Якутскій обыватель настолько лѣнивъ, что предпочитаетъ вмѣсто доставки воды пользоваться льдомъ съ рѣки Лены.

Ледъ этотъ хранится на дворѣ, на открытомъ мѣстѣ, подверженный всѣмъ вліяніямъ улицы, пылится, засоряется вслѣдствіе этого чѣмъ угодно; временами, вѣроятно, мочатся на него собаки.

Затѣмъ этотъ грязный ледъ берется грязными руками, пачкается при этомъ о грязную одежду и кладется въ такія же ведра, а то просто тащится въ грязной полѣ; затѣмъ ставится для разогрѣванія на плиту, а потомъ сливается въ грязную кадку, откуда идетъ уже въ обиходъ.

Кое гдѣ мерцаютъ у торговыхъ помѣщеній фонари.

Хорошее освѣщеніе имѣется только въ торговыхъ помѣщеніяхъ Кушнарева, Коковина и Басова, у которыхъ и магазины соотвѣтствуютъ этому названію.

Когда я въѣзжалъ въ первый разъ въ Якутскъ, то онъ мнѣ по своему убожеству напомнилъ, но только еще въ болѣе худшемъ видѣ, Иркутскъ конца шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда я прибылъ въ него для поступленія въ гимназію.

Небольшой скверъ устроенъ только въ 1907 году.

Въ будущемъ онъ, конечно, разростется, если будетъ о немъ кто нибудь заботиться.

Дѣло въ томъ, что первая мысль объ устройствѣ сквера зародилась лѣтъ двѣнадцать тому назадъ.

Тогда группа мѣстныхъ интеллигентовъ, во главѣ съ однимъ изъ чиновъ судебнаго вѣдомства, положила начало подпискѣ, которая дала только тридцать рублей. И съ тѣхъ поръ дѣло это до 1907 года было предано забвенію.

Исторія скромно при этомъ умалчиваетъ, сколько же за это время было пропито господами интеллигентами города Якутска! Доходы города въ 1909 году опредѣлились суммой въ 61955 р. 51 коп.

Самую большую сумму городскому общественному управленію даютъ доходы съ городскихъ имуществъ и оброчныхъ статей; на второмъ мѣстѣ по доходности въ городскомъ бюджетѣ стоитъ оцѣночный сборъ; доходъ же, полученный съ городскихъ предпріятій, составляетъ только два съ небольшимъ процента всѣхъ доходовъ, что свидѣтельствуетъ, конечно, объ очень маломъ развитіи ихъ.

Расходовъ произведено на 61955 р. 51 коп.

Наибольшая часть расходовъ приходится на содержаніе городской управы, затѣмъ почти поровну на народное образованіе и на содержаніе пожарной команды.

Изъ среднихъ учебныхъ заведеній женская гимназія ютится въ плохомъ деревянномъ домѣ, для реальнаго же училища выстроено собственное каменное зданіе.

Отстроено на Большой улицѣ и занято каменное двухэтажное зданіе для музея, гдѣ также помѣщается городская публичная библіотека.

Въ городѣ имѣется шесть больничныхъ учрежденій, а именно: гражданская больница на 55 коекъ, лечебница краснаго креста, тюремная больница, лазаретъ при мѣстной воинской командѣ и якобы больнички при духовной семинаріи и женскомъ епархіальномъ училищѣ. Имѣется одна аптека, принадлежащая обществу врачей Якутской области.

Въ городѣ часто развлекаются и увлекаются женскими гениталіями, потребленіемъ издѣлій изъ вина и спирта, игрой въ карты. Разговоръ зачастую ведется на языкѣ дикарей— якутовъ.

До недавняго времени, разсказываютъ, былъ среди городской интеллигенціи обычай отдавать своихъ дѣтей на воспитаніе не только скопцамъ, но даже и якутамъ.

Насчетъ благоустройства можно замѣтить, что еще до сихъ поръ вы увидите на крышахъ многихъ домовъ городьбу, на которой вялится мясо, а въ усадьбахъ домовъ хотоны. Послѣдній имѣется даже въ усадьбѣ губернаторскаго дома.

Благодаря тому, что въ Якутскомъ округѣ устроена богадѣльня для поселыи, на улицахъ Якутска вы не встрѣтите попрошаекъ изъ этого преступнаго элемента. Городъ Якутскъ, а слѣдовательно и вся губернія, все еще живетъ временами Очакова и покоренія Крыма, такъ какъ до него не коснулась даже канцелярская реформа учрежденій.

Здѣсь нѣтъ губернскаго управленія, а есть областное управленіе, которому только недавно прибавили букву „у“ и которое предполагается всевѣдущимъ и всезнающимъ на этомъ основаніи.

Въ области до сихъ поръ нѣтъ уѣздовъ, а есть лишь дореформенные округа.

Нѣтъ, между прочимъ, управленія государственными иму-

ществами, а здѣсь ихъ такая масса, хотя бы въ видѣ разныхъ соляныхъ и рудныхъ мѣсторожденій.

Администрація, кстати сказать, всегда удостовѣряла, что все здѣсь трудно достать и сдѣлать; но когда, однако, потребовалось воздвигнуть здѣсь винополію, то для возведенія ея зданій и установленій, такъ грандіозно разбросавшихся на выѣздѣ города, и при томъ въ короткій промежутокъ времени, не встрѣтилось никакихъ препятствій.

Но, однако, будущность города и всей области едва ли завидна: слишкомъ суровый климатъ, какъ это было и до сихъ поръ до нѣкоторой степени, нагонитъ сюда, благодаря желѣзной дорогѣ, только тучу разныхъ гешефтмахеровъ и области грозитъ лишь будущность расхищенія, когда изъ нея будетъ выведено все, что представитъ изъ себя какую либо цѣнность.

Якуты въ массѣ могутъ влачить свое жалкое существованіе при данныхъ условіяхъ, когда земля не приведена еще въ извѣстность и не выдѣлена имъ въ надѣлъ.

Какъ только послѣднее случится, отъ скотоводства якутовъ, нынѣшней основы ихъ прозябанія, останется только воспоминаніе: оно все перейдетъ въ руки ловкихъ и опытныхъ предпринимателей, которыми въ ту пору наводнится край, а полученную за животныхъ и за ихъ продукты плату якуты пристроятъ, разумѣется, въ винополію.

Село Нохтуйское.
7 мая 1912 года.

Врачъ *А. М. Серебренниковъ.*

Открытіе новаго теченія въ Японскомъ морѣ.

Морскія теченія въ нашихъ дальневосточныхъ водахъ еще мало изслѣдованы. Только въ самое послѣднее время работами русской гидрографической экспедиціи во главѣ съ капитаномъ I ранга Жданко удалось довольно точно установить направленіе этихъ теченій и нанести ихъ на карту. Сейчасъ только что мною получено изъ Японіи извѣстіе объ открытіи японскими гидрографами новаго, до сихъ поръ невѣдомаго, теченія въ японскомъ морѣ, которымъ сейчасъ заинтересованъ весь ученый міръ Японіи.

Впрочемъ, оно и понятно.

Вѣдь новое морское теченіе открываетъ новую эру не только въ распредѣленіи подводной фауны, но даже и въ распространеніи восточно-азіатской націи.

Интересно отмѣтить, что одной изъ причинъ къ открытію новаго теченія въ японскомъ морѣ послужила, между прочемъ, русско-японская война.

Во время этой войны, какъ русскими, такъ и японцами, было разбросано множество морскихъ минъ у Владивостока.

Изъ этихъ то минъ болѣе 370 было прибито къ берегамъ Японіи и Кореи.

Появленіе здѣсь владивостокскихъ минъ заинтересовало японскихъ гидрографовъ.

Немедленно было снаряжено судно Токійскаго морского училища „Косай-Мару“ для изслѣдованія теченій въ Японскомъ морѣ.

Съ „Косай-Мару“ были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ японскаго моря пустыя бутылки.

Изъ этихъ бутылокъ 120 было прибито къ берегамъ Японіи и Кореи, почти въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, куда были занесены мины.

Слѣдя за движеніемъ, какъ пустыхъ бутылокъ, такъ и вообще плавающихъ веществъ, японскіе гидрографы установили, что брошенныя у Владивостока бутылки идутъ сначала

къ сѣверо-восточнымъ берегамъ Кореи (именно къ Корейскимъ портамъ Кенгъ-Шену и Шангъ Джину), затѣмъ слѣдуютъ на юго-востокъ до острова Мацушима, доплываютъ до сѣверо-западныхъ береговъ острова Ниппона (именно къ провинціямъ Вокн, Изумо, Танго, Ното и Садо), потомъ черезъ проливъ Цургару между остр. Кіусіу и Ниппонъ попадаютъ въ Тихій океанъ, поднимаются на сѣверъ, достигаютъ западныхъ береговъ южной оконечности острова Сахалина и наконецъ, спускаются снова на югъ и доходятъ до берега Кинказанъ, лежащаго нѣсколько сѣвернѣе города Токіо.

Бутылки же, брошенныя въ устьѣ рѣки Тачень въ Сѣверной Кореѣ въ пограничной съ нашими, русскими, владѣніями области Конкіохокудо, попадали въ устье протекающей черезъ японскую столицу Токіо рѣки Сумидагава.

Сообразуясь съ данными фактами, японскіе гидрографы пришли къ заключенію, что вновь открытое теченіе въ японскомъ морѣ имѣетъ слѣдующее направленіе.

Морское теченіе отъ береговъ Сибири[1]), спускаясь на югъ, доходитъ до сѣверо-восточныхъ береговъ Кореи (именно къ корейской провинціи Канконандо) спускается параллельно берегамъ Кореи до Суйчентана (въ провинціи Кочендо), затѣмъ слѣдуетъ на востокъ, достигаетъ острововъ Мацушима и здѣсь, столкнувшись съ морскимъ теченіемъ Цусимскаго пролива[2]), вмѣстѣ съ нимъ течетъ вдоль береговъ острова Ниппона на сѣверъ.

— Далѣе теченіе раздѣляется на двѣ вѣтви. Одна изъ этихъ вѣтвей направляется черезъ проливъ Цургару въ Тихій океанъ, другая же вѣтвь течетъ прямо на сѣверъ до Татарскаго пролива, гдѣ снова сталкивается съ морскимъ теченіемъ, несущимся отъ сѣверныхъ береговъ Сибири.

Такимъ образомъ выходитъ, что въ Японскомъ морѣ происходитъ грандіозный морской круговоротъ.

Петръ Чечитъ.

[1]) Холодное теченіе Охотскаго моря

[2]) Одна изъ вѣтвей теченія Куросиво.

Волостной писарь за наукой.

Въ старину наши ученыя общества и высшая администрація думали, что науку можно разрабатывать канцелярскимъ путемъ. Стоитъ послать по волостнымъ правленіямъ запросы да разныя инструкціи — и въ Петербургѣ только разбирайся. Въ лучшемъ случаѣ дѣло направляли лично исправнику или даже губернатору.

Такъ, въ 1736 году губернаторамъ сибирскимъ разослана была инструкція съ цѣлью выяснить мѣстности для горнозаводской промышленности. Въ этой инструкціи было 17 вопросовъ и одинъ другого «чище». Напр. вопросъ 10: находятся-ли такія деревья, «у которыхъ сучья раздвоились и на самой вершинѣ подъ корою видомъ, какъ будто посохли и яко бы морозомъ передъ другими повредило»; 13-ый вопросъ: «гдѣ и въ которыхъ мѣстахъ въ одной прямой полосѣ паръ и туманъ, а особливо при восхожденіи солнца бываетъ, а къ ночи якобы огонь показывается и какой оный видомъ и цвѣтомъ»; 15-ый вопросъ: «на какомъ мѣстѣ роса и снѣгъ исчезаютъ раньше сравнительно съ другими».

Интересно бы знать, какая голова сочинила эти головоломные вопросы? И, надо полагать, губернаторы писали обширныя донесенія на эту пустозвонную дребедень.

Въ 1840-хъ годахъ такимъ же канцелярскимъ путемъ собирали свѣдѣнія о климатическихъ и др. условіяхъ, вліяющихъ на урожай хлѣбовъ.

Получивъ предписаніе о доставленіи этихъ свѣдѣній, одинъ исправникъ долго ломалъ голову, пытаясь постигнуть, чего именно отъ него требуютъ. Наконецъ, видя, что сколько ни сиди надъ мудреною бумагой — ничего не высидишь, онъ взялъ перо, чернилъ и бумаги и настрочилъ:

«Доношу, что во вѣренномъ мнѣ уѣздѣ нѣтъ ни климата ни атмосферы, а есть только палящій зной, отъ котораго люди и умираютъ на законномъ основаніи».

Чѣмъ-то похожимъ вѣетъ и отъ слѣдующихъ документовъ, присланныхъ въ редакцію нашимъ постояннымъ сотрудникомъ *А. А. Савельевымъ*, изслѣдователемъ сельскихъ архи-

вовъ. По этимъ документамъ оказывается, напр., что жители захолустной Богучанской волости Енисейскаго уѣзда «слагаются въ нарѣчіяхъ согласно россійской грамматики и другихъ историческихъ книгъ", а пѣсни поютъ «согласно книгѣ россійскихъ пѣсельниковъ".

Въ виду интереса, привожу документы цѣликомъ.

Дѣло о доставленіи высшему начальству свѣдѣній о скороговоркахъ и нарѣчіяхъ по Богучанской волости

(Началось съ 23 дек. 1847 года, кончилось 23 февр 1848 г

На 7 листахъ).

I.

Приказъ Богучанскому волостному правленію. Съ полученнаго предложенія г. енисейскаго земскаго исправника отъ 9 числа сего декабря № 433 относительно собранія свѣдѣній о народныхъ скороговоркахъ, басенкахъ и о прочемъ, препровождая при семъ списокъ, предписываю противу изложеннаго требованія, составивъ свѣдѣнія, доставить ко мнѣ. № 3140, декабря 23 дня 1847 года. Засѣдатель Нечаевъ. Получено № 822, 26 декабря 1847 года.

СПИСОКЪ

съ предложенія господина состоящаго въ должности енисейскаго земскаго исправника отъ 9 дек. сего 1847 г. № 433.

Вслѣдствіе отношенія Русскаго Географическаго Общества отъ 15 іюня за № 365, покорно прошу ваше благородіе доставить мнѣ свѣдѣнія о вещественномъ и нравственномъ бытіи народа, какъ напримѣръ: 1-е, народныя сказки, басенки, побасенки, пѣсни, преданія; 2-е, народные обычаи; поцѣрья, суевѣрія, примѣты; 3-е, пословицы, поговорки, скороговорки, присловья, изрѣченія, загадки; 4-е, словари простонароднаго языка и мѣстныхъ нарѣчій, съ показаніемъ употребительнаго ударенія и примѣровъ въ складѣ рѣчи произношенія и географическаго распространенія различныхъ нарѣчій и прочаго; но этой статьѣ доставить въ видѣ образчика небольшой разсказъ или разговоръ, написанный точно такимъ языкомъ, какъ говоритъ народъ и съ такимъ именно правописаніемъ, какъ народъ каждое слово произноситъ. Подлинное подписалъ состоящій въ должности земскаго исправника Кущевскій.

II.

Приказъ Богучанскому волостному правленію. Предписываю волостному правленію, чтобы оно предписаніемъ моимъ отъ 23 декабря 1847 года № 3142 требуемое свѣдѣніе о скороговоркахъ народныхъ въ скоромъ времени представило ко мнѣ. № 302, февраля 1 дня 1848 года. Засѣдатель Нечаевъ. Получено № 83, 9 февраля 1848 года.

III.

Богучанское волостное правленіе. Донесеніе со свѣдѣніемъ о народныхъ скороговоркахъ и басенкахъ. 23 февраля 1848 года № 271. Д. Иркалеева. Г. Богучанскому отдѣльному засѣдателю Нечаеву. Во исполненіе приказовъ вашего благородія отъ 23 декабря 1847 г. и 1 числа февраля настоящаго года за № 302 и 3140-мъ, составя въ семъ правленіи о народныхъ скороговоркахъ и басенкахъ ихъ свѣдѣніе, которое при семъ вашему благородію въ благоразсмотрѣніе волостное правленіе честь имѣетъ представить. Вѣрно: писарь Кулаковъ.

Свѣдѣніе, составленное въ Богучанскомъ волостномъ правленіи о скороговоркахъ и нарѣчіяхъ жителей, обитающихъ въ Богучанской волости.

1-е.

А. Жители во время разговоровъ вмѣсто словъ *говорю* употребляютъ *баю;* если сказать *теперь – то часъ*; человѣка по имени назвать *Михайломъ*—называютъ *Мишкой; лицо* называютъ *рожей, харей и образиной: товарища* называютъ *братаномъ* и *баче милой: ружье винтовку* называютъ *пищалью: доскань* или *табакерку* называютъ *банкою; трубку—ганцою:* вмѣсто словъ *табакъ нюхать—ширкать* или *пить прошки*, а *курить—табачить; жену* называютъ *бабой; женскую шубу* называютъ *шубейкою.*

2-е.

Б. Брани производятъ во время ссоръ: *огонь, пламя, тресучая, огнева, даль мальева дичь.*

3-е.

В. Суевѣрству вѣрятъ, что могутъ сороками летать женщины. 1-е, есть змѣй летучій, который носитъ кладъ или деньги; 2-е, есть нечистые духи: въ лѣсу—*лѣшій*, въ водѣ—*водяной чертъ*, въ банѣ—*банной*, въ домѣ – *домовой сусѣтка.* Неимовѣрно вѣрятъ нашептываньямъ, смотрятъ въ

воду, ворожатъ картами, бобами, жерноветкою; жгутъ заячьи кости; вѣрятъ языческому шаманству; принуждаютъ лошадей во время свадебныхъ поѣздовъ бѣситься; на великій четвертокъ окуриваютъ скота разными травами и деревьями; рѣжутъ у скота въ сосѣдствѣ тайнымъ образомъ уши, хвосты и стригутъ съ такового шерсть и тайно доятъ коровъ.

4-е.

Г. При разгулкахъ своихъ поютъ разныя пѣсни. 1-ю: «Воевода камисаръ, разсуди насъ по усамъ». 2-ю: «Приворачивай, ребята, ко цареву кабаку, ко еврею чумаку, зеленаго вина пить»... 3-ю: «У воротъ сосна сколыбалася, дочь ко матери снаряжалася»... 4-ю: «Во полѣ березонька стояла» .. 5-ю: «По мосту, мосту туда шли—прошли три роты и три военныхъ службы» .. 6-ю: «Подлѣ рѣчку, подлѣ мостикъ росла трава муравая»... 7-ю: «Ты соколикъ, мой соколикъ, куда отлетаешь»... **И прочія, согласно книгѣ россійскихъ пѣсельниковъ.**

5-е.

Д. Скороговорки производятъ во время свадебъ. Дружка, подходя къ дому невѣсты, говоритъ: «Господи, Иесусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ». Хозяинъ дома или отецъ невѣсты отвѣтствуетъ ему: «аминь». Хлѣбъ разрушиваютъ ножемъ на столѣ, а послѣ кладутъ на голову и разламываютъ на двѣ части, изъ коихъ одну половину кладутъ на столъ, а другую отдаютъ отцу невѣсты и, **кромѣ сихъ предметовъ, жители Богучанской волости нарѣчій никакихъ не употребляютъ, а болѣе слагаются въ нарѣчіяхъ согласно россійской грамматики и другихъ историческихъ книгъ.** Вѣрно: писарь Кулаковъ».

Интересно бы знать, какъ подобный матеріалъ по этнографіи обрабатывало Русское Географическое Общество.

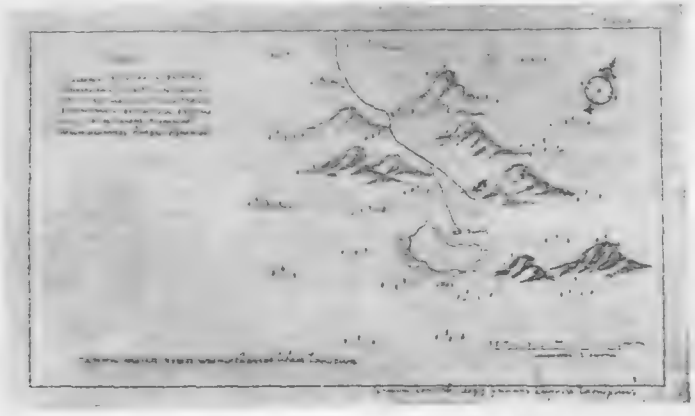
А. Линьковъ.

Матеріалы по горному дѣлу Енисейской губерніи.

Въ настоящее время въ архивѣ Управленія Земледѣлія и Государственными имуществами Енис. губ. въ горномъ отдѣлѣ за № 19 1910 г. хранится выписка изъ „Описанія Красноярскимъ и Кузнецкимъ рудными пріискамъ, кои разрабатываны подъ смотрѣніемъ Оберъ Штейгера Меттиха и, по остановленіи работъ, съ какою благонадежностью остались, нынѣ же на какихъ именно работа производится, и все подъ какими номерами, и въ какихъ разстояніяхъ состоять и кѣмъ объявлены значатъ ниже всего".

Къ этой выпискѣ приложены копіи съ двухъ плановъ работъ. Первый планъ озаглавленъ такъ: „Планъ, учиненный Ербинскому руднику, состоящему подъ № 18, а въ какомъ мѣстѣ урочища и разстоянія—значитъ въ сочиненной въ описаніи вѣдомости. На подлинномъ подписано Шихтмейстеръ Андрей Авраамовъ"; второй—„Планъ, учиненный темирскимъ и куимскимъ рудными пріискамъ, состоящимъ подъ № 22, 23, 24, 25 и 26, а въ какихъ мѣстахъ урочищахъ и разстояніяхъ—значитъ въ сочиненной въ описаніи вѣдомости. На подлинномъ подписано Шихтмейстеръ Андрей Авраамовъ". Внизу на первомъ планѣ, налѣво отъ масштаба, а во второмъ направо написано „подлинный сочинялъ унтеръ Шихтмейстеръ Иванъ Чапуринъ", а внизу подъ рамкой, на правой сторонѣ—„Съ подлиннаго копировалъ геодезіи ученикъ Кирилъ Чапуринъ".

Выписка начинается съ № 18 и кончается № 26, т. е. какъ разъ описаны тѣ номера, которые значатся на планахъ.



Планъ Ербинскаго рудника.

№ 18. Отъ казармы, гдѣ жительствуетъ Меттихъ (т. е. на Иткулѣ—рудникъ Терезія), примѣрно въ 30 верстахъ по теченію рѣчки Ербы, на лѣвой сторонѣ, большой пологой горы въ полугоркѣ опущеною съ лѣсенымъ укрѣпленіемъ шахтою глубиною пять саженей и два аршина, изъ оной съ подошвы пройдено въ сѣверъ штольною длины три, ширины одна съ половиною сажень; при осмотрѣ моемъ въ концѣ работы уступлено порогомъ впередъ три четверти, вышиной одинъ аршинъ въ той штольнѣ въ правомъ боку, т. е. восточнымъ боку въ отдѣленіи сѣраго камня съ желтою вохрою съ бѣла синеватымъ, отчасти изъ сѣра буровидные съ свѣтлыми блесками толщиною отъ четырехъ до шести вершковъ; отъ оного къ западной сторонѣ сѣрой кварцъ съ зеленью и красновохренными прожилками, съ частію купферъ киса отдѣляетъ сѣрымъ же крѣпкимъ камнемъ толщиною три и три четверти аршина: изъ оныхъ камней по признанію къ содержанію металла трехъ сортовъ отобраны и содержатъ: 1-го сорта сѣровидные съ зеленью съ частью кварца и купферъ кису въ ста пудахъ руды—2 п. 20 ф. мѣди; 2-го—сѣровидные съ кварцемъ и зеленью въ ста пуд. руды 2 п. 10 ф. мѣди; 3-го—желтовохренные ничего не содержатъ.

Работа производилась керочками, клиньями и кайлами. Оный пріискъ по содержанію изъ пробъ металла и по положенію горы мѣста и въ немъ рудныхъ каменьевъ впредь къ произвожденію работъ оказываетъ нѣсколько надежнымъ, но въ разсужденіи закрытаго земного богатства совершенно утвердить не можно, а по всѣмъ выше-приписаннымъ обстоятельствамъ Канцелярія Главнаго Заводовъ Правленія разсмотрѣть и что положить изволитъ по своему благоразсужденію.

План Темирскаго и Куяшскаго рудниковъ.

№ 22. На той горѣ Темирѣ въ древнихъ чудскихъ копяхъ пріиски разночинцевъ Прокофья съ братомъ Николаемъ Бызовыми.

№ 23. По оной же горѣ Темирѣ отъ прежде пробитаго (по прежней описи № 8 и 9) шурфа № 22 въ восточную сторону, разстояніемъ въ 30 саженяхъ старыхъ чудскихъ коней, пріиски ихъ же Бызовыхъ. На показанныхъ двухъ номерахъ работы произвожены были перво въ 1760 году въ бытность кол. сов. Клеопина, потомъ въ 1764 году при Оберъ-Бергъ-Мейстерѣ Лодыгинѣ по насыпи, а во оныхъ надежды познать не можно, потому что до настоящей почвы не дойдено; оная гора Темиръ *древними людьми вся ископана: копь подль копи по близости, не малы.*

№ 24. Пріиски ихъ же Бызовыхъ на горѣ Куимѣ въ чудской копи разстояніемъ отъ горы Темиры въ 1 верстѣ въ западъ. За твердостью и тонкостью прожилокъ работа не произвожена.

№ 25. На той же горѣ Куимѣ пріискъ его жъ Бызова разстояніемъ (№ 11 по прежней описи) № 24 шурфа 15 саженъ, на той же жилѣ въ древней копи.

Работа производилась въ 1764 году повидимому на той же жилѣ, на которой состоитъ подъ № рядовымъ 24, но оная работа по отбытіи Оберъ Бергъ-Мейстера Лодыгина оставлена, гдѣ настоящей подошвы не дойдено; затѣмъ надежды познать не можно.

№ 26. Пріискъ драгуна Ивана Несегова на которомъ Штейгеромъ Меттихомъ пробитъ шурфъ съ восточной стороны къ западу.

На объявленномъ пріискѣ по разрабатываніи въ 1759 году въ содержаніи металлическихъ рудъ не оказалось и затѣмъ болѣе работа не произвожена".

Считаю здѣсь умѣстнымъ выразить свою благодарность С. В. Иванову, позволившему мнѣ познакомиться съ этой выпиской и снять фотографіи съ приложенныхъ къ ней плановъ.

Москва 22 октября 1912 г.

Ив. Ал. Чекановскій.

Борьба въ Китаѣ съ уродствомъ женскихъ ногъ.

Послѣднія пекинскія китайскія газеты полны извѣстіями о начавшейся сейчасъ во всемъ Китаѣ борьбѣ съ уродованіемъ въ дѣтствѣ китайскимъ дѣвушкамъ ножекъ.

Главными организаторами этой борьбы являются нѣсколько китаянокъ изъ высшей аристократической среды Пекина, получившихъ образованіе въ Японіи, Англіи и Америкѣ.

Борьба съ уродованіемъ ножекъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, встрѣтила со стороны многихъ сочувствіе и потому можно надѣяться, что этотъ варварскій обычай постепенно исчезнетъ изъ Китая.

Интересно здѣсь вспомнить китайскую легенду, связанную съ происхожденіемъ уродованія ножекъ.

Вотъ эта легенда.

Въ началѣ IV вѣка до Р. Хр. правилъ Китаемъ Бао-дю-анъ одинъ изъ императоровъ династіи Циновъ.

Императоръ этотъ имѣлъ красавицу жену Панъ-фей.

Панъ-фей была очень умна и страшно честолюбива. Забравъ въ свои руки „бразды правленія“ государствомъ, она заставила своего слабохарактернаго супруга Бао-дю-анъ подчиняться ей во всемъ и безъ ея одобренія ничего не предпринимать.

Надѣленная отъ природы доброй душой, Панъ-фей не могла сдѣлать ничего плохого своему государству.

Бездарный же Бао-дю-анъ самъ мало занимался государственными дѣлами и Китай потому разъѣдался смутой.

Бао-дю-анъ сильно любилъ Панъ-фей и однажды, желая обрадовать ее, подарилъ ей маленькія туфельки, столь крохотныя, что они годились бы для какой-нибудь неземной царицы.

На подошвахъ этихъ туфель вырѣзано было по цвѣтку лотоса.

Туфельки очень понравились Панъ-фей. Она одѣла ихъ на

свои миніатюрныя ножки и стала гулять въ нихъ по дорожкамъ своего сада, усыпаннымъ золотымъ пескомъ.

И, гуляя по дорожкамъ, Пань-фей оставляла на нихъ не вульгарный слѣдъ простой ноги, а прелестный отпечатокъ красиваго лотоса.

Съ тѣхъ поръ китайскій народъ и прозвалъ Пань-фей — именемъ „Кинь-Лень“, что значитъ „золотой цвѣтокъ лотоса“.

Слава о „Кинъ-Лень“ быстро распространилась повсюду.

Высшіе придворные стали и себѣ искать женъ съ маленькими ножками.

Скоро этому стали слѣдовать и средніе классы населенія, а затѣмъ и простой китайскій людъ.

Мода заразила всѣхъ.

Стали всюду искать дѣвушекъ съ маленькими, миніатюрными ножками.

Но немного нашлось во всемъ Китаѣ такихъ дѣвушекъ. Тогда родители, желая лучше устроить судьбу своей дочери, и стали прибѣгать къ бинтованію ноги.

Правда, дѣвушка съ искусственно маленькой ножкой стояла значительно ниже дѣвушки съ маленькой ножкой отъ природы, но все же цѣнилась высоко.

Вотъ съ тѣхъ то поръ обычай уродованія ножекъ у дѣвочекъ очень быстро распространился по всему Китаю.

Цѣлыя тысячелѣтія прожилъ этотъ варварскій обычай, отъ котораго погибла не одна тысяча дѣтей, и только теперь, когда весь Китай охватили новыя вѣянія, когда подъ напоромъ европейской культуры „Небесное государство“ начинаетъ просыпаться отъ долгаго сна, поднятъ вопросъ объ уничтоженіи обычая уродованія ногъ.

Петръ Чечинъ.

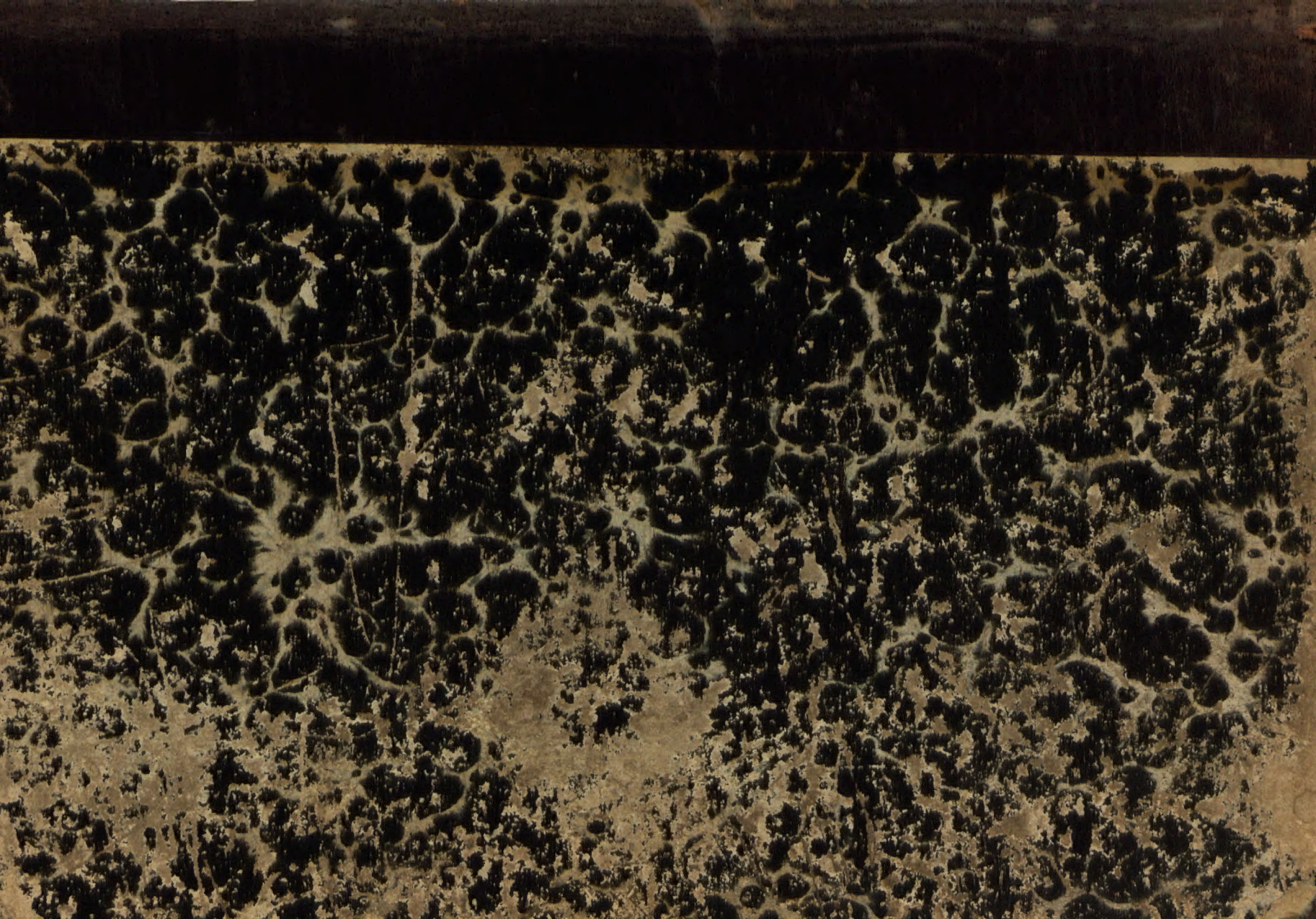
ЗАМѢТКИ.

КЪ ВОПРОСУ О СОЗДАНІИ ВЪ ИРКУТСКѢ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО МУЗЕЯ. Года два тому назадъ въ городской управѣ возникъ планъ устройства центральнаго педагогическаго музея. Этому вопросу было посвящено много разговоровъ, мысли и планы начали было воплощаться въ дѣло, но изъ-за вопроса, кто будетъ завѣдывать музеемъ, вышли разногласія въ средѣ иниціаторовъ музея, и самая идея о музеѣ затихла на неопредѣленное время. Между тѣмъ, эту идею нельзя назвать новой. Ровно 100 лѣтъ тому назадъ здѣшній губернаторъ Н. И. Трескинъ предполагалъ устроить при Иркутской гимназіи музей наглядныхъ пособій. Въ дѣлахъ Иркутской городской управы имѣется по этому поводу интересный документъ, который приводится здѣсь полностью.

„Указъ Его Императорскаго Величества и Самодержца Всероссійскаго, изъ Иркутскаго Губернскаго правительства, Иркутской Градской Думѣ.

Его Превосходительство, Иркутскій Гражданскій Губернаторъ въ предложеніи отъ 28 числа февраля прописываетъ, что директоръ училищъ Иркут. губерніи г. Надворный Совѣтникъ Миллеръ представляетъ къ нему, что для пріумноженія имѣющихся при Иркутской губернской гимназіи кабинетовъ любопытныхъ естественныхъ произведеній, и дабы имѣть болѣе способовъ къ полученію свѣдѣній о всѣхъ царствахъ природы по здѣшней обширнѣйшей губерніи, желая со временемъ составить музей – сдѣлано отъ него предписаніе учителямъ гимназіи и уѣздныхъ училищъ о собираніи въ свободное время рѣдкихъ и любопытныхъ произведеній природы какъ мало еще извѣстныхъ, такъ и описанныхъ уже и опредѣленныхъ. Таковое заведеніе можетъ быть полезно не только для обучающагося въ здѣшнихъ училищахъ юношества, но и для испытателей природы и, сверхъ того, служить къ распространенію Естественной Исторіи Сибири. Но предпріятіе сіе, какъ изъясняется г. директоръ училищъ, тогда только можетъ совершиться съ желаемымъ успѣхомъ, когда въ собираніи тѣхъ рѣдкостей, кромѣ жителей, участвовали бы и посторонніе какіе либо охотники, а потому и проситъ

содѣйствія Его Превосходительства въ семъ случаѣ. Его Превосходительство, признавая со своей стороны предположеніе сіе, особенно въ здѣшнемъ отдаленномъ и разными рѣдкими произведеніями природы изобилующемъ краѣ весьма полезнымъ, предлагаетъ Губернскому правительству, дабы благоволило предписать, кому слѣдуетъ, обвѣстить жителей здѣшней губерніи о сдѣланномъ учителямъ гимназіи и училищъ порученіи, приглашая охотниковъ до естественныхъ произведеній къ приложенію участія въ семъ дѣлѣ и къ оказанію возможнаго вспомоществованія г. г. учителямъ съ тѣмъ, что если кто имѣетъ какія либо рѣдкости природы, не пожелаетъ ли пожертвовать оныя для заводимаго при Иркутской гимназіи музея, каковое усердное приношеніе принято будетъ съ признательностью и не останется безъ начальственнаго вниманія. И для того, въ Губернскомъ правительствѣ **приказали**: о учиненіи должнаго по сему предмету обвѣщанія жителямъ сей губерніи, съ приглашеніемъ охотниковъ до природныхъ произведеній къ принятію участія въ пожертвованіи для возводимаго при Иркутской гимназіи музея имѣющихся у нихъ какихъ либо рѣдкостей природы, предписать указами всѣмъ Городничимъ и Земскимъ Судамъ съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ симъ обвѣщаніемъ извѣстили они жителей, что приношенія ихъ, бывъ приняты знаками усердія и благонамѣренности ихъ, не останутся безъ надлежащаго начальственнаго вниманія, для свѣдѣнія о чемъ дать знать и всѣмъ прочимъ здѣшней Губерніи присутственнымъ мѣстамъ и чинамъ.

Марта 4 дня 1813 г.

Сообщилъ *Вл. Грачевъ.*